

Российская Академия Наук
Институт философии

Ф.Н. Блюхер

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Москва
2004

УДК 300.36
ББК 15.56
Б 71

В авторской редакции

Рецензенты

доктор ист. наук *А.Б. Давидсон*

доктор филос. наук *А.А. Кара-Мурза*

Б 71 Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. — М., 2004. — 197 с.

В книге рассмотрены методологические, гносеологические и онтологические проблемы исторической науки. Сформулированы антиномии исторического знания. На основании анализа понятия «одновременность» выделяются четыре возможных подхода к интерпретации исторической реальности. Построена категориальная сетка исторической науки. На историко-философском материале моделируются три подхода к современной онтологии (технический, логический и смысловой). С точки зрения этих подходов рассмотрены реальные проблемы, возникшие во второй половине XX века в историографии.

Книга предназначена для читателей, интересующихся философией и исторической наукой.

ISBN 5-9540-0009-3

© Блюхер Ф.Н., 2004
© ИФРАН, 2004

Введение

Философия — попытка дать ответы на основные вопросы нашего существования. История же — то, что составляет содержание собственно человеческого существования. Поэтому философия истории это и есть рефлексия разума над самим фактом человеческого бытия. Отсюда проистекает основная опасность для данной области исследования. Человеческий разум безусловно историчен, но разумна ли человеческая история? Или иначе: можем ли мы приписывать законы целесообразности, свойственные индивидуальной человеческой деятельности, обществу? Попыткам философов найти эту рациональность историки противопоставили узкую специализацию и естественный для науки редукционизм. Отсюда непонимание, возникшее между обеими группами исследователей. С точки зрения философов историки не делают из своих работ выводов, необходимых для всего человечества. С точки зрения историков выводы, которые делают философы — не имеют отношения к реальной истории. Но философия истории без одобрения и поддержки историков-профессионалов малоинтересна. Что же остается философам? Искать проблемы, для решения которых необходима философская рефлексия в самой исторической науке. Философия как самостоятельная область исследований может быть как госпожой положения, так и служанкой. Быть служанкой науки — вполне почетная роль, по крайней мере для начала XXI века.

Данным рассуждением обусловлена структура предлагаемой книги. Сквозь призму философских дисциплинарных исследований рассмотрены проблемы, возникшие во второй половине XX века в исторической науке. При этом выбрана стандартное для современной философии науки дисциплинарное деление на методологические, гносеологические и онтологические проблемы.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

История как эмпирическое знание

На первый взгляд в самом названии этого параграфа заключено противоречие. По-гречески «ἐμπειρία» означает опыт, а у истории, кажется, нет никаких шансов называться опытной наукой. Х.-Г.Гадамер, рассуждая об открытиях В.Дильтея, особенно подчеркивает эту мысль. «Эмпирические знания требуют опыта при своем употреблении и в принципе лишь при таком употреблении являются тем, что они есть в действительности. Ввиду этого следует признать, что познание в науках о духе не тождественно познанию в индуктивных науках, а имеет совершенно инородную объективность и достигается совершенно по-иному»¹. Нужно сразу сказать, что история в этом плане не уникальна. Математику также никому не придет в голову назвать наукой эмпирической, в крайнем случае — прикладной. Однако именно математические выражения И.Кант рассматривает как образец синтетических суждений априори, лежащих в основании научно обоснованных знаний: «Чистая математика, как синтетическое познание априори, возможна только потому, что она относится исключительно к одним предметам чувств, эмпирическое воззрение которых основывается на чистом воззрении (пространства и времени) и притом априори; а может оно основываться на таком чистом воззрении потому, что это последнее есть только форма чувственности, предшествующая действительному явлению предметов, обуславливая это явление»².

Итак, если даже в основании математических выражений лежат формы чувственности, пусть и особо выделенных объектов (пространство и время), то что запрещает нам основание исторического знания рассматривать как особым образом организованное (сконструированное) эмпирическое знание? Ведь И.Кант, говоря о математике, также настаивал на конструктивности ее оснований. «В ее основании должно лежать *чистое воззрение*, в котором оно может представлять все свои понятия *конкретно* и между тем *априори*, или, как это называется, *конструировать* их»³. Правда, можно возразить, что знание чувственное и опытное — разные типы знаний. Так каждый из нас помнит свои собственные истории, что, вне всякого сомнения, является его чувственным знанием, но они никогда не достигают уровня точности, достаточного для того, чтобы другие считали это знание научным.

Можно предположить, что в основаниях исторического знания лежит знание чувственное (неточное, возможное, приблизительное), а в основании естественнонаучного знания — знание опытное. Правда, сам И.Кант выделяет чувственное знание, как необходимый элемент естествознания. Именно в форме чувствования формируется первоначальное представление об объекте, существующем в пространстве и во времени. Лишь после возникновения такого представления ученый имеет право анализировать априорные формы опытного естествознания. На этом уровне объект естественнонаучного знания ничем особенным не отличается от объекта исторической науки, который еще до конкретного исследования должен быть определен в конкретных пространственно-временных границах. Совсем другое дело, может ли объект исторической науки соответствовать опытным формам существования в том виде, в котором они были выделены И.Кантом.

На первый взгляд это абсолютно невозможно. Историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем. Объект этого знания исчез. История всегда «прошла» и ученый

имеет дело только с ее следом. Собственно говоря, осознание этого факта и легло в основание деления законов естествознания и истории на номологические и идеографические, введенное В. Виндельбандом и Г. Риккертом. Однако сам И. Кант и не утверждал, что объект науки должен быть исследован опытным путем, он разрабатывал лишь априорные формы познания, необходимые для того, чтобы опытное познание было обоснованно. Вот эти-то формы, на наш взгляд, и для естествознания и для истории идентичны, совсем другой вопрос — имеет дело ученый с «феноменами» или с «ноуменами», т.е. с необходимой формой восприятия объекта или с необходимой формой его долженствования.

Мы убеждены, что по мере выделения истории как науки из всего комплекса исторического познания она все меньше имеет дело с той или иной формой идеологии и объект ее исследования приобретает характер феномена познания. Современный ученый историк проводит сознательный отбор понятий, позволяющих представить объект его исследования, существующий сам по себе, вне зависимости от оценок, каким он должен быть для нас. Но деление на «феномен» и «ноумен» относится скорее к антропологическим воззрениям И. Канта, а не к тому перевороту в гносеологии, который он совершил своей «Критикой чистого разума».

В качестве примера эксперимента в истории обратимся к исследованиям М.И. Финли, проведенным для проверки Аристотелевского объяснения процесса обнищания афинского общинно-родового полиса на рубеже 8-7 вв. до н.э., приведшего к так называемой «архаической революции» и реформам Солона.

Собрав все надписи на закладных камнях, сохранившихся до сих пор, и сравнив их с описаниями аристократических афинских родов, М.И. Финли пришел к парадоксальному выводу, опровергающему расхожее представление о механизме процесса обнищания рядовых общинников на рубеже веков, данное еще Аристотелем. Заклад земель и последующая ее продажа за долги касались прежде всего не

рядовых общинников, а представителей знатных и богатых семей — афинской аристократии. Выводы, полученные М.И.Финли, противоречили ранее утвердившемуся представлению о социально-политических процессах, происходивших в афинском обществе. Они вызвали оживленную дискуссию среди историков античности⁴.

Сегодня можно говорить, что большинство исследователей признает если не все выводы, сделанные М.И.Финли, то, по крайней мере, правомерность его подхода. Данный случай показывает, что эмпирическое (опытное в терминологии Канта) исследование становится в исторической науке реальностью ее существования. Исследования, проводимые на основании моделирования изучаемых процессов, статистических и компьютерных обработок данных, полученных в результате этого моделирования, становятся естественными и повседневными в современном историческом знании. Все это свидетельствует о том, что в истории можно выделить не только теоретический, но и эмпирический уровень исследования и что их взаимосвязь может быть осуществлена стандартным для любой естественно-научной дисциплины способом — путем эксперимента.

Вышесказанное наталкивает на мысль о применимости априорных форм опытного знания, рассматриваемых И.Кантом в «Трансцендентальной аналитике», по отношению к анализу исторического знания. Единственную сложность, по-видимому, составляют лишь категории модальности, а именно средняя категория данного ряда — «действительность», связанная с наличием материальных условий представления вещи в опыте. Напомним, что в качестве необходимого условия применимости данной категории Кант настаивал на действительности восприятия исследуемого предмета в реальном опыте, что для науки о прошлом — невозможно. Правда, сам Кант, рассматривая применимость данного условия, делает существенную оговорку, относящуюся к возможным будущим событиям. «Что могут быть жители на Луне, хотя ни один человек никогда не видел их,

можно, конечно, допустить; однако это означает только, что в возможном продвижении опыта мы могли бы встретиться с ними; ибо действительно все то, что находится в контексте с восприятием по законам эмпирического продвижения»⁵. Данная оговорка представляется нам существенной. В соответствии с анализом и логическим аппаратом, предложенным А.М.Анисовым⁶, мы склонны предположить, что в отношении прошлых и будущих событий в истории, с точки зрения логики, действуют равномошные по своему содержанию вероятностные тенденции. Следовательно, событие допускаемое как возможно действительное в будущем, «по законам эмпирического продвижения», может на тех же самых логических основаниях быть возможно действительным в прошлом. Если бы наше восприятие было перенесено в прошлое, данное историческое событие должно было бы случиться именно так, как мы его описываем и было бы доступно нашему восприятию. Поэтому можно констатировать, что даже данная категория модальности вполне может подходить, по крайней мере с точки зрения логической непротиворечивости, для описания исторического знания. Более того, любой практикующий историк старается описать исследуемую им реальность не только в категориях вероятностного и законосообразного события, но и как события действительного, что и устанавливается при помощи приведенных историком фактов.

После столь длительного обоснования возможности применения к анализу истории форм эмпирического знания, рассмотрим, как эти формы реализуются в современной исторической науке.

Проблема исторического источника

История начинается с вопроса «как это нечто было?», но даже в сегодняшней жизни мы имеем на этот вопрос совершенно разные ответы, зависящие не только от остроты

нашей наблюдательности, но и от акцентуации нашего взгляда. В тех областях человеческой жизни, где решение данного вопроса не затрагивает основ нашего существования, эта многозначность восприятия становится предметом искусства. В тех областях, где человечество сталкивается с необходимостью выбора одного ответа — например, в юриспруденции, — вырабатываются определенные процедуры установления истины. Важно установить не только факт преступления, но и его мотив, т.к. от мотива во многом зависит выбор того или иного наказания. Юридическая практика оказала огромное влияние на становление историографии. В этом нет ничего странного. Справедливость важнее для человека, чем истина.

Источник отделяет историю от других областей гуманитаристики, но он же сближает ее с наукой. Собственно говоря, наукой историю делает соотношение с источником, т.е. источник — единственная действительность исторической науки, то, благодаря чему история может оперировать категорией истинности.

Источник ставит перед историком массу проблем. Прямого источника чаще всего не существует, необходимо доказать репрезентативность источника, интерпретации источников могут быть взаимоисключающими. При этом историк может действовать по-разному: 1. Он может прочитать у философов о логике исторического процесса и выбрать те источники, которые эту логику подтверждают. 2. Он может привлечь косвенные источники из других областей знания. 3. Он может смоделировать проблему и на ее основе начать работать с источниковедческим материалом. Но в любом случае он должен уметь задать источнику такой вопрос, на который можно получить ответ. Мастерство историка заключается в методике задавания вопросов источнику и оценке ответов. Это не просто, если учесть, что в качестве источников до нас доходят памфлеты победителей, что смогли убедительно показать Фогель и Энгерман в своем исследовании, посвященном экономике рабства в Соединенных Штатах⁷.

Ясно, что историк реконструирует историю, в какой-то степени придумывая ее, опираясь на источники. При этом его воображение может работать как у романиста⁸. Тем не менее отличие историка-профессионала от романиста заключается, по Коллингвуду, в том, что историк знает, какие вопросы можно задавать источнику, а какие — нельзя. Часто ориентиром этого мастерства оказывается не только знание истории, но и соблюдение критериев, выработанных научным источниковедением. Наше знание о ранней истории славянства крайне ограничено, поэтому появление обширных письменных источников, относящихся к этому периоду, вызывает невольное сомнение у историка-профессионала. Уже в 1846 году на опубликование в журнале «Иллюстрация» «Сказания о Руси и о вечем Олзе» не последовало никакого отклика историков. Профессионалы просто проигнорировали этот источник, и, как впоследствии выяснилось, небезосновательно. То же самое произошло через столетие с «Влёсовой книгой», которая также оказалась фальшивкой.

Однако мало сказать, что история зависит от источника. Зависимость истории и источника взаимна. Одно дело История государства Российского, другое — История России. В первом случае в качестве источников вас интересуют государственные акты и высказывания послов о государевых людях, во втором — жизнь народа, населяющего эту землю, и высказывания послов о передвижении на просторах России, об обмене, о быте, о размере запашки и т.п. С появлением в XX веке истории цивилизации возникает сложная методологическая задача: что должен включать в себя источник, говорящий о цивилизации? Может ли сама цивилизация сказать нам нечто о себе? Очевидно — нет. Вплоть до XX века люди не ощущали себя представителями цивилизации, они жили в разных государствах, у них были разные религии, они могли принадлежать к разным народам, и этих различий вполне хватало для того, чтобы описать отличие «другого». Какие изменения наших представлений об исто-

рии в XX столетии заставили выделить нас такой компаративистский объект, как цивилизация? Совершенно ясно, что существуют независимые мнения о «других», но не являются ли они всегда субъективными, а часто до комичного превратными. В чем же объективность источника по истории цивилизации? Для ответа на этот вопрос нужно выделить некоторые особенности повседневной жизни, которые приводят к устойчивому возрождению на одной и той же территории сходных в историческом плане форм существования человека. И после выделения этих особенностей мы обязаны показать необходимость их складывания в целое не только в пространственном, но и во временном смысле. После осознания данной проблемы концепция «вызовов» и «ответов» А. Тойнби уже не кажется столь экзотической.

Еще более отчетливо видна зависимость историка от источника на примере истории исторических школ, например «Анналов». В 60-е годы нашего века она раскололась на два течения. Для одного исследование ментальности оставалось краеугольным камнем истории. Второе отказывало этому понятию в праве на существование⁹. Представители первого по преимуществу были медиевистами — историками Средних веков. Вторые — историками Нового времени. Нам кажется, что определяющим в этом расколе был характер массива источников раннего Средневековья и Нового времени. Чтобы понять феодальную «революцию» XII века, описанную М. Блоком, необходимо реконструировать изменение мировоззрения средневекового человека на основании художественных, литературных произведений, изменении религиозного культа, т.к. источники хозяйственной деятельности того времени часто нерепрезентативны. От Нового времени осталось такое большое количество источников по экономической и хозяйственной деятельности, что обращение к анализу ментальности как бы теряло смысл. Изменение ментальности голландского бюргера XVII столетия могло быть интересным, но гораздо больше нам говорили об этом бюргере динамика банковского процента, торго-

вый баланс голландских компаний и специфика производительности труда в голландских торговых компаниях. Тем более что загадка такая история задавала не менее интересные, например «загадка Нарвы»¹⁰.

Историк не просто зависит от источника. Он его находит и интерпретирует, создавая тем самым возможность прочтения и проверки другим историком. При этом он руководствуется прежде всего следующей логикой. События в истории — это человеческие деяния. В отличие от палеонтолога, который, раскапывая, описывает окаменелости в рамках того или иного временного ряда, историк должен поставить вопрос, каким человеческим целям служил тот или иной объект. Все человеческие деяния имеют внутреннюю сторону. За каждым из них — мысль человека. Историк хочет понять мысль и тем самым познать ее¹¹.

Реконструировав мысль, историк задает следующий вопрос: «А был ли прав человек, мыслящий так?». Он должен оценить мысль и деяния человека, показать ценность данной мысли. Следующий шаг заключается в том, что человек, совершивший то или иное историческое действие, пытается передать свои мысли как современникам, так и потомкам. И историк задается следующим вопросом — насколько адекватно удается это человеку прошлого. Но и на этом исследование не окончено. Человек прошлого историчен. Он имеет представление о тех, кто был до него, и о тех, кто будет после него, т.е. какое-то представление об историческом процессе. Реконструкция представлений человека прошлого об обществе и об истории оказывается такой же необходимой задачей для историка, иначе деяния человека прошлого будут представлены не исторически. Не важно, сколько раз Цезарь пересекал Рубикон, важно, что перешел он его один раз.

Все это связывается в некое единство исторического факта, но и здесь исследование историка еще не закончено. Ему важно понять: первое — как другие историки до него реконструировали и понимали данное деяние; второе — в чем

они были правы, в чем — не правы; третье — какие конкретные выводы и открытия он сделал как историк и что он готов передать историкам, которые придут после него.

В свете именно этих задач историк а) отбирает; б) конструирует; в) критикует источники. Отбирает — потому что ссылка на авторитет является логической уловкой, и для историка отбор источников зависит не от авторитета, а от соответствия его критерию исторической истины, которая гласит, что некоторые события могли произойти в мире, а некоторые — не могли. На основании возможных событий происходит конструирование источника, заключающееся в согласовании высказываний, содержащихся в источнике, с высказываниями, предполагаемыми в нем.

В первые годы правления Василия Темного Московское княжество могло стать вассалом Великого княжества Литовского. В один из дней рождения Витовта, в соответствии с источниками, малолетний князь со своей матерью Софьей Витовтовной и митрополитом прибыл в Вильно, где якобы и мог произнести текст вассальной присяги. Но существуют и другие источники, в соответствии с которыми нахождение митрополита в Вильно в эти дни ставится под обоснованное сомнение. Возникает вопрос: было или не было присяги? И если была — то можно ли ее считать подлинной? Тем более, что Витовт вскоре умер, и в Литве началась междоусобица. Вопрос о вассалитете Московского княжества, конечно, дискуссионен. Не дискуссионно другое — это был момент наиболее тесных взаимоотношений Великого княжества Литовского с Московским княжеством. Витовт тех лет — самый могущественный князь Восточной Европы. Его дочь при малолетнем сыне практически управляла Московским княжеством и отношения между отцом и дочерью в соответствии со средневековым мировоззрением могли быть гораздо более тесными, чем формальный вассалитет. Правило исторической конструкции гласит: «Если наша конструкция не включает ничего того, что не выте-

кает с необходимостью из имеющихся данных — она является законной исторической конструкцией — без которой вообще невозможна история».

Наконец, существует априорное историческое воображение. Историк должен представлять историю как целостный процесс, в котором его отдельные части взаимосвязаны. Именно с этой точки зрения он должен подходить к осмыслению источников, т.е. он должен оценить данные источников по их связанности с историческим смыслом, под которым мы понимаем комплекс вопросов при решении исторической проблемы, которая формирует системность источника. Тем самым историк открывает в истории смысл, который мог быть и непонятен современнику происходящих событий. Что, например, древний грек или викинг знали о законе соответствия спроса и предложения, — видимо, меньше, чем современный экономист. Однако как торговцы или купцы они подчинялись действию этого закона.

Приведем пример системного конструирования источника при поиске такого смысла. Для историков XIX века в истории Греции оставались загадкой причины, по которым Солон, потомок царя и аристократ, создал для Афин демократические законы. После работ М.И.Финли, который показал, что закупы афинских земель за долги разоряли прежде всего аристократов, которым требовались деньги для поддержания своего статуса, стало понятно, что законы Солона защищали прежде всего аристократию. Решилась загадка Солона, но возникли вопросы — какая демократия была создана в Афинах, а затем следующий, более обобщающий вопрос — в чем была специфика общественной жизни греков. Старые источники были прочитаны заново, под новым методологическим углом зрения. Знания, которые в результате были получены, перевернули наши представления о социальной жизни древнегреческого общества. Грек оказался чрезвычайно корпоративным существом. Вся его жизнь регламентировалась религиозными, правовыми, нравственными, политическими законами и традициями корпорации, в

которой он состоял по праву рождения (по существу, племени). Метек, представитель иного племени на территории данного полиса, был лишен большинства прав коренных жителей. При этом совершенно не важна была слава этого человека (Аристотель) или его состояние. Афинская демократия как раз защищала афинян своей системой прав от слишком большой власти денег, находившихся у метеков (торговцев и предпринимателей). Афинская демократизация не отменила аристократический принцип правления — правят лучшие по рождению, — она расширила его на всю племенную структуру. Согласитесь, что это очень далеко от современного представления о демократии.

Не менее сложным было формирование источниковедческой базы для современных выводов о норманнском влиянии на раннюю историю Руси. Когда казалось, что норманнская теория была окончательно отвергнута научным сообществом, она получила новую убедительную аргументацию. За последнюю четверть века был сформирован новый источниковедческий комплекс, положенный в ее основание. Основной аргумент против норманнской теории заключался в том, что размеры территории обитания славянских племен казались несоразмерно великими количеству норманнов, зафиксированному в летописных источниках. Самое главное, непонятно было, что привлекало норманнов именно сюда, а не к богатым центрам западной цивилизации, на которые они так успешно совершали свои набеги. Неожиданно ответы на эти вопросы смогли дать современная системная археология, ретроспективная экономическая география, история техники и история культуры¹². Именно эти дисциплины сформулировали один из новых объектов современной истории, «протобалтийскую цивилизацию». Системное изучение многолетних раскопок в Скандинавии, вокруг озера Неро и в Гнездово показало довольно стабильное присутствие в течение примерно двухсот лет большого количества норманнов на территории будущей Руси. Отсутствие собственного серебра в Западной Европе-

того времени и использование в качестве обменного эквивалента серебра, добываемого в Иране, приносило торговцам, доставляющим его в Европу, баснословные проценты (ок. 1000% годовых). Реконструкция варяжского судна позволила выявить его необычайные скоростные качества (при благоприятных условиях оно могло проходить ок. 250 км в день). Реконструкция особенностей духовного мира норманнов, совершенная А.Я. Гуревичем, показала высокую символическую цену драгоценных металлов, существующих в протобалтийской цивилизации, достоинства человека оценивались размером зарытого им клада.

Конечно, в случае с открытием таких сложных объектов исторической науки, как социально-политическое устройство древнегреческого полиса или протобалтийской цивилизации, мы имеем дело с комплексным влиянием источников друг на друга. Все источники взаимосвязаны и представляют из себя источниковедческий комплекс, в котором отрицание какого-либо одного источника не ведет к обесцениванию всей картины в целом.

Решение частной проблемы, находящейся в начале исследования, привело к перестройке не только источниковедческого комплекса, но и всего представления об определенном периоде прошлого. Однажды возникнув, это представление заставляет историка искать его подтверждение или опровержение, например вычислять по документам скорость корабля викингов или исследовать возможные объемы добычи серебра в древнем Иране. В обоих случаях перед нами не простой письменный источник. Историку приходится проводить сложные расчеты на основании особенностей конструкции фрагментов кораблей викингов и сравнительного анализа отрывков из хроник миссионеров, послов и купцов — современников событий. Он делает возможный вывод, а затем ищет его подтверждение или опровержение. Перед нами сложная исследовательская процедура. На основании небольшого числа данных историк формулирует научную гипотезу или строит возможную модель, а затем

проверяет следствие, вытекающее из этой гипотезы или модели. Если следствие подтверждается — модель можно считать возможной.

Если ранее история считалась исключительно индуктивной наукой, т.е. наукой, обобщающей данные, существующие независимо от историка в источниках, то во второй половине XX века развитие исторической науки шло по пути гипотетико-дедуктивного моделирования, что в методологическом плане вплотную приблизило историю к методологии естественных наук. Тем самым во весь рост встал вопрос о системном характере источниковедения. Рассмотрим изменения источниковедческой базы и попробуем сформулировать логику историка во время его работы с источником.

Проблемы методологии исторической науки

Если до возникновения источниковедения как науки основной интерес историка был направлен на исторический факт, который сообщает ему источник, то современные исследования рассматривают сам источник как продукт исторической деятельности человека. Человек не просто сообщает другому, что произошло, — он делает это с определенной целью. Любой источник должен быть подвергнут комплексному анализу, цель которого — объективация источника. Частично это достигается систематизацией исследовательского материала. Так исследования хозяйственного архива князей Гагариных по селу Покровскому, а именно из года в год повторяющихся жалоб местного священника об уклонении крестьян от ремонта сельской церкви, говорят нам о религиозности русского народа гораздо больше, чем благочестивые воспоминания современников¹³. Но в этом случае у нас есть естественно систематизированный материал. В середине прошлого века крупные помещики старались сделать свое хозяйство товарным, поэтому заводили в Москве управленческую контору, при которой создавали архив. По

нятно, что, работая с архивом, историк может позволить себе определенный объективизм (основанный на многократной повторяемости события). Что же делать, когда архива нет?

Ответ довольно прост — конструировать систему “наблюдения”, или, говоря языком, близким к историографии, создавать систему комплексного изучения источника.

При этом у нас есть два пути. Во-первых, мы можем, отталкиваясь от представления об уникальности любого исторического события, строить специфическую методологию эмпирических исследований в истории. Во-вторых, отталкиваясь от методологии эмпирических исследований в современной науке, попытаться понять специфику и границы «уникальности» исторического события. Именно на эти два пути указывает Х.-Г. Гадамер. Либо речь идет о специфике наук о духе, либо «понятие научной объективности оказывается частным случаем. Наука — менее всего факт, из которого нужно исходить... Как науки о духе, так и науки о природе следует вывести из действия интенциональности универсальной жизни, то есть из абсолютной историчности»¹⁴.

Проблема естественной уникальности исторического события будет обсуждаться во второй главе, посвященной гносеологическим проблемам исторической науки. В качестве специфической методологии истории рассмотрим подход, предложенный Г. Риккертом. Он исходит из положения о недопустимости применения методологии естествознания к истории. «Предвзятые мнения этого рода находятся в связи именно с господствующим односторонним пониманием сущности науки, борьба против которого составляет цель всего этого исследования»¹⁵.

Настаивая, что история «должна быть эмпирической наукой»¹⁶, он признает в исторической науке проблемы, носящие сверхэмпирический характер¹⁷, когда речь заходит об «безусловной обязательности исторических понятий, предполагающей признание безусловно общих ценностей»¹⁸. Ставит вполне современную методологическую задачу:

«Даже когда история знает о своих объектах слишком мало, она в то же время знает о них слишком много. Поэтому она никогда не может ограничиться рассказом о том, “как собственно было”, но всюду ее задачу составляет отличие существенного от несущественного»¹⁹.

Но это лишь предпосылки к логическим построениям, которые в конечном счете часто приводят Г.Риккерта к прямо противоположным выводам. «Действительное эмпирическое воззрение не может быть изображено так, как оно есть, никакой наукой, ибо оно, как бы то ни было, остается необозримо многообразным. Напротив того, дело обстоит иным образом относительно индивидуальности. Хотя она всегда дана нам воззрительно, из этого еще *не следует, чтобы она была тождественна с воззрением* (выделено мною). Итак, проблема исторического образования понятий заключается в том, возможно ли научное трактование и упрощение воззрительной действительности, при которых не утрачивалось бы, как в естествознании, в то же время и индивидуальность, т.е. могут ли определенные составные части из необозримо многообразия воззрительного содержания выделяться и объединяться в понятия таким образом, чтобы ими выражалось не общее некоторому множеству, а лишь оказывающееся налицо в каком-либо индивидууме»²⁰. Для того, чтобы победить многообразие, Г.Риккерт использует понятие «индивидуум» в соединении двух значений: «единственного в своем роде» и «неделимого»²¹. «Мы стараемся установить, может ли понятие единства и неделимости таким образом сочетаться с понятием единственности в своем роде, чтобы единственность в своем роде оказывалась основанием и предпосылкой неделимости и единства»²². Здесь, конечно же, необходимо объяснение, что Г.Риккерт и делает, противопоставляя «вещи» или тела — душе: «Разве души не оказываются неделимыми и притом еще совершенно иным образом, чем тела, и разве их единство не связано неразрывно с их единственностью в своем роде?»²³. Но это не более чем иллюстрация к сказанному, ключевым же поняти-

ем, объясняющим решение задачи образования исторических понятий, оказываются понятия «единого целого»²⁴, «цельною единственностью в своем роде»²⁵.

Наконец, окончательно снимая предметную обусловленность искомого единства, Г.Риккерт пишет: «Наибольшее число тел имеет значение лишь как экземпляр общих понятий, но мы не будем подводить под общее понятие те тела, которые не только единственные в своем роде, но в следствие этой единственности в своем роде и цельны»²⁶. Зафиксируем проблему целого, нам еще предстоит к ней вернуться. Сам же Г.Риккерт решает ее довольно оригинальным способом, вводя понятие ценности. «Алмаз не должен быть разделен на части, и это должно иметь силу для всех тех тел, которые суть ин-дивидуумы: лишь благодаря тому, что их единственность в своем роде приводится в связь с некоторой ценностью, может возникнуть охарактеризованный род единства»²⁷. Перед нами ключевое для автора положение. «Мы ставим вопрос лишь о том, каким образом единственность в своем роде может служить основанием для единства, и ответ на этот вопрос должен гласить: ин-дивидуумы всегда суть индивидуумы, относимые к некоторой ценности»²⁸.

Оставим на совести автора отсутствие достаточных логических оснований для введения «ценности». Это положение вытекает не из логики, а из эмпиризма. Существенные признаки должны сочетаться в необходимое единство, но это единство — не понятие, а существование. «В противоположность естествознанию, центр тяжести проблемы заключается здесь (в истории) в вопросе о существовании объектов, а не в вопросе об обязательности понятий»²⁹. При этом, следуя основному методологическому принципу, Г.Риккерт настаивает, что «сама действительность как воззрительная и индивидуальная, не входит ни в какую науку»³⁰.

Поэтому, хочет того Риккерт или нет, ему приходится конструировать не объект эмпирического исследования исторической науки, а именно историческую действительность, особую данность истории: «Душевная жизнь пре-

имущественно образует объект исторического изложения»³¹. Ценности же являются лишь воззрениями этой душевной жизни. «Отнесение объектов к ценностям логически (*begrifflich*) неотделимо от всякого исторического изложения»³².

В этот момент те цели, которые декларирует автор, неожиданно переворачиваются и вместо эмпирического исследования, имеющего дело с понятиями, перед нами предстает сама эмпирическая действительность, да еще к тому же отягощенная *теоретическим рассмотрением*. «Мы смогли определить исторический индивидуум как действительность, благодаря отнесению к некоторой ценности должную для всякого суммироваться в единственное в своем роде и цельное многообразие и могущую затем быть изображаемую таким образом, как она с точки зрения этого чисто теоретического рассмотрения распадается на существенные и несущественные части»³³.

Теперь попробуем суммировать все вышесказанное. Для решения проблемы отделения в истории существенного от несущественного автор конструирует особый объект исторической науки, целостную единичность. Целостностью он оказывается в результате особенности своей организации, индивидуальностью — в результате ценности, «важной для всех». «Исторический индивидуум имеет значение для всех, благодаря тому, чем он *отличается от всех*»³⁴. Эти объекты оказываются: 1) исторической действительностью, т.е. вполне эмпиричны; 2) теоретическими конструктами, т.е. надэмпирическими образованиями.

Здесь самое время открыть цель написания данного параграфа. Нам хотелось показать, что любое эмпирическое знание в исторической науке с необходимостью должно включать в себя теоретическое обоснование. Мы благодарны Г.Риккертю за то, что он помог нам это сделать так быстро.

Идея, которую мы рассматриваем, неоригинальна, но до сих пор она была связана лишь с материалами, полученными на основании анализа естественнонаучного знания. «При-

исследовании структуры эмпирического знания выясняется, что не существует чисто научной эмпирии, не содержащей в себе примесей теоретического. Но это является не препятствием для формирования объективно истинного эмпирического знания, а условием такого формирования»³⁵. История же в лице своих наиболее авторитетных представителей в XX веке постоянно подчеркивала эмпирический характер своих знаний. Тем более нам важен авторитет такого защитника этой точки зрения, как Г.Риккерт. Всей силой своей логики он пытается следовать этому тезису, но именно логика приводит его к противоположному выводу. Теперь мы попытаемся, отталкиваясь от полученного результата, выяснить, какие именно элементы эмпирического знания в истории требуют теоретической интерпретации.

Для этого обратимся к работам методологов естествознания, чтобы показать, как объект эмпирического исследования может быть представлен в исторической науке. «Эмпирические объекты — это абстракции, выделяющие в действительности некоторый набор свойств и отношений вещей. Реальные объекты представлены в эмпирическом исследовании в образе идеальных объектов, обладающих жестко фиксированным и ограниченным набором признаков»³⁶. Создание идеальных объектов исторической науки может происходить различными способами, например путем выделения в реальной действительности повторяющихся исторических фактов. Умение выделить эти факты составляет специфический метод эмпирической истории. В качестве примера можно привести различные типы классификации сельских поселений раннего средневековья: на основании топографии (в какой местности и как по отношению к местности расположено селение), на основании анализа планировки (по типу застройки «уличная», «круговая» и т.п.), по типу поселения в зависимости от социально-экономической сущности (села, деревни, слободы и т.п.)³⁷.

Однако здесь важно подчеркнуть, что естествоиспытатели придерживаются идентичных методов работы. Традиционно методология рассматривает следующие проблемы:

что такое факт и логика фактов в науке, какова точность научных знаний, опыт и опытная проверка научных данных, научная констатация факта, определение ошибки научного исследования, комплекс вопросов, связанных с теоретическим знанием. Мы попытаемся рассмотреть те же самые проблемы на материале исторической науки.

Проблема исторического факта

Пуанкаре считал, что «метод — это собственно и есть выбор фактов»³⁸. Главное требование к фактам, которое он выделял, — простота и повторяемость. Простота — так как именно она позволяет расчлнить сложное явление до минимума, на основании которого возможно вывести индуктивные закономерности. Повторяемость — позволяет выявить закономерность изучаемых явлений, на основании которой и может быть создано научное описание. История науки показывает, что первоначально такие факты обнаружены в области бесконечно большого (астрономия) и в области бесконечно малого (в физике элементарных явлений).

В астрономии расстояния настолько огромны, что светило превращается в точку и от остальных параметров его можно абстрагироваться. В области элементарных явлений тело разделяется на бесконечно малые кубики. Все изменения тела в области этих бесконечно малых величин могут рассматриваться в пределах каждого из кубиков³⁹. Путь к простоте факта зависит от искусственной ситуации абстрагирования, от реальных размеров и времени существования самого единичного тела.

«Общеизвестно, что основанием для всех исторических построений являются исторические факты, а о фактах этих исследователь узнает не непосредственно, а через исторический источник»⁴⁰. Сложность источниковедения заключается в том, что письменный источник, написанный человеком, передает принципиально иную размерность события,

он человекоразмерен, в то время как события истории как науки должны быть, наоборот, абстрагированы от смены человеческих настроений. Единичный письменный источник, а именно через него мы получаем основное историческое знание, не может выступать основанием для фиксации научного факта. Единственно, что может поведать нам такой источник — это фиксацию какого-либо события на пространственно-временной шкале.

Как и в естествознании поиск простоты факта должен происходить в рамках больших и малых длительностей. Таких больших, как изменение государственной власти, смена политических режимов или циклы изменения конъюнктуры, т.е. во всех тех периодах, где сиюминутное представление людей об истории и своей жизни не имеют решающей роли. И таких малых, как структура человеческого дня или аграрной недели, того, что повторяется вне зависимости от изменений оценок человека в течение года, нескольких лет, всей жизни. Именно на основании этих длительностей должны строиться объяснительные реконструкции, фиксирующие историческое событие как факт.

Если с областью бесконечно больших величин все более или менее ясно, то исследование в области бесконечно малого в истории ставит перед источниковедением сложные вопросы. Первое — историк фиксирует событие, а область бесконечно малого — это размерность повседневной жизни, фиксировать которую нет особого смысла. Второе — изменения, которые происходят в такой повседневности, могут быть настолько малыми, что просто не осознаются и соответственно не попадают в источник. Третье — источник, с которым мы чаще всего имеем дело, написан автором, выделенным из повседневности и редко опускающимся до описания будничных фактов⁴¹.

Реконструкция аграрной или промышленной истории — одна из самых сложных проблем современного источниковедения. Это относится не только к древней истории. У нас, например, нет репрезентативных свидетельств о подготовке

России к первой мировой войне, прежде всего в плане военной промышленности. Военное ведомство, ссылаясь на военную тайну, игнорировало официальные переписи промышленных предприятий 1900, 1908 и 1912 годов. А победная реляция Центрального военно-промышленного комитета о возрастании основного капитала в частной промышленности, занятой изготовлением предметов обороны, с 80 млн. руб до 600 млн. за полтора года ставится современными историками под сомнение. Фактом остается то, что заказ на стальную трубку вместо дровяка для казацкой пики смогли разместить в Америке на заводах Снигди лишь в 1915 году. Златоустский завод мог справиться лишь исключительно с верхней, колющей частью пики. Еще более парадоксальная ситуация сложилась с колючей проволокой. В условиях позиционной войны потребность в ней исчислялась двумя млн. пудов в месяц. Все русские заводы могли дать только 60 тыс. пудов в месяц. В течение всего 1916 года проволока поступала из США, но с отказом Англии в кредите в 1916 проволоки не стало. Тонкую проволоку для кабеля не делал ни один завод в России. Перед нами факты, на основании которых мы можем реконструировать военную повседневность русских на фронте, которая была принципиально иной, чем у их противников. Немудрено, что солдаты так легко перешли на сторону революции, и не только солдаты. Огромную роль в становлении Красной Армии сыграли «военные спецы» — бывшие офицеры, которые в основном происходили из так называемых «окопных офицеров». Тем самым раскол общества обуславливался не идеологемами, а повседневностью. Конечно, перед нами только следствия, но они показывают нам, что нужно искать в структуре повседневности, как ее реконструировать.

Рассмотрим подробнее структуру эмпирического исследования. В качестве основы такой структуры в методологии выделяется эксперимент. «Экспериментальная деятельность представляет собой специфическую форму природного взаимодействия, и важнейшей чертой, определяющей эту спе-

цифику, является именно то, что взаимодействующие в эксперименте фрагменты природы всегда предстают как объекты с функционально выделенными свойствами»⁴². Но для того, чтобы представить эмпирический объект как объект с функционально выделенными свойствами, необходимо создать «приборную установку, с помощью которой и проводится экспериментальное исследование»⁴³. Причем в качестве прибора могут выступать не только искусственные, но и естественные объекты, поставленные в квазиприборную ситуацию. «Так в экспериментальной ситуации по изучению законов колебания Земля и функционирует как особая приборная подсистема, которая как бы “приготавливает” постоянную силу тяготения»⁴⁴. Автор называет деятельность по наделению объектов природы функциями прибора «созданием приборной ситуации». Для нас это положение принципиально важно. Если мы говорим о возможности эмпирического знания в истории, мы должны показать, как в исторической науке создается приборная ситуация.

Если мы считаем, что предметом истории является прежде всего человек и различные формы его жизнедеятельности (государство, общество, право, война, культура и т.п.), то, как это ни странно, прибором также должен быть человек, точнее одна своеобразная его деятельность, деятельность по оставлению следов своей деятельности, т.е. источников. Образно говоря, мы должны предположить, что человек не просто оставляет в истории разнообразные и многочисленные следы, а в сходных условиях при решении одних и тех же задач человек оставляет в истории одинаковые следы. При этом формы жизнедеятельности человека (государство, общество, культуру и т.п.) можно рассматривать как природные объекты с функционально выделенными свойствами. Нам остается только предположить, что наличие одинаковых следов указывает нам не только на наличие «природных для человека» объектов, но прежде всего указывает на постоянство и сходство социальных функций, созданных человеком в своем историческом развитии. Итак, отыскивая идентич-

ности в источниках, мы пытаемся сформулировать функциональные зависимости и на их основе установить эмпирические закономерности социальной, политической, культурной и др. жизни человека.

Здесь самое время сказать, что эмпирические исследования в истории существуют уже без малого полторы сотни лет. Это все то, что носит гордое имя вспомогательных исторических дисциплин: археология, палеография, генеалогия, дипломатика, метрология и т.п.⁴⁵. Все эти науки имеют по преимуществу эмпирический характер, то есть исследование идентичности составляет основу их метода и специфическую характеристику предмета.

Какую же идентичность ищет история человека? Человек как историческое существо всегда оставляет следы, позволяющие его идентифицировать в соответствии с каким-либо историческим персонажем. Культ Александра Македонского в эллинистически ориентированной историографии или подражание каноническому описанию жизни Христа в позднем Средневековье тому самые яркие примеры. Мы даже склонны предположить, что самостоятельное, творческое оставление следов является скорее исключением, чем правилом в истории. С одной стороны, такое постоянство показывает, что наше предположение о приборной ситуации верно, с другой — делает настоящим вопросом о правильной настройке этого прибора. Подтверждением тому является наличие в истории большого количества памятников, носящих имя «Истории» и не являющимися таковыми (см., например: Рихер Ремский «История Франкии» или Гальфрид Монмутский «История бриттов⁴⁶»).

Но прежде чем говорить подробнее о настройке прибора, мы должны выделить еще одну особенность эмпирического знания. При всем многообразии исторической действительности в эмпирическом исследовании может быть представлено довольно ограниченное число параметров⁴⁷. Причем все они должны быть жестко взаимосвязаны внутри приборной ситуации и представлять из себя некую структу-

ру. По существу единственное достоверное знание (т.е. имеющее статус эмпирической закономерности), которое мы можем получить в эмпирическом исследовании, являются данные о внутреннем структурировании отдельных классов источников.

Данное положение целиком соответствует требованиям современной методологии науки, где «соответствующий объект исследования... может быть выявлен только через структуру отношений, участвующих в эксперименте природных фрагментов»⁴⁸. При этом нас не должно пугать понятие «природный фрагмент», его содержание в отношении истории не абсолютно, а относительно. Для меня «сегодняшнего» — государство, право, война, культура могут выступать именно как природные фрагменты. Если я не могу изменить их, не способен повлиять на их существование по отношению ко мне, то мне легче всего принять их как природную данность. В конце концов, если человек существо социальное, то что ему мешает относиться к определенной части этого социума как к своей природе (хотя бы в Аристотелевском смысле слова).

Но это положение ставит перед нами сложную методологическую проблему, не являются ли все знания, полученные в подобном исследовании, естественнонаучными знаниями об истории. Ведь не секрет, что большинство знаний о ранней истории человечества, полученные в результате археологических раскопок, носят именно естественнонаучный характер. Чтобы остаться в лоне истории (как *Geistwissenschaft*), мы должны выделить особый элемент эмпирического анализа — «историческое событие».

Естествознание основано на фактах, т.е. естествознание фиксирует событие, и путем сложной процедуры эмпирического и теоретического анализа преобразует его в факт. «Чтобы получить эмпирический факт, необходимо осуществить по меньшей мере два типа операций. Во-первых, рациональную обработку данных наблюдения и поиск в них устойчивого, инвариантного содержания. ...Во-вторых, для установления факта необходимо истолкование выявляемого в на-

блюдениях инвариантного содержания. В процессе такого истолкования широко используются ранее полученные теоретические знания»⁴⁹. Если мы обратимся к авторитету Р.Дж. Коллингвуда, то увидим, что превращение фиксированного события в факт происходит в естествознании и истории по разным законам. «Прошлое, состоящее из отдельных событий, происходящих в пространстве и времени, событий, не совершающихся в данный момент, нельзя понять с помощью математического мышления, потому что оно познает объекты, не имеющие конкретной локализации в пространстве и времени и как раз это отсутствие определенной пространственно-временной соотнесенности и делает их познаваемыми»⁵⁰. История лишена роскоши фиксации исторического события в независимой от этого события абсолютной пространственно-временной системе, но означает ли это, что историк может забыть о теоретической реконструкции для объяснения исторических событий? Означает ли это, что само понятие научного факта не применимо к исторической науке? Обратимся к работе историка с источником, чтобы понять, как в исторической науке возникает знание, имеющее статус «научного факта».

Наше предположение сводится к тому, что при одних и тех же условиях деятельности человеком создается одна и та же внутренняя структурированность отдельного класса источников. При этом мы придерживаемся широкого взгляда на источник. Мы считаем, что источником может выступать не только письменный документ, но и все, что может передать нам определенные сведения о событиях прошлого. Размер Марафонской долины, старинные механизмы, размеры земельных наделов и сорта растений, произведения искусства и т.п., все, что с определенного времени претерпело столь незначительные изменения, которые не сказались бы на основных свойствах рассматриваемых нами предметов. За последнее отвечает как раз процедура отнесения данного предмета к классу источника, т.е. Марафонская долина должна быть источником военного искусства, технические меха-

низмы — истории техники, размеры земельных наделов — экономической и социальной истории. Данное требование обусловлено самим статусом источника, он с необходимостью должен пройти проверку и критику той или иной исторической науки. Собственно говоря, источником он может стать только в том случае, если историческая наука начинает с ним работать как с источником знаний для себя, если она переводит его из внешнего для себя состояния во внутренний багаж своих знаний. «Мы понимаем все это (историю) и благодаря умению отличать внешнюю историю от внутренней, то есть от внешней истории, которая становится внутренней»⁵¹. Эту же мысль Б.Кроче повторяет и Р.Дж.Коллингвуд. «Историк исследует любое событие прошлого, проводя грань между тем, что можно назвать его внешней и внутренней стороной... Он исследует не просто событие (простым событием я называю такое, которое имеет только внешнюю сторону и полностью лишено внутренней), но и действие, а действие — единство внешней и внутренней стороны события»⁵².

Данный перевод внешнего во внутреннее происходит в несколько этапов.

На первом ищутся повторения, трафаретности, какие-либо типичные, групповые события в прошлом. «Воля автора создает структуру текста, в котором могут быть обнаружены трафареты, присущие жанру произведения или виду исторического источника, и индивидуальные черты.»⁵³. Повторяемость керамики говорит нам о единой первобытной культуре, повторяемость языковых структур — о связях и заимствовании видов деятельности у разных народов, повторяемость военных побед — о таланте полководца. Создается впечатление, что отмеченное нами положение противоречит утверждению неокантианцев об уникальности исторических событий. Это не так. Повторяемость, трафаретность только и могут создать основу, на которой возникает уникальность. Обе эти категории взаимосвязаны и не могут существовать друг без друга. Мы определяем нечто как уникальное, лишь

уже имея установленную типичность, трафаретность, которая когда-то в свое время тоже возникла как уникальность. Поиск данного возникновения превращается в определенное историческое исследование. Потому что момент возникновения нового и его последующее использование как трафарета и составляет внутренний период той или иной истории, единый исторический отрезок, зафиксированный источниковедением.

Это и составляет как бы второй этап создания приборной ситуации. Любая повторяющаяся трафаретность рассматривается исторически, т.е. фиксируется ее возникновение и частотность употребления в дальнейшем. Таким образом она превращается в функциональность.

Третий этап можно условно назвать выявлением внутренних связей источников в один источниковедческий комплекс, на основании которого мы можем говорить уже о существовании какого-либо исторического института (например, варварского права) или формы жизнедеятельности человека. На основе двух предыдущих этапов сравниваются различные источники, желательного одного типа. Яркий пример тому работы А.А.Шахматова, проследившего связи между древнерусскими летописными сводами XIV–XVI вв. или А.С.Лаппо-Данилевского, создавшего «Очерки русской дипломатики частных актов». Данный этап уже можно считать созданием приборной ситуации, т.к. остальные историки могут использовать данные труды как своеобразный прибор, сравнивая с ними свою собственную работу.

Здесь мы дошли до ключевого пункта этой главы. Прибор или приборная ситуация в эмпирическом исследовании нужны для того, чтобы снизить степень субъективности получаемых данных, делая их как бы независимыми от интерпретации исследователей. История как позитивная наука стремится к тому же самому, но в качестве прибора в ней выступает своеобразный источниковедческий комплекс, созданный самими историками. Порукой их объективности оказываются многочисленные взаимосвязи и корреляции

представленных документов и источников. Находясь в структуре такого комплекса, историческое событие превращается в исторический факт. При этом разница между первым и вторым заключается в том, что событие требует интерпретации, объяснения или причины, а факт сам выступает как интерпретация, объяснение или причина. На основании зафиксированных историей фактов мы объясняем те или иные исторические события. При этом, получив достаточное объяснение или обоснование историческое событие, встраиваясь в источниковедческий комплекс, само может стать историческим фактом для объяснения другого исторического события.

В этом своеобразии перехода события в факт и заключается стремление современной исторической науки, по крайней мере в лице представителей школы Анналов к бессобытийной истории, пафос отказа от исторического события как главного элемента исторического познания. По своему содержанию это своеобразный позитивистский сдвиг в исторической науке, попытка приблизить историю к идеалу собственно научного знания. При таком подходе историк рассматривает не событие как таковое, а обоснованность, включенность и согласованность этих событий с историческими знаниями, имеющими уже статус научных фактов, т.е. рассматривает их в рамках определенной приборной ситуации и как бы конструируя в качестве основных элементов истории определенные функции и институты. При этом острота спора из области корреспондентской теории истины (имело данное событие место или нет) перемещается в область когерентной теории истины. Нас начинает более интересовать не наличие или отсутствие подробного детального описания данного события, а его обоснованность с точки зрения других жестко установленных исторических фактов и функционирующих общественных институтов.

Одновременно с созданием данного прибора возникает два комплекса проблем. Первый связан с тем, какие источники мы можем включить в приборную ситуацию. Второй с

тем, что обеспечивает нам объективность показаний такого прибора, как с точки зрения его создателя, так и с точки зрения внутренней связи между событиями, ставшими фактами, т.е. с точки зрения «теоретической» нагруженности любого научного факта.

Источник как показатель приборной ситуации

Мы уже писали, что источниками для исторической науки могут быть любые предметы. Проблемы возникают при наличии нескольких приборных ситуаций, полученных из различных источниковедческих комплексов наук. Возникает вопрос об их согласовании.

Любая научная парадигма предполагает широкий выбор интерпретационных моделей. Его ограничения связаны прежде всего с дисциплинарностью современной исторической науки. Историки экономики, права, культуры, политический историк ищут свою, специфическую связь между историческими событиями. В силу особого характера современной социальной жизни политической истории отдавался еще не так давно приоритет в области реконструкции связи исторических событий⁵⁴. Здесь самое время напомнить, что так было не всегда. Религиозный аргумент о поисках причины наших бедствий в грехах современных россиян или их недавних предков в рамках средневековой исторической парадигмы звучал бы вполне обоснованно. Но в настоящее время приоритет политической истории явно поколеблен прежде всего работами в рамках экономической истории. Так расхожее мнение о Франции, которую абсолютная монархия разорила тяжестью налогового бремени, что якобы и стало основной причиной Великой французской революции, ставится современными экономическими историками под большое сомнение. «Как раз фискальная напряженность в Англии и Франции была неодинаковой, и именно в этом уверяют нас наши английские коллеги: к этому времени в виде налога изымалось к северу от Ла-Манша 22% ВВП против

10% во Франции. Следовательно, если эти подсчеты точны, а есть некоторые шансы, что они таковы, фискальное давление в Англии существовало в двойном размере сравнительно с Францией»⁵⁵.

Однако вполне объективная смена научных парадигм не должна от нас скрывать того, что каким бы ученым ни был историк — он всегда остается человеком. Причем не человеком вообще, а конкретным человеком конкретной эпохи.

В силу своей человеческой конкретности он всегда увязывает различные дисциплинарные факты в единую картину исторического знания. При этом ему всегда приходится выбирать синтезирующую историческую дисциплину. Почему же до недавнего времени такой дисциплиной практически однозначно выбиралась политическая история?

«Историческое знание есть ответ на определенные вопросы, ответ, который может дать прошлое; но сами эти вопросы порождены и продиктованы настоящим — нашими настоящими интеллектуальными интересами, равно как и современной нравственной жизнью и социальными потребностями»⁵⁶. Разбирая средневековую историю Франции, современный историк ставит современные вопросы. Почему Капетинги так долго терпели последних Каролингов?⁵⁷. В этом вопросе мы слышим отзвуки сегодняшних проблем, событий, которые непосредственно определяют нашу сегодняшнюю жизнь. Политическая история становится «естественным» синтезом, так как именно политика конституирует нас сегодня в качестве деятельных личностей. Поскольку сегодня мы не свободны от политики, постольку историк как человек не свободен от требования политического синтеза в истории. Но есть и нечто более фундаментальное, делающее данный синтез «естественным» не только для историка, но и для читателя истории. Человек может быть свободным от политики, но не может быть свободным от власти.

Опыт власти дан человеку непосредственно, не только в качестве принуждения, преследующего его всю жизнь, но и в качестве властвования им над своим телом, над своим

сознанием, над своими эмоциями в рамках целесообразной деятельности. Именно этот опыт оказывается достаточно легко распространить на историю. Именно из этого опыта вытекает психологизация истории и исторических деятелей, особенно если они одновременно являются и политическими деятелями.

Предмет истории дается нашему восприятию как предмет политического действия. Но наша властная функция существенно зависит от характера наших властных действий и в целом определяется рамками социальной деятельности, которую мы производим. Отсюда вытекает ряд возражений к историческому синтезу, основанному на политической истории.

Властные полномочия человека ограничены рамками действия, непосредственных переживаний, в исключительных случаях более или менее продолжительными этапами социальных взаимодействий. Но человеку никогда не дана сразу целиком вся его жизнь. В плане властвования жизнь человека не исторична. Поэтому, рассматривая прошлую жизнь через призму политической истории, современный человек редуцирует её к более или менее понятным для него отрезкам политического бытия, упуская при этом из вида, что деятель прошлого мог жить в совершенно ином ритме властных полномочий.

По мере развития форм социальной деятельности люди разрабатывают различные формы инструментализации политической власти. Собственно говоря, политические технологии были всегда, просто всегда они были разные. Без учета этого разнообразия политический синтез обречен на модернизацию событий прошлого.

Современный ученый фактом поступательного развития науки включен в вектор прогрессивного развития. Однако в истории поступательное прогрессивное развития скорее исключение, чем правило. Мир прошлого пережил не одну катастрофу (падение Рима просто самый яркий пример), в результате которых социальная ткань сжималась, вынося на повестку дня более примитивные формы власт-

ования по сравнению с предыдущими эпохами. Ясно, что этот опыт противоречит опыту современного историка, но его также необходимо учитывать.

Высшая синтетическая функция современного политического мышления заключается в синхронизации ритмов политической, экономической, культурной, правовой и социальной жизни общества. Даже для современного политика это довольно сложная задача. Что уж говорить о политическом деятеле прошлого, который часто мог видеть эту проблему исключительно сквозь религиозную либо идеологическую призму. Тем не менее нам известны случаи гениального решения данной задачи в прошлом (Александр Македонский, Мухаммед). Можем ли мы сегодняшние подняться до великих деятелей прошлого? Не является ли спасительная метафора о карлике на плечах великанов лишь слабым утешением нашему самолюбию?

Вторая особенность историка как человека упирается в конкретную эпоху его «человечности». Политика и власть — попытки решить проблемы человеческого существования «здесь» и «сейчас». Но возможно другое измерение личности. Человек может конструировать условия, в которых изменяется сама постановка политической проблемы. Христианизация Европы, индустриализация, милитаризация порождают существенные сдвиги в самой постановке проблем политической истории. Церковь как третейский судья и более успешный сборщик денежных средств населения в процессе их аккумуляции для решения определенных политических задач (крестовые походы или создания прообраза фонда социального страхования на случай неурожая и голода). Индустриальный способ производства, порождающий общество потребления и подчинивший стихию частного капитализма долгосрочному и контролируемому обществом планированию. Статус-кво современного мира ядерных сверхдержав, каждая из которых может в одиночку уничтожить всю жизнь на Земле. Страх перед всеобщим ядерным уничтожением не

мог не наложить отпечаток как на принятие политическим руководством СССР определенных решений, так и на одобрение этих решений обществом. Каждый из перечисленных моментов исторического развития вносит в политическую историю существенные условия, изменяющие саму возможность принятия тех или иных политических решений.

Все наши размышления наталкивают нас на одну и ту же мысль: политическая история — исторична. Но раз дело обстоит таким образом, а отрицать данное сложно, то на каком основании мы можем применять наше сегодняшнее представление о политике и власти к политической реконструкции всеобщей истории? Не ограничена ли «естественность» политического синтеза двумя последними веками развития Западной цивилизации? Но даже этот исторический отрезок может показаться условностью при переходе к объяснению связи событий в современной истории. Что оказалось решающим при развале СССР — нерешительность внутренней политики Горбачева или особое состояние социальной психологии масс?

Связь между политическими событиями в современной политической истории может быть опосредована определенными ритмами этой истории, которые во многом зависят не только от конкретных политических технологий, но и от идеологии изучаемых историком обществ. Так одно дело жить в ожидании конца света, приуроченного к какой-нибудь круглой астрономической дате, — и совсем другое — серьезно заявлять, что нынешнее поколение в результате своих собственных усилий через 20 лет будет жить при коммунизме. В этом плане история СССР — один из самых динамичных отрезков мирового исторического процесса. Этот-то динамизм и мог оказать роковое воздействие на процессы конца 80 — начала 90 годов. Для общества, исповедующего динамизм как основной фактор своего развития, эпоха «застоя» была непереносима. Замедление темпов политического и экономического развития в 70–80 годы оказалось достаточ-

ным аргументом для молчаливого принятия большинством общества смены социально-экономической модели. «Капитализм более мобилен», — решило большинство.

Хотя новые посткоммунистические времена не принесли решения ни одной из проблем, декларируемых перестройкой и ельцинской эпохой, они вне всякого сомнения ускорили внутренний динамизм социального и политического развития. Не будем сейчас обсуждать, за счет чего это происходило, в конце концов и у времени сталинских репрессий могут найтись защитники, видящие в терроре прежде всего эффективный способ ротации властной генерации. Необходимо согласиться, что эти изменения позволили современному человеку ощущать себя более свободным, по крайней мере, в плане возможной смены им своей социальной страты, чем все декларации догорбачевской эпохи. При этом совсем другой вопрос, насколько обоснованы или иллюзорны такие представления.

В качестве примера решения проблемы связи различных источниковедческих комплексов можно привести работы Ф.Броделя. Ученый предложил новую методологию синтеза социальных наук на основании выделения структуры социального времени. Традиционно исторические исследования строились либо вокруг конкретных событий во времени, таких как история политической революции (например, Великой французской революции), истории войны (Столетняя война) или больших исторических периодов (история Средневековья), либо вокруг какого-то пространственно-исторического образования, например государства (история Англии), религиозного движения (история христианства) или общественно-экономической формации (история античности). Ф.Бродель критикует традиционную историографию, основанную на описании исторических событий, которые напрямую связаны с политической историей и измеряются относительно короткими хронологическими единицами. Для своего исследования он вводит понятие времени больших длительнос-

тей (*la longue durée*). С помощью этого понятия предметом исторического исследования становятся демографические прогрессии, изменения экономических и социальных конъюнктур, циклические колебания производства, обмена и потребления, т.е. понятия, широко используемые такими социальными науками, как демография, этнология, экономика, социология и т.д. Субъектом истории при подобном подходе оказываются не отдельные исторические индивиды, а медленно изменяющиеся во времени структуры — «системы достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами». Такими субъектами выступают городские экономики Венеции в XV–XVI вв. или Антверпена — Амстердама XVI–XVII вв., производство риса в Китае XIII–XVII вв. или агротехническая революция в Англии XVII–XVIII вв., морская торговля на длительных расстояниях или квазиавтономная торговля России XVI–XVIII вв. Это позволяет преодолеть определенный антропоцентризм идеализированных объектов исторической науки, который заставляет нас искать в качестве главного действующего лица на исторической сцене конкретную историческую личность, тем самым придавая случайности решающее значение в описании истории (анекдот о насморке Наполеона как фатального фактора для французов во время сражения под Бородином). С другой стороны, преодолевается телеологизм в исторической науке, возникающий от перенесения историком на выделенную по каким-то признакам группу лиц (например, носителей протестантской этики или передового классового сознания) признаков, присущих лишь отдельному индивиду. Широко используя экономическую статистику и ретроспективную географию, Ф.Бродель создает широкую историческую панораму «бессобытийной истории», в которой в качестве событий фиксируются не локальные явления политической жизни общества, а обнаруженные историком «аномалии» естественного течения исторической жизни общества. Тако-

вы, например, финансовая устойчивость английского фунта стерлингов с 1561 по 1920 год. Именно они требуют своего объяснения в истории возникновения капитализма.

Выделение нового измерения истории и специфического исторического субъекта в виде исследуемых структур позволили Ф.Броделю создать оригинальную модель исторического исследования. Сначала рассматриваются географические, демографические, агротехнические, производственные и потребительские условия материальной жизни, или, как их назвал ученый — «структуры повседневности» предмета исследования. Это — то, что не изменяется в течение длительного времени, исчисляемого столетиями, и составляет материальные условия существования человека в данной географической и социальной среде. Затем анализируются собственно экономические структуры общества, связанные со сферой обмена (рынки, ярмарки, биржи и кредиты, торговля и промышленность) и возникающие на их основе социальные структуры, начиная от простейших торговых иерархий и заканчивая, если того требует предмет исследования, государством. Наконец, в последней части исследования показывается, как в результате взаимодействия выявленных ранее структур возникает собственно предмет исследования, будь то мир экономики современного капитализма⁵⁸ или современная Франция⁵⁹. В связи с тем, что предметом исследований Броделя являются цивилизации Средиземноморья⁶⁰, возникновение капитализма или самобытность Франции, рассматриваемые как моменты больших временных длительностей, полученные ученым результаты выходят за рамки нарративного изложения истории. На наш взгляд, его заслуга перед исторической наукой состоит в том, что он создал новую структуру источниковедческого комплекса. Не его конкретное открытие того, что произошло в прошлом, а его работа с внутренней структурой источниковедения, сделала его лидером историографии второй половины XX столетия. Он четко выделил функциональность в существовании бессобытийной истории и изменения этой функциональности само стало историей.

Объективность в исторической науке

В принципе нельзя забывать, что создателем приборной ситуации в истории является историк, но ведь и изобретателем прибора в естествознании также является ученый-естествоиспытатель. Проблемы здесь не в механизме, а в методике работы с прибором. Естествоиспытатель открывает свою методику работы с прибором, а ученый-историк — методику работы с источниками. Ученым ведь его делает не то, что он знает нечто, чего не знают другие. Ученым его делает то, что он открывает такую методику работы с источником, которой могут воспользоваться другие ученые и получить идентичные знания. Методику-то он и передает другому исследователю-историку. Поэтому принцип интерсубъективизма в истории как науке соблюдается не менее строго, чем в естествознании. Проблема заключается в другом.

Создание новых приборов позволяет ученым-естествоиспытателям довольно легко преодолевать парадигмальные разрывы между поколениями ученых. Прибор в естествознании после своего открытия начинает жить как бы независимой от своего создателя жизнью. Методика ученого-историка, хотя и носит интерсубъективный характер, довольно прочно связана с именем его создателя: «Нет истории без эрудиции, — т.е. без предварительного критического исследования свидетельств, — как собственно историками, так и другим или другими специалистами. Во всяком случае история не импровизируется историком: историка создает не только внутреннее “призвание”, но и методическая подготовка»⁶¹.

Последние приводят к тому, что конкурирование на уровне методик может давать совершенно различные результаты в картинах действительности «как она была на самом деле», которые воспроизводят историки. Поэтому избранный историками критерий возможности истинности, если ей ничего не противоречит из источников, можно рассматривать как определенное конвенциональное решение, огра-

ничающее круг людей, вовлеченных в решение собственных методологических проблем в источниковедении. К этому надо добавить, что определенная методика связана с определенным видом источника, и почти всегда привязана к той или иной источниковедческой дисциплине, которая сама доказывает статус своей функциональности.

В отдельных случаях, когда мы имеем дело с источниками одного вида, например единообразными письменными документами, мы можем принять в качестве руководящего для нашей работы принцип «единства чужого сознания», выдвинутый А.С.Лаппо-Данилевским⁶². «Принцип единства чужого сознания получает еще более широкое значение в том случае, когда историк имеет дело с источником, отражающим целую совокупность движений, нужных для выделки данного предмета, или целый ряд знаков, обозначающих чужую речь в словесной или письменной форме; он понимает, например, каждое слово в его соотношении с другими словами, благодаря которым каждая из них получает и более конкретный смысл»⁶³.

Сложнее решаются эти проблемы, когда историческое исследование проводится с несколькими различными классами источников, например, с письменными и археологическими. Чему отдать предпочтение — герменевтике письменных источников или интерпретации данных археологических раскопок? Так письмо, описывающее принятие хазарами иудаизма, признано историками подлинным. Однако археологические раскопки в Крыму, т.е. на территории тогдашней Хазарии, свидетельствуют о действиях в отношении древнееврейских кладбищенских памятников, которые никак не увязываются с данной исторической легендой. Эти памятники использовались в качестве фундамента для домов.

В качестве методологической схемы нам предлагается использовать трехчленную структуру: автор — текст — не автор⁶⁴, или: человек — произведение — человек⁶⁵, вписывающую данный источник в процесс коммуникативного взаимодействия в первом случае и любого производства —

во втором. При этом, если первая схема позволяет нам сделать вывод из рассогласованности двух «текстов» о том, что первый из них явно предназначен вовне, т.е. не для автора, а второй — исключительно авторский экземпляр, и найденное нами рассогласование показывает на степень действия идеологий в раннефеодальных государствах, то вторая схема говорит и об известном прагматизме жителей данного государства.

Мы должны помнить, что в качестве источника мы используем лишь средний член триады. Именно по нему мы должны настраивать приборную ситуацию, причем одновременно в двух направлениях. (Данный факт лег в основание лингвистического поворота в историографии, зафиксированного Рорти, и того напряженного внимания, которое в современной ситуации в истории уделяется анализу дискурса). При первом типе взаимосвязей рассматривается отношение произведения и той исторической реальности, в процессе функционирования которой оно было создано. При втором типе историк включает произведение в реальность современной ему эпохи⁶⁶. Эта двойственность и создает определенную интеллектуальную проблему. Так, пока мы рассматриваем первый тип взаимосвязи, мы вправе отвлечься от субъективных данных о конкретном человеке — он выступает перед нами как абстрактный производитель источника (произведения), как некий «п». Мы готовы признать, что, не будь данного конкретного человека — эпоха выдвинула бы на его место такого же «п». Мы оцениваем не его индивидуальность, а историческую реальность (действительность), в которой было создано данное произведение. Нас интересует типичность его действий, его цели, т.е. мы встраиваем данные источника, произведенные автором «п» в приборную ситуацию, в знание о том, «как оно было на самом деле». И совершенно другой вопрос возникает, когда мы на основе «того, что было», по следам начинаем судить о своеобразии всей эпохи, когда мы исследуем реальность или действительность эпохи самой по себе.

Что же должен фиксировать в действительности такой прибор, чтобы его показания были предельно объективны?

1. Качественно-количественные соотношения тех или иных исторических событий. Как внешнее по отношению к единой шкале исторического времени и конкретно географическому месту в пространстве, так и внутреннее, например по количеству участников и интенсивности действий.

2. Количественно-качественные параметры действий или функций, на основе которых возникают элементарные действия (перемещение, коммуникация, строительство, торговля и т.п.), которые могли привести к данным событиям.

3. Наличие и характер связи между действиями, которые предшествовали событиям, и самими событиями. Причем последние могут рассматриваться и в качестве вероятностных гипотез.

4. Подтверждение выдвигаемых гипотез о событиях или связях между событиями прямым указанием на источник или частотным отображением в источниках, или расчетом статистически-вероятностной возможности тех или иных событий.

Причем, начиная с 3 пункта, все наши знания носят характер вероятностной гипотезы. И наука оказывается в несколько двусмысленном положении. С одной стороны, она как область духовной культуры в противовес религии, искусству и т.п. заявляет о своей монополии на истину, с другой — не может «здесь» и «сейчас» дать однозначный ответ на самый простой вопрос: как два события «х» и «у» были связаны между собой в реальной истории.

Здесь перед ученым открывается два пути. Один можно условно назвать неокантианством. Следует признать, что наши знания о связи событий лишь продолжение работы прибора, т.е. в конечном счете эрудиции историка. Опасность субъективизма в данном случае снимается, с одной стороны, прагматическим аргументом истинности Пирса, а с другой — существованием реальных прикладных научных дисциплин, лежащих в основании конкретно-исторического исследования. Так возникает аграрная история «х», дип-

ломатическая история «х», военная история «х», кажется, еще немного и по аналогии с древнекитайской философией мы договоримся о существовании истории малых изъяснений «х», чему на современном языке, видимо, соответствует история культуры «х». Несмотря на наше ироничное отношение перед нами вполне естественное методологическое развитие науки, выразившееся в дисциплинарной дифференциации научной деятельности. Специализированные предметы истории существуют и развиваются вполне успешно. В их рамках реализуется создание определенных эмпирических закономерностей в истории. Другой подход — это попытка настроить прибор на единую школу всеобщего и безусловного исторического факта. Рассмотрим обе попытки подробнее.

Эмпирические закономерности в исторической науке

Мы выделили некоторые исторические события как повторяющиеся и простые, определили их в ряду других событий, смогли вычислить их количественные параметры, т.е. вычленили факты на основании источниковедческого материала. Теперь наступает самая интересная часть исследования — необходимо создать научную констатацию факта, обосновать его статус. Здесь возможны два пути: первый — подведение выделенного нами факта под какую-либо теорию, например теорию революционного развития общества или теории демократизации и вестернизации. В этом случае все обоснование статуса факта переносится в рамки обоснования статуса теории. Но возможен и второй способ — создание эмпирической закономерности. Это означает, что в выделенном нами событии мы должны найти такие реально существующие стороны объекта, абстрагирование которых позволяет нам построить устойчивое соотношение, при котором изменение одних параметров объекта соответствует

изменению других его параметров. Говоря в терминах методологии науки, мы должны создать идеализированный объект эмпирической науки, в рамках описания которого выделенный нами факт приобретает характеристики закономерного явления. Вне рамок данной идеализации событие, которое мы выделяем в истории, не может быть рассмотрено в качестве факта науки.

Задача, хотя и нетривиальная, но стандартная для научного мышления. В естествознании идеализация создается на основе многократного опыта или экспериментирования. Мы уже писали, что историк фиксирует историческое событие на основании исторических источников, следовательно, проблема идеализации истории становится проблемой создания статистического массива источниковедения. Количество и качество источников по разным периодам истории разное. В отдельных случаях история имеет вполне репрезентативный массив, на основании которого возможно вычленение закономерности. Выявив эти закономерности, мы можем проверить их на других, нерепрезентативных массивах. Если проверка показывает нам отсутствие выходов за вероятностное поле возможных событий, мы вправе принять полученную закономерность как правдоподобную.

В качестве примера рассмотрим причины, приведшие к победе большевиков в революции 1917 года. Революция — смена форм государственной власти. Для того, чтобы понять смену форм, мы должны дать какое-то определение власти. Самым широким определением, на основании которого мы можем фиксировать само появление власти — подчинение человека чему-либо (случаю, природе, человеку). Мы получаем символическую формулу простого двухместного предиката xRy , где x — субъект власти, y — объект властных отношений и R — отношение к власти (подчинение-неподчинение). Это отношение может иметь совершенно разное содержание: и у « x », и у « y » могут быть различные характеристики, не только качественные, но и количественные. Нас интересует прежде всего формы изменения R . Человек все

гда подчиняется, иногда по принуждению, иногда осознанно. Именно осознание и понимание своих действий делает человека целесообразным существом, что, в свою очередь, является предпосылкой для согласованных действий индивидов, которые значительно умножают силы отдельного человека. На этой основе покоится любое коллективное действие (в армии, на производстве), для координации которого и нужна власть. Итак, мы можем выделить две основные формы властных отношений: первая — властные отношения, направленные на координацию коллективных действий, второе — направленные на изменение субъекта и объекта власти для наиболее оптимального их соотношения в рамках выполнения первой формы.

При этом нужно учитывать такую особенность второй формы, что активными участниками политики являются люди с ограниченным представлением (идеологией, которая всегда исторична) о том, что такое справедливая власть. Введем временное понятие справедливости. Справедливость — состояние, оставляющее перспективу за субъектом подчинения. Хотя до этого мы говорили, что речь идет об объекте подчинения, ясно, что поскольку данным объектом является человек, при нем всегда остается фундаментальная характеристика субъекта истории. Пусть это даже его собственная история, а не история религиозной конфессии, крестьянской общины или государства. В случае, когда человек жертвует собой или другими в рамках идеологического обоснования более обширной истории, он должен понимать, что эта жертва не напрасна.

Назовем первую форму групповым подчинением, а вторую — политическим.

В рассматриваемый нами период с 1914 по 1917 год проблема возникала именно с групповым подчинением. Россия не была готова к длительной современной войне ни промышленно, ни экономически, ни административно, ни социально. Об этом свидетельствуют количественные показатели забастовок, потери на фронтах, проблемы на транспорте.

Государственная власть пыталась решить данные проблемы. После летнего кризиса 1915 года, когда царь стал главнокомандующим, смена министров приобрела характер чехарды, характеризующий окончательный паралич машины государственной власти в Российской империи. Всем, в том числе членам императорской фамилии, великим князьям, было ясно, что власть нужно менять, т.к. она не справлялась с функцией группового управления, по крайней мере в тех формах, в которых это было необходимо в условиях военного времени. Вопрос состоял лишь в том, на что заменить «х», чтобы «у» мог принять политическую составляющую подчинения, если смена власти произойдет в результате переворота сверху, а не в результате бунта. Попытка переворота сверху (убийство Распутина) ни к чему не привела. Ясно, что общество было готово к революции, но к какой?

«Которая наведет порядок и обеспечит победу», — отвечали правые. Основную задачу они видели в условиях военного времени в реализации группового подчинения. «Нет, — отвечали им левые, — к такой, которая вовлечет народ в принятие политических решений». Новое политическое подчинение зависит от «у». Он согласен видеть только такое изменение «х», которое соответствует его представлению о справедливости. Там, где правые искали отцов-командиров, талантливых управленцев, героев, — левые — формы участия масс в решении политических и хозяйственных проблем: Советы, Учредительное собрание. Нашлась лишь одна самая крайняя фракция левых (большевики), утверждавшая, что изменение политического подчинения и соответственно «х» и «у» зависит от того, насколько успешно удастся решить задачу группового подчинения, поэтому одна из самых интересных задач истории революции 1917 года не восстание в октябре, а большевизация Советов после восстания, большевизация системы управления государством и вслед за этим большевизация жизни всего общества. Большевики создали совершенно особую ситуацию, противопоставив представительной демократии, за которую выступали все

демократические партии (в том числе и левые), непосредственную демократию масс. Гигантское количество народа в стране жесткой сословной вертикальной власти впервые получило перспективу приобщиться к данной вертикали, стать частью власти, т.е. властным субъектом. Собственно, это и выражает основной вопрос революции, сформулированный в виде дилеммы: или мы будем жить по-старому, или по-новому, но под властью большевиков. Характер дилеммы этот вопрос приобрел во время гражданской войны. Демократия при этом осталась, но это была лишь внутрипартийная демократия платформ и фракций. Концом революции можно считать десятый съезд партии, запретивший фракционную борьбу. С этого момента режим внутрипартийной демократии сменился режимом внутрипартийной аристократии, и это уже была другая история. Что же в источниковедении может подтвердить этот вывод?

Перед нами идеализированный объект. Мы рассматривали отдельные стороны властных отношений, которые хотя и наличествуют у реальных объектов, тем не менее не исчерпывают их многомерного измерения.

Идеализированный объект, о котором мы говорили, можно количественно определить (динамика роста членов партии, динамика роста большевиков-членов Советов, динамика роста Красной Армии, соотношение демобилизованных с работающими в государственном управлении и т.п.). Прежде всего при этом поражает массовидный характер изменений этой динамики с 12 тыс. в феврале 1917 до нескольких миллионов в 1920. Не зря сами участники «белого движения», называя основную причину победы большевизма, говорили о массовости своего противника.

Большевики смогли соотнести групповое и политическое подчинение. Массовость была четко организована. В армии, на предприятиях, в профсоюзах, в Советах — везде чувствовалась руководящая роль партии. Данная организованность позволяла довольно быстро исправлять ошибки. В сентябре 1918 года на селе создаются Комбеды, к декабрю

видна их несостоятельность в плане заготовки хлеба и мобилизации. В январе они заменяются Советами с более широким представительством и с возможностью включения в них членов партии.

Эмпирический массив больших чисел и идеализированный объект власти находит соответствие и проверку на уровне структур повседневности. Большевизация проникает в моду, язык, быт⁶⁷. Данная модель может быть подтверждена эмпирической проверкой, которую предоставляет опыт Китая, Вьетнама и Кубы.

Приведенный пример показывает нам возможность открытия эмпирических закономерностей в исторической науке и соответствующий этой закономерности статус факта, который может получить то или иное историческое знание. Гораздо сложнее обстоит дело с преданием историческому факту статуса теоретического знания, прежде всего проблема заключается в том, что идеализированный объект теории создается из логических характеристик объекта, т.е. в объекте абстрагируются стороны, реально не существующие в действительности.

Одним из основных требований научной методологии является определение ошибки научного исследования или границ теории (ее принципиальная фальсифицируемость). Это положение в настоящее время разделяют подавляющее большинство ученых-естествоиспытателей и методологов науки. Любой ученый-естественник всегда обозначит границы применяемых им методик. К сожалению, в истории эта процедура еще не прижилась. По всей видимости, это обусловлено тем, что история не только наука, но часто несет в себе черты идеологии. Большинство читателей и рассматривают ее как идеологию. У идеологии же и науки может быть один и тот же предмет, но разные задачи. Тем не менее в исторической науке существует раздел, тесно связанный с реализацией принципа фальсификации. Это историографическая часть исследования. В ней автор подробно анализирует

работы своих предшественников по данному вопросу. Данный раздел не случаен. Именно он является пропуском в историческую науку.

С точки зрения источниковедения определение возможной ошибки должно состоять в подробном описании всех особенностей источниковой базы, с которой имеет дело историк. Характеристика источниковой базы — ее репрезентативность, систематичность. Подробные методики получения того или иного исторического факта — чтение безусловно скучное, но не для историка, т.к. он занят решением тех же самых проблем, что и его собрат по цеху. Ясно, что будучи специалистом в каком-либо деле, вас начинают интересовать не конечные выводы или результаты, а особенности процесса получения этого результата.

Теоретическая нагруженность эмпирических фактов истории

Для естествознания и для исторической науки событие, обозначаемое как факт, не должно быть случайным, но там, где естествоиспытатель проводит серию систематических наблюдений, историк создает репрезентативную базу фиксации события, или же, если событие принципиально единичное — подробно описывает картину его фиксации, исследуя вспомогательную информацию источника. Принципиальное различие двух родов знания начинается на стадии теоретической обработки описанного события с целью его фиксации как факта науки. Например, поход кн. Святослава в Болгарию. То, что он был — не вызывает сомнения, т.к. кроме славянских летописей существует независимый источник, подтверждающий это (Лев Дьякон зафиксировал встречу Святослава с императором Иоанном Цимисхием). Проблема возникает не в фиксации события, а в его объяснении или даже в том, какие выводы мы можем сделать из факта фиксации. Сама фиксация события для историка может быть

проблемой, о некоторых событиях мы не можем сказать — были они или не были, когда были и при каких условиях. Так сдача Москвы Наполеону может интерпретироваться и как удачный стратегический маневр, и как решение тактической задачи сохранения остатков истрепанной в Бородинском сражении армии. Но если мы оставим проблему интерпретации в покое, отступление русской армии из Москвы будет жестко зафиксированным фактом данного события. К сожалению, не обо всех исторических событиях мы имеем столь однозначные свидетельства. Стоит нам погрузиться вглубь веков, как фиксация событий также становится проблемой. Была ли встреча княгини Ольги с византийским императором? Состоялся ли известный диспут о достоинствах религий во времена князя Владимира? Где находится тонкая грань литературной обработки летописи и фиксация того, что может рассматриваться как событие в истории?

При этом необходимо учитывать, что человек — существо событийное, т.е. даже если события в реальной жизни не происходят, он пытается их организовать. Событие — это то, о чем можно говорить, то, что можно порицать или оправдывать, то, за что мы несем ответственность. Так, когда долгое время не происходит событий, мы склонны придумывать их сами. Например, заняться ремонтом; или, наш возраст для нас самих не событие, но это не значит, что он не может стать событием для других. Событие и есть внутренняя логика (от)счетности человеческой жизни. В зависимости от того, рассматривает ли человек свою жизнь как процесс, ведущий к конкретной цели или как смену эмоциональных состояний, он создает своеобразную очередность событий своей жизни, часто «вспоминая» то или иное особо значимое событие. По существу, конструирование событий и есть временная составляющая человеческой истории в истории государств, народов, цивилизаций. Но являются ли «данные события» фактом исторической науки?

Напомним, что целью науки является не просто фиксация какого-либо знания как факта, но использование четко фиксированного факта в процедуре теоретического объяснения исследуемой проблемы. Факт является не конечным результатом научного способа мышления, а той основой, на которой возникает либо эмпирическая закономерность, либо теоретический закон, которые в свою очередь могут использоваться в процедурах интерпретации полученных наукой фактов. Так из факта встречи императора Цимисхия со Святославом мы можем сделать выводы об отношении князя и дружины, об одежде дружинников, о способе передвижения княжеской дружины и князя, но мы ничего не можем сказать о том, что заставило Святослава несколько лет вести Болгарскую войну: геополитическая стратегия князя-государственника (Рыбаков Б.А.) или варварский набег в расчете на богатую добычу (Скрынников Р.Г).

Мы должны разделить факт события и факт связи событий. На основании источника мы фиксируем факт события. Факт связи событий устанавливается с помощью исторической реконструкции, которая в свою очередь жестко связана с мировоззренческой и научной парадигмой историка. Так средневековый историк Рихер Реймский ни капли не лукавил, когда писал, что в тот момент (середина X в.) «Бог послал Франкии Герберта». С его точки зрения положение дел было достаточно катастрофическим для того, чтобы Бог и далее мог оставаться безучастным. История Земли как продолжение Божественной истории накладывала на средневекового историка определенные обязательства в «объективном» изложении материала.

Вернемся, однако, к установлению факта исторической связи событий. Что устанавливает особенность этой связи в истории? По крайней мере, совершенно ясно, что не логика, точнее не наука «Логика». «Логика очень простая и неизменная вещь. Она одна, ибо истина одна. В вопросе об истине историк связан теми же самыми формальными правилами, что и ученый. В способах произведения доводов и

аргументации, в своих индуктивных выводах и исследовании причин он подчинен тем же самым общим законам мышления, что и физик и биолог. На уровне фундаментальных видов деятельности человеческого ума невозможно провести различие между разными познавательными областями»⁶⁸. Разница не в логике, а в объекте исследования — утверждает Э.Кассирер, в предмете исследования — уточняет современный философ науки. «Выделение предмета исследования является исходным в реконструкции исторического факта. Вне этой деятельности вычленения фрагмента из бесконечно сложной исторической действительности реконструкция исторического факта просто невозможна»⁶⁹. То есть основное различие естественнонаучного и исторического факта связи событий заключается в интеллектуальном инструментарии, в том специфическом способе видения объекта своего исследования, которым владеет современный историк.

«В физике факты считаются объясненными, когда поставлены в упорядоченное отношение троякого рода — пространственные, временные и причинно-следственные»⁷⁰. Так они полностью определены и это то самое определение, когда говорят об истинности и реальности физических фактов. Объективность исторических фактов — совершенно другого, более высокого порядка. Здесь также необходимо определить время и место события. Но когда дело доходит до объяснения причин, встает новая проблема. Когда известны все факты в их хронологической последовательности, уже налицо общая схема и скелет исторического явления, однако мы еще не знаем его реальной жизни. Между тем понимание человеческой жизни — общая тема и высшая цель исторического познания»⁷¹.

То есть в основании формирования знаний предмета такой истории должно быть положено знание о Человеке вообще. Такое знание может быть получено в результате эмпирических антропологических исследований, но может иметь и метатеоретический или философский характер. Но переходя к таким метатеоретическим знаниям в рамках эм-

пирического исследования, историк сталкивается с определенными затруднениями. Что именно в человеческой деятельности должно быть положено в фундамент его метатеоретической части?

В качестве постановки этого вопроса воспользуемся возражениями, сформулированными Трельчем и Коллингвудом против отождествления исторического знания и естествознания.

Коллингвуд. «Отличие историка от естествоиспытателя состоит в том, что действие, которое исследует историк, становится ясным только в том случае, когда историк может открыть мысль, которая обусловила то или иное событие»⁷². Это очень яркая мысль, но ее безусловное принятие приводит нас к нескольким не до конца обоснованным положениям.

Первое. Мы приписываем объекту исследования четкое и непротиворечивое осознание им своих мыслей, как бы проведение им в жизнь заранее намеченного плана. Однако тем самым мы признаем, что человек действует не в результате метода проб и ошибок, не исходя из вероятностной оценки событий, а в результате осознаваемого им предопределения, плана, которому он подчиняется и который выполняет. При этом соревнование среди историков биографов заключается в том, чтобы обнаружить, когда именно этот план был осознан историческим деятелем (ясно, что чем раньше, тем лучше). Как это ни странно, но при подобном подходе мы имеем дело с историческим деятелем не как с конкретным человеком, полным сомнений и неуверенности в том, что он делает или собирается делать, а с запрограммированным роботом, и все наши исследования сводятся к нахождению момента «х», в который в него была вложена данная программа. (Вполне возможно, что перед нами отголосок героического взгляда на историю. Историческая личность, в отличие от нас — «смертных», наделяется нами какими-либо особыми качествами, благодаря которым эта личность и смогла стать исторической. Качествами, которые не при-

сущи нам — «простым» людям, качествами, которые выдают ее преопределенность — какие уж тут сомнения, случайности, везение. Сначала мы выделяем какие-либо особые качества, а потом начинаем их искать и, конечно, находим.)

Второе. Историк, пытающийся понять, как мыслил субъект истории в той или иной ситуации, никуда не может деться от своего знания последующих исторических событий, хотя для самого исторического деятеля эта история еще не наступила. Отсюда опасность ошибки телеологизма у историка. Чтобы избежать ее, мы должны признать, что при всем нашем разумении мы не в состоянии проникнуть в мысли и мотивации исторического деятеля, особенно в том случае, когда эти мысли или мотивации излагаются самим историческим деятелем. В силу как минимум двух причин. Во-первых, исторический деятель может мыслить совершенно недоступным для нас способом. Например, набег короля Людовика на Аахен, в котором в то время находилась ставка императора Оттона, не поддается рациональному объяснению⁷³, однако это событие привело к далеко идущим последствиям, окончательно подорвавшим остаток влияния Каролингов и приведший в конечном счете к возникновению новой французской династии. Но, пожалуй, самым ярким примером является знаменитая кочевая загадка Джамахи, количество решений которой идентично количеству историков, пытающихся объяснить слова «Сокровенного сказания», приведшие к непримиримой вражде двух побратимов, один из которых через определенное количество лет, проведенных в войне, был провозглашен Чингиз-ханом. Во-вторых, победивший исторический деятель, диктующий мемуары или переписывающий летописи, как бы «забывает» те конкретные мотивации и причины, которые владели им в тот или иной исторический момент. Желание предстать перед соратниками или потомками человеком рациональным и целеустремленным заставляет его комментировать собственную историю, исходя как минимум из дальнейшей осмысленности своих успешных действий.

Единственным рациональным для нас основанием остается признать любого исторического деятеля — человекоподобным, т.е. похожим на нас с вами. Человеком, действующим на основании метода проб и ошибок, стремящимся проверить на опыте свои представления о том, что делать следует и что не следует. Кстати, косвенные признаки подтверждают это наше предположение. Глава современного государства в сложных ситуациях при поисках правильного решения опирается на помощь ученых — консультантов, точно так же как император или консул Древнего Рима шагу не делал без предсказания авгуров.

Если же мы рассмотрим историю не как череду событий, а как согласованность исторических длительностей, мысль Цезаря при переходе Рубикона вообще потеряет для нас какое-либо значение. В самом деле, как можно было предусмотреть принципат Августа, Золотой век Антонинов, эпоху солдатских императоров? Каждый исторический деятель в тот или иной исторический момент решает свои конкретные задачи и мы не в состоянии допустить, что кто-либо способен предвидеть все последствия выбранного им пути. Но ставя перед историком задачу — понять мысль исторического деятеля, Коллингвуд как бы задает определенные размеры истории, доступные именно для решения поставленной задачи — это размерность конкретного «мысль — действия» (т.е. помыслил — совершил). Подобная форма размерности совершенно исключает исследования эпох, веков, поколений, даже десятилетий. Библиографический взгляд на историю вне всякого сомнения важен и интересен, но в данном случае он лишь один из вариантов построения исторического знания, причем не определяющий.

Э.Трельч. «Если стать на полюс истории, то для нее основная категория в отличие от элемента и абстрактных общих законов его взаимодействия, в которые естественно-научный анализ превращает доступные ему и выбранные им составные части переживаемой действительности, — категория индивидуальной тотальности как основное единство.

История вообще не располагает простым основным элементом, аналогичным элементу естественных наук — будь то в понимании атомистики или энергетики, — перед ней все время сложные величины, в которых полнота элементарных психических процессов вместе с известными природными условиями всегда соединяется в жизненное единство или тотальность. Логически решающая точка зрения состоит в том, что исходить следует не из подсчета элементарных процессов, а из их созерцаемого единства и сочетания в большее или меньшее исторически значимое жизненное целое»⁷⁴.

Исторический деятель, а вслед за ним и историк, всегда имеют дело не с индивидуальной тотальностью, а с конкретным видом исторической ситуации: история революции, история науки, история церкви, история культуры и т.п. При этом любой исторический деятель всегда опирается на знание истории того или иного предшествующего исторического события, знание, которым он в данный момент располагает. Как это ни странно, но никакой индивидуальной тотальности при этом не обнаруживается. Л. Троцкий, описывая историю становления сталинизма, использует знания не индивидуальной тотальности, а закономерности истории французской революции. Для него сталинизм это термидорианский переворот.

Современные историки пошли еще дальше. С возникновением истории длительностей от индивидуальности практически ничего не остается. По существу все метаисторические понятия носят характер всеобщности, а не индивидуальности.

Что же мешает принять историку предложение об индивидуальной тотальности? Прежде всего четыре типа антиномий, возникающих при формировании сложного теоретического объекта. Нам кажется безусловно важным, что сам Кант возникновение своих антиномий связывал с тем моментом, когда ориентированный на простые формы фиксации пространственно-временных событий ученый переходит к анализу понятий, сформулированных на основании

существования самого временного ряда, таких как «душа», «мир», «бог». Именно потому данные антиномии становятся равнодоказуемыми, с точки зрения последовательности и непротиворечивости процедуры логического доказательства, что в основании их лежат не стандартные процедуры получения логических понятий, а предельно общие (всеобщие) условия существования самого единства апперцепции.

Попытаемся сформулировать кантовские антиномии применительно к историческому познанию.

Первая антиномия.

1. История имеет начало и конец. Она ограничена во времени и локализована в пространстве.

2. Выделить границы какого-либо исторического отрезка невозможно, всякая попытка такого рода — субъективная точка зрения того или иного историка.

Пояснения.

1. При современном дисциплинарном подходе в науке невозможно быть историком вообще. Даже многотомное издание, ставящее перед собой глобальные цели, называется «Всемирная история», как бы локализуя себя пускай на очень большом, но все же ограниченном предметном поле. Любопытно, что внутри этого издания конкретные специалисты пишут те или иные разделы, совпадающие с их пространственной и временной специализацией. Более подробно иллюстрировать этот тезис не имеет смысла, достаточно обратиться к любому профессионалу с каким угодно вопросом и первое, что он сделает, это локализует свое профессиональное знание в рамки конкретного времени и в границах определенного региона.

2. Одновременно со всем вышесказанным любой историк использует ряд понятий, принципиально выходящих за рамки пространственно-временной локализации (цивилизация, государство, этнос, культура и т.п.). Причем проблема заключается не в том, что та или иная интерпретация этих понятий навязана историку извне, а в том, что историк сам с необходимостью вынужден продуцировать данные синтети-

ческие понятия. Его проблемная специализация (историк культуры, экономики, политики) существенно зависит от того, насколько продуктивно он работает с метаисторическими категориями. Крупные ученые вынуждены самостоятельно выходить на уровень метаисторического исследования, в качестве примера можно привести «Этногенез» Л.Гумилева и «Историю материальной цивилизации» Ф.Броделя.

Причем та или иная проблемная метаисторизация существенно влияет на пространственно-временную профессионализацию конкретного исследователя. Если сложность вопроса локализации начала, например, Руси у всех следящих за специальной литературой не вызывает сомнения, то вопрос об окончании того или иного исторического периода оказывается при ближайшем рассмотрении не менее запутан. В качестве примера приведем с высокой степенью вероятности фиксированное событие Собора 1682 г., отменившего местничество. Легкость, с которой удалось упразднить систему местничества, наводит историков на мысль, что этот институт умер своей смертью задолго до факта его официальной отмены.

Вторая антиномия.

1. Все сложные исторические процессы сводятся к простым, поддающимся фиксации действиям, событиям.

2. Исторические процессы настолько сложны и взаимосвязаны, что выделить в них отдельное, не влияющее на другие стороны исторического процесса событие невозможно.

Пояснения.

1. Любой историк профессионал назовет существенным моментом своего профессионального мастерства умение пространственно-временной фиксации исторического события. В качестве примера можно привести книгу Р.Г.Скрынника, посвященную исследованию похода Ермака в Сибирь. Даже если согласиться с критикой в адрес знаменитого высказывания Л.фон Ранке о том, что «задача истории изучать события как они были на самом деле», останется впечатление, что фиксация примарных фактов до сих пор является

идеалом мастерства ученого историка. Какие бы сложные метатеоретические конструкции историк ни выдвигал, его собственно профессиональная работа оценивается участниками цеха по тому, насколько корректно он смог свести фиксированные примарные факты друг с другом, в рамках той или иной исторической концепции. (В качестве примера можно привести критику Л.Февром работ А.Тойнби⁷⁵.) Данное умение позволяет сохранить само единство профессиональной организации научного сообщества. В принципе все историки профессионалы разделяют одну простую мысль: существуют простые фиксированные исторические события и задача различных подходов и школ заключается в том, чтобы связать их вместе, как можно с более обоснованной степенью достоверности.

2. С другой стороны, даже конкретная периодизация простых исторических фактов почти никогда не обходится без дискуссии внутри самого научного сообщества. Так, хотя нам по минутам может быть известна история операции по шунтированию сердца пациента Б.Н.Ельцина, историки еще будут долго спорить о дееспособности первого президента России, как в дооперационный, так и в послеоперационный периоды его болезни. А ведь это история современности, что уж говорить о более ранних временах.

Третья антиномия.

1. Все события в истории причинно обусловлены. В истории нет ни одного события, которое невозможно было бы описать, используя исключительно причинно-следственную систему координат.

2. Из исторического описания принципиально неустраима свободная воля субъекта исторического процесса, поэтому исключительно детерминистское описание исторического процесса невозможно.

Пояснения.

1. В современной литературе большей популярностью пользуется вторая сторона данной антиномии, но если мы обратимся к пониманию причинности, сформулированно-

му И. Кантом, то увидим, что историки профессионалы вряд ли будут возражать и против первой части данной антиномии. «Даже в опыте мы только в том случае приписываем объекту последовательность... И отличаем ее от субъективной последовательности нашего схватывания, если в основе лежит правило, принуждающее нас принимать такой, а не другой, порядок восприятий, более того, что именно это принуждение и есть то, что делает возможным представление о последовательности в объекте».

Ни один ученый не станет отрицать, что между зафиксированными им событиями одного и того же проблемного поля существуют отношения следования и что событие «б», квалифицированное им как следствие и произошедшее по времени позже события «а», понимаемым в качестве причины, могло бы поменяться с событием «а» местами. Другое дело, что причина «а» события «б» могла быть целесообразной, системной или вероятностной, но на основании развития нашего понимания о различных характеристиках причинно-следственных отношений, никто из самих ученых не возьмет на себя смелость отрицать необходимость причинно-следственного описания исторического процесса. Представим себе на секунду, что фиксированное пространственно-временное событие, например отставка Б.Н.Ельциным правительства В.С.Черномырдина 23 марта 1998 года, не имело никакой причины и не привело ни к каким последствиям, можно ли после этого говорить хоть что-либо о новейшей политической истории в нашей стране. Тем не менее (в качестве иллюстрации) попытаемся дать описание этого события исключительно в рамках пространственно-временных взаимодействий. Мы должны констатировать, что в момент «х» изменилась траектория и периодичность пространственно-временных перемещений и контактов частицы «ч», но одновременно с этим мы фиксируем, может быть, меньшую степень, но также существенное изменение параметров у частицы «е». Исходя из данного описания, мы не в состоянии сделать вывод, что в момент «х» Б.Н.Ельцин

отправил в отставку правительство, возглавляемое В.С.Черномырдиным, так как вполне возможно, что под частицей «ч» мы имели в виду Б.Н.Ельцина, а под частицей «е» — В.С.Черномырдина.

Вся эта сложная система рассуждений нужна нам для того, чтобы показать, что, исключая причинно-следственную систему координат, мы тем самым элиминируем из истории определенность исторического события.

2. Вторая антитеза не потребует столь подробного объяснения, ее в XX веке доказывали такое количество раз, что повторение можно считать излишним. Однако, отвлекаясь от «насморка Наполеона» и психоаналитических исследований Гитлера и Сталина, признаем, что понимание того места, которое человек занимает в истории, и тех действий, которые он производит, не происходит мгновенно и в полном объеме. Каждый исторический деятель или субъект истории имеет свою собственную историю развития, которая хотя и не целиком определяет характер последующих исторических событий, тем не менее оказывается значимой для описания конкретной траектории того или иного отрезка исторического процесса.

Четвертая антиномия.

1. Будучи сам исторической личностью, историк имеет средства и методы объективного описания исторического процесса. За пределами мира, описываемого историком, принципиально не может быть ничего, что он мог бы включить в свое описание.

2. Будучи сам участником исторических событий, историк не обладает возможностью описать всю совокупность последствий и условий того или иного исторического действия. Историк не в состоянии описать исторический континуум, так как история принципиально продолжается и потенциально бесконечна, поэтому за пределами его описания всегда остается существенная область человеческого незнания или исторического заблуждения.

Пояснения.

1. Позиция ученого позволяет историкам вести научные споры, отстаивая объективную истинность своих работ. Объективная истинность позиции ученого предполагает если не согласованность основных метаисторических постулатов, то, по меньшей мере, взаимную рационализацию аргументов и обоснований. В данном случае для нас не важно, что большинство реальных научных споров заканчивается как бы на полпути к однозначно осознанной постановке вопроса. В идеале ученый обязан довести свою аргументацию до логической ясности и однозначной очевидности, согласуемой с законами логики. Эти законы и составляют рамки, за пределами которых не может быть принципиально ничего иного. Никто из ученых профессионалов никогда не станет соотносить свои выводы с ценностями, выходящими за рамки собственно научного анализа, хотя без сомнения в качестве людей все они подвержены влияниям моды, таланта исследователя, популярности изложения материала.

2. То, что последняя антитеза относится напрямую к новейшей истории, очевидно, поэтому для большей иллюстративности сошлемся на выводы историка русского средневековья А.А.Зимины, сделанные им в своей последней книге «Витязь на распутье»⁷⁶. История феодальной войны XV века оказалась для этого тонкого профессионала материалом, на основании которого он сделал вывод о возможной предопределенности с этого момента последующего развития России в рамках военно-бюрократической системы в противовес свободно развивающейся общественно-демократической жизни Европы. На этом характерном примере мы видим, что историк профессионал не свободен от мировоззренческой оценки окружающей его интеллектуальной среды. При этом мы не исключаем, что в результате такого влияния могут совершаться серьезные исторические открытия. Пример тому работа Фюстеля де Куланжа, в которой он в противовес работам германских историков второй половины XIX века создает теорию развития Франк-

ского общества как синтеза позднеримских, христианских и германских элементов в рамках одного общественно-государственного устройства.

Наличие антиномий должно показывать, что скорее всего средства, выбранные нами, не совсем корректны. Мы считали, что существует особый исторический метод, вскрыв специфику которого мы могли бы говорить об особом характере исторического знания, но кроме различных частных методик, которые используют историки и которые не выходят за границы источниковедческой критики и эмпирического сбора материала, мы не смогли найти каких-либо особенных исторических приемов, отличных от методологии эмпирического исследования в естествознании. Наличие одинаковых с естествознанием антиномий должно подвигнуть нас к мысли, что искать нужно не особую методологию исторической науки, а остроту вопроса перенести в область гносеологии и эпистемологии науки.

ГЛАВА 2 ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Переходя к гносеологической проблематике, мы должны понять, что нас интересуют не правильные методики получения знания и даже не психологические исследования когнитологической сферы человеческой жизни. Предметом нашего рассмотрения становится, то неизменное в субъекте, что позволяет ему оценивать полученные им знания, как истинные.

При этом мы считаем, что эстетические, этические, религиозные переживания также могут давать человеку знание. Но знание, полученное в ненаучных областях (а то, что история для нас выступает прежде всего одной из научных дисциплин, для нас принципиально важно), должно быть ограничено рамками личного опыта человека. То, что мы переживаем в результате опыта смерти близкого нам человека, эмоционально оказывает влияние на нашу непосредственную жизнь, но не приобретает при этом статуса научного знания.

Мы считаем «опыт» безусловно важнейшим способом получения знания, но мы не считаем все полученные человеком истинные знания знаниями опытными. В своих развитых формах знание может быть получено как в результате эксперимента, так и чисто теоретическим путем. «Опыт» является не высшей и даже не единственной формой, в которой человек может получить знание, но мы считаем, что опыт является низшей ступенью, на которой индивид (не обяза-

тельно человек) может получить «знание». Тем самым мы сознательно отрицаем, что знания могут быть получены непосредственно чувственным путем. Чувства могут становиться лишь источником информации, знание же является продуктом, результатом активной познавательной деятельности индивида, одной из форм, которой является опыт.

Специфика опыта заключается в том, что полученные в нем знания сознательно сравниваются между собой. Можно даже утверждать, что опыт — это действия с объектом, направленные на получение информации, которая сознательно сравнивается с другой информацией, полученной либо случайно, либо в результате другого опыта.

Здесь необходимо различать опыт в исторической науке (что по мнению большинства исследователей проблематично) и опыт с изменяющимся объектом, где в условиях сравнения результатов фиксируется динамика этих изменений. Последний представляет из себя стандартную научную процедуру, направленную на поиски причин или функциональных зависимостей. Но ведь выявление причин или функциональных зависимостей интересует не только естествоиспытателя, но и историка. И в этом плане «естественная история Земли», являясь по преимуществу естественнонаучным произведением, с полным правом носит название «истории». Хотя философы могут и не признавать это родство. Даже если мы заменим в данном предложении термин «Земля» на термин «человек» — это мало что изменит. Что же существует такое в гносеологической позиции историка, что резко отличает эту позицию от позиции естествоиспытателя (или социолога, если сравнивать более соотнесенные дисциплины)?

Как мы писали ранее, пространственно-временная фиксация исторического события или частотное описание археологических находок является процедурой скорее общей для обеих областей научного познания. Проблемы собственно исторического характера возникают тогда, когда ученый-историк начинает искать генерализирующие события или взаимосвязи отдельных исторических событий в устойчивые

закономерности. Для того, чтобы это сделать, историк должен сначала провести некоторый опыт, направленный на сравнение своих знаний об этих событиях. Эмиль Дюркгейм писал об этом: «История может быть наукой только в той мере, в какой она объясняет явления, а объяснение невозможно без сравнения»⁷⁷. Правда, мы не согласны с тем, что «как только история начинает сравнивать, она неотличима от социологии»⁷⁸. Возможно, эта разница как раз и заключается в организации опыта.

Научный опыт для историка носит по преимуществу интеллектуальный характер. Он состоит из чтения определенного круга источников или работы с другим историографическим материалом. Именно при изучении источников у историка может возникнуть гипотеза, позволяющая связать определенные сведения о прошлом в последовательность событий и фактов. Это понимание «что именно происходило» и «как на самом деле происходило историческое событие» — и есть первичный исторический опыт. Но историк не в силах его провести, если у него отсутствует идеальная схема координат, которую с одной стороны задает ему историко-событийная шкала Всеобщей истории (ее он получает в результате учебы в рамках профессионального сообщества), а с другой — представления о неизменности первичных элементов действующих в координатах этой шкалы (эти представления он получает от представителей других дисциплин в рамках получения своего образования).

Представление о данной шкале с развитием исторической науки изменяется. В принципе изменяется и представление о неизменности действующего в данной шкале элемента (например, человека), но в гораздо меньшей степени. Более того, этот «человек» не может быть абсолютно «чужим», непонятным историку (такими объектами занимаются уфологи). Для историка принципиально важно, что одно из свойств человека прошлого — это похожий на него «другой» человек. Собственно говоря, историк может начинать свои сравнения с того момента, когда на всемирной шкале зафиксировано

некоторое изменение человека, становление человека «другим». В «традиционных» обществах история не нужна, достаточно летописи, дыбы или на худой конец социологии.

Темпоральность исторического события

Изучая историю, современный человек старается понять человека прошлого, но если мы допускаем, что История — «не знание внешних *фактов* и событий, а форма самопознания»⁷⁹, то возникает вопрос. Как я «здесь» и «сейчас» настоящий могу задать осмысленный вопрос прошлому? Ведь даже если это прошлое попроще и победнее в культурном плане, чем «я» настоящее (что само по себе не очевидно), оно определено другое. Поскольку же мне дано только «я», а не другое, сделать это удастся одним единственным способом. В настоящем «себе» мне предстоит отыскать нечто неизменное, постоянное, вечное.

Мне для того, чтобы найти нечто неизменное в себе необходимо постоянное соотнесение себя с другим, причем с другим и настоящим, и прошлым. Поскольку в нас настоящих все очень неустойчиво и зыбко, мы обращаемся в поисках ответа к прошлому, к истории «Я». Причем к «Я» не просто синтетическому единству апперцепций (в кантовском смысле этого словосочетания), а, как это ни парадоксально звучит, к синтезу субстанций (или того, что описывалось Кантом категорией взаимодействия или «общения»). «Слово *Gemeinschaft* в немецком языке имеет двоякий смысл и может обозначать то же, что *communio*, или то же, что *commercium*. Мы пользуемся им здесь в последнем смысле, имея в виду динамическое общение, без которого даже и общность места (*communio spatii*) никогда нельзя было бы познать эмпирически»⁸⁰.

Если мы допускаем, что прошлое другого «Я» связано с настоящим моего «Я», то мы должны допустить не просто связь между другим и мною, но и одновременность нашего

существования, хотя бы в том смысле, что мы жили не в одно и то же, но принципиально в одно время. Его влияние на меня и мое восприятие этого влияния взаимосвязано. Другой, определяя свое послание мне будущему, имеет обо мне вполне определенное мнение: христианин, свободный, справедливый, образованный и т.п. Я пытаюсь воспринять это послание через то представление, которое я имею о нем вчерашнем и о влиянии его истории на меня сегодняшнего. «В нашей душе все явления как содержащиеся в возможном опыте должны находиться в общности (communio) апперцепции, и поскольку предметы должны представляться связанными [друг с другом] как одновременно существующие, они должны *определять друг другу место во времени* (выделено мной) и благодаря этому составлять одно целое. ...Но такое [отношение] есть взаимное влияние, т.е. реальное общение (commensium) субстанций, без которого, следовательно, не могло бы иметь место в опыте эмпирическое отношение одновременности»⁸¹.

Во-первых, нам необходимо найти нечто неизменное не во многом (как в естествознании), а в разном. Ведь если ученый-естественник ищет описание многого, но одинакового, при этом предельным случаем многого может быть уникальное (например, биосистема озера Байкал), то историк заведомо сравнивает разное и ищет описание, позволяющее это разное представить как «одно», или единственное, или единое, или целое, или единообразное, или хоть в какой-то степени похожее. Конкретное понимание «одного», принимаемое тем или иным историком на данной стадии исследования, для нас не важно. Нам важно здесь подчеркнуть, что в понятии «разное» речь идет о двух событиях, состояниях, процессах и т.п. Так как разница может быть обнаружена только между чем-то и чем-то. Если эта разница между чем-то и чем-то не зафиксирована — исчезает всякий смысл составлять историческое описание. Итак, первое: историк в терминах единичности описывает как минимум два разных события, причем в предельном

случае, когда историк пытается сформулировать неизменные законы всемирной истории, таких событий может быть бесконечное множество.

Во-вторых, это разное задается двояко: 1) мы имеем разные события в прошлом; 2) мы имеем разницу прошлого и настоящего. Задачей историка как раз и является определить: 1) место этих событий относительно друг друга *во времени* (не только в плане что чему предшествовало, но и что на что оказывало влияние, ведь влияние на нас сегодняшних оказывает не только наше с вами прошедшее, но и наши планы на ближайшее и более или менее отдаленное будущее), 2) значение этих событий для (прошлого, настоящего и, возможно, будущего) времени. По существу речь идет о различном понимании «одновременности». Так как мы не строим здесь исчерпывающую классификацию, нам важно показать хотя бы два значения этого понятия, чтобы продемонстрировать конструктивность предлагаемого нами методологического приема.

Итак, для того, чтобы прояснить статус «постоянного», повторяющегося во взаимосвязи исторических событий, нам остается простая задача рассмотреть структуру «одновременно существующего многообразия»⁸². В качестве оснований деления для многообразия мы предлагаем абстракции «Я» и «Другого», для одновременности «в одно время» и «в одни и те же сроки». Причем, фиксируя «одно время» мы можем отвлечься от каких-либо его характеристик, говоря же о «разных временах» мы должны пояснять, чем эта разность связана, т.к. связь входит в сущностное определение исторического события. В результате логической операции получаем классификацию;

1. «Я» и «Другой» (Я) в одни и те же сроки, в одном времени.
2. «Я» и «Другой» (Я) в разные сроки, в одном времени.
3. «Я» и «Другой» в одни и те же сроки, в разное время.
4. «Я» и «Другой» в разные сроки, в разное время.

Поясним, что мы имеем в виду под каждым пунктом нашей схемы.

1. **«Я» и «Другой» (Я) в одни и те же сроки, в одном времени.** Ясно, что «здесь» и «сейчас» я имею дело только с самим собой. При этом я не могу отрицать, что у моего «Я» в любой момент времени довольно сложная структура. Для этого достаточно вспомнить фихтеанский опыт демонстрации саморефлексии. Для нашей темы принципиально важно, что момент саморефлексии является событием человеческой жизни, даже если он происходит исключительно в психологическом плане. Появление Ichheit⁸³ на определенном этапе психического развития и есть фиксация данного события.

2. **«Я» и «Другой» (Я) в разные сроки, в одном времени.** Изменение моего «Я» во время моей жизни не вызывает сомнения, тем не менее мы всегда можем говорить о единстве этого «Я». При этом в каждый момент времени мы как бы заново создаем свое прошлое, вспоминая его немного по-другому. Но для того, чтобы репродуктивное схватывание осуществлялось, мысль должна различать различные временные моменты определять как идентичные. ««Все сознание так же относится ко всеохватывающей чистой апперцепции, как все чувственное созерцание в качестве представления к чистому внутреннему созерцанию, а именно ко времени». Таким образом, единство времени, в котором и в силу которого для нас только и существует единство эмпирического сознания, сведено здесь к общим условиям; и эти условия вместе с основоположениями, из них проистекающими, оказываются при более глубоком анализе *теми же*, на которых основано все полагание объективно значимых связей и тем самым все «познание предмета»⁸⁴. Последнее для нас принципиально важно. Если в результате применения первой схемы мы в той или иной степени психологизируем историю, сравнивая изменения исторического другого со своим собственным изменением, то реализация второй схемы может иметь принципиально апсихологический характер. Речь идет именно об «объективно значимых связях». В зависимости оттого, что историк принимает за объективность — смену материальных

орудий труда или смену форм религиозного отношения человека к миру, мы получаем то или иное реальное наполнение данной схемы.

При реализации этой схемы «объектность», в какой бы материальной или идеальной форме она не выступала, в своих изменениях подчиняется схеме предметно-практической деятельности субъекта. «Предмет познания вполне объективен, но это — объективность одного из узлов практической деятельности, это — объективность деятельности субъекта. Предмет — это именно фрагмент *действительности* (!), а не просто феномен *существования*»⁸⁵.

Данная схема имеет фундаментальный характер в том плане, что она лежит в основании любого научного исследования истории. «Я» принципиально не элиминируется из всех других схем, а именно эта схема задает исходное единство понимания роли человека в истории. Но можем ли мы остановиться в этом пункте? Нет. Свое определение, имя, возможность изменения, формы осуществления «Я» получает не от самого себя, а от «Другого», которое конечно же так же является «Я», но за пределами его отношения ко мне.

3. «Я» и «Другой» в одни и те же сроки, в разное время. Хотя мы употребляем здесь понятие «разное время», речь идет о форме одновременности. Существование и изменение «Другого» подчинено времени существования его «Я», которое моему «Я» принципиально недоступно. Какие бы тесные контакты между нами в эти одни и те же сроки не осуществлялись, наша одновременность с ним имеет формальный характер, например связь обмена между независимыми производителями на рынке товаров и услуг. Время выступает здесь не в объективной форме деятельности субъекта. Как во второй схеме, оно объективно само по себе. Наоборот, и «Я» и «Другой» вынуждены считаться в своем взаимодействии с объективностью времени. Наше отношение друг к другу оказывается лишь функцией общего порядка, которой в целом подчинен определенной размерности времени.

«Но что здесь от истории?» — спросите вы. Ведь перед нами описанное Кантом отношение функционального взаимодействия субстанций в классическом естествознании. «Форма действия или функциональной зависимости дает нам основание для признания определенной временной связи в самом предмете... Мы пришли к каузальной системе, в которой оба члена таковы, что можно переходить как от **a** к **b**, так и от **b** к **a**. Подобная система предстает, например, в совокупности математически-физических уравнений, которые выводятся из ньютоновского закона притяжения. Посредством них каждый элемент космоса объясняется в своем пространственном положении и движении как функция всех остальных, а они, в свою очередь, — как его функция; и в этом сплошном взаимодействии, идущем от массы к массе, конституируется для нас объективная целостность физического пространства и упорядоченность и членение его отдельных частей»⁸⁶. Разве мы сами не писали выше, что у историка и естествоиспытателя разные подходы к объекту своего исследования? Однако это не значит, что историк не в праве исповедывать «объективный» подход к истории, т.е. искать в истории устойчивые инварианты существования «абсолютного духа», выраженного в форме объективных законов, абсолютно независимых от субъектов. Таковы законы развития макроэкономики, или закон соответствия производственных отношений этапам развития производительных сил, или, абсолютно лишенный всякой материальности, закон смены социально-психологической установки индивида, предложенный К.Лампрехтом, когда социально-психологические стадии анимизма, символизма, типизма, конвенционализма, индивидуализма и субъективизма в жесткой очередности сменяют друг друга⁸⁷. Мы подчеркиваем этим еще раз, что дело в схеме, а не в предметности. Поиск объективного основания, которому в одинаковой степени подчиняется жизнедеятельность субъектов истории, может приводить к совершенно разным материальным или идеальным наполнениям этой схемы.

Тем не менее, что заставляет нас рассматривать ее в рамках схематизма исторического знания? Прилагательное «разное», применяемое к существительному «время».

Это объективное время оказывается способно изменяться, причем изменяться не как угодно, не произвольно, а в строго определенной последовательности. Опыт учета этого изменения дан нам нашим непосредственным взаимодействием с объективным «Другим» (субъектом производственных отношений, субъектом военных действий, субъектом права и т.п.). В отдельных случаях эти отношения неизменны в течение всей нашей жизни, но в других — они изменяются, часто даже у нас на глазах, как например, экономические и правовые отношения современной России. Так как время в данном случае разное, мы можем некоторые отношения рассматривать как относительно неизменные, а другие — как динамичные. Для нас важно одно — «Я» и «Другой» при этом рассматриваются в отношении друг к другу и остаются формально неизменными. Изменяются условия, но сама связь между завоевателем и побежденным, рабом и господином, пролетарием и буржуа, взрослым и ребенком, истцом и ответчиком и т.п. — остается неизменной.

«Смена времен» подчинена своим собственным законам. Это, например, законы развития форм обмена между участниками рынка, или стадии развития науки и техники, или, наконец, экзистенциальные законы развития ментальности, каждый из дисциплинарных подходов строит свою собственную схему смен объективных форм совместного существования индивидов. «Смена времен» может быть как прогрессивной, так и регрессивной в зависимости от ценностных установок историка. Направленность изменений для нас не важна, мы допускаем в истории не только прогрессивное развитие, но и упадок. Нас интересуют только два вопроса. Оба они связаны с понятием одновременности. 1) Возможно ли выявить строгую определенность в логике смены одних форм объективного сосуществования

истории другими? 2) Возможно ли построить единство различных объективных схем, представить их логически взаимосвязанными?

Интуитивно очевидно, что становлению более зрелых форм связи должно предшествовать вызревание предпосылок, создание предварительных условий. Например, биржи и банки — довольно поздний результат развития финансовых и денежных рынков и рынка ценных бумаг в условиях западной цивилизации⁸⁸. С другой стороны, многие формы ранней экономической деятельности продолжают сосуществовать в течение всей истории экономического обмена. Так, тот же Бродель очень осторожно подходит к рассмотрению данного вопроса: «Различные механизмы обменов, которые мы показали — от простейшего рынка вплоть до биржи, — легко узнаваемы и легко поддаются описанию. Но не так-то просто уточнить их относительное место в экономической жизни, рассмотреть их свидетельство в совокупности. Имели ли они одинаковую давность? Были или не были они связаны между собой, и [если да], то как? Были или не были они орудиями экономического роста? Несомненно, здесь не может быть категорического ответа, коль скоро в зависимости от экономических потоков, которые вдыхали в них жизнь, одни из них вращались быстрее, другие медленнее»⁸⁹. А ведь разбираемый нами пример наиболее очевиден и более или менее поддается количественной оценке. Что уж говорить о формах смены государственной власти или правовых отношениях. Остановимся здесь и мы. Зафиксируем проблему, не находящую прямого решения, и перейдем к рассмотрению второго вопроса.

Для ответа на него необходимо ввести какую-либо антропологическую абстракцию, описывающую сущностную связь «Я» и «Другого». Но есть ли у нас какой-либо объективный критерий для выбора из множества определений сущности человека? К сожалению, мы должны признать, что в рамках третьей схемы такого критерия у нас нет. «Я» и «Другой» даны нам в одни и те же сроки. Эти сроки могут быть

довольно большими, от этого суть дела не меняется, так как оба представлены вне истории, как неизменные функции объектных отношений. Поэтому для того, чтобы получить хоть какой-то ответ на этот вопрос, приходится предполагать цель истории либо всеобщую, как это делает К.Ясперс, либо локальную, в виде вызовов и ответов, как это делает А.Тойнби. И здесь мы невольно из области исторической науки переходим к другой дисциплине, а именно к философии истории, причем переходим необоснованно, так как «цель» — характеристика действия, а не истории. Зафиксируем принципиальную нерешенность этих двух вопросов в рамках третьей схемы.

4. *«Я» и «Другой» в разные сроки, в разное время.* На первый взгляд — вопрос парадоксальный. Что связывает меня и египтянина, жившего во времена фараонов, кроме учебника истории и моих друзей и родственников, предков которых один из тех фараонов якобы выгнал из Египта. Ничего. Я могу вообще не знать о существовании этого человека, как ничего не знаю о жителях каких-нибудь исторических «Атлантид». Тем не менее эта связь существует, и она принципиальна, так как именно она впервые позволяет мне поставить осмысленный вопрос о конкретной смене форм в историческом развитии человека. Потому что только здесь я имею дело с конкретным «Другим», человеком другой эпохи. Связь эта опосредована не только объектными формами нашего с ним существования, но и субъектной формой включения нас в исторически разные формы деятельности. Что же связывает эти формы между собой? Только одно — это формы человеческой деятельности. Только применительно к этой схеме мы имеем право поставить вопрос «Что есть человек?», не человек вообще (на этот вопрос отвечает биология, а чаще — физиология), а человек в истории, т.к. я могу понять разницу между ним и мной, лишь когда сформулирую нечто общее между нами. При этом нужно сразу оговориться: его глубинная мотивация неизвестна, его культура дана мне часто в нерепрезентативных источниках, его духов-

ный мир — не более чем искусственная попытка моей реконструкции. У не много материала для сравнения, и тем не менее, его хватает, чтобы сказать, что его жизнь подчинена тем же самым циклическим законам физического, биологического и социального существования, что и моя.

Для того чтобы объяснить, что мы имеем в виду в четвертой схеме, напомним, что нашей задачей является определение одновременности разнородных по своему составу событийных рядов: событий в жизни человека прошлого и событий в жизни человека настоящего. Для этого придется сначала ответить на несколько вопросов. Что такое событие? Как возможна его фиксация? На основании чего мы можем связать события друг с другом? До сего времени мы не ставили эти вопросы, т.к. событие рассматривалось как элементарная единица человеческой жизни. Нас интересовало установление статуса закономерности в связи событий, сама же связь не ставилась под сомнения, т.к. она опиралась на «эмпирическую реальность времени»⁹⁰, т.е. между событиями всегда был временной промежуток и мы лишь спрашивали, на чем основана наша уверенность, что он должен быть именно таким, а не другим. Сейчас перед нами несколько иная задача. У нас нет ни одного априорного представления об одновременности: «Я», «Другой», «разные сроки», «разное время», — и нам впервые придется его сформулировать как бы заново, поэтому само событие перестает быть элементом и становится предметом анализа.

Первое: событие не может быть бесконечным в силу наличия ряда парадоксов, вытекающих из принятия данного предположения. Второе: событие не может быть безграничным, т.к. если к событию применять категории, не фиксирующие его границы, мы не будем иметь право утверждать, что существует хоть какое-то другое событие. Третье: событие не может быть точкой, точнее, мы можем иметь о нем представление как о точке, но лишь в смысле его отличия от линии, плоскости или от конкретной другой точки, т.к. если мы представим событие как абстрактно существу-

ющую точку, мы не сможем говорить, что существуют разные события. Исходя из вышеперечисленных ограничений, наиболее подходящей абстракцией для описания события оказывается отрезок, т.е. ограниченная в пространстве (или времени) линия. Но как только мы зафиксировали такое понимание события, у нас сразу появляется проблема его масштабирования, т.е. соотнесение его со всяким другим событием. Представление о событии как о точке возникает исключительно в момент его соотнесения с событием принципиально иного (большего по сравнению с ним) масштаба. Но раз речь идет об отрезках, то временной интервал между ними должен каким-то образом соотноситься со временем интервалов самих отрезков.

Здесь возникает один вопрос, на каком основании мы считаем, что между событиями $a1$ и $a2$ существует временной интервал? Не проще ли предположить, что событие $a2$ следует сразу за событием $a1$. Но как только мы предполагаем такую абстракцию, следующим нашим предположением должно стать следование события $a3$ и т.д. вплоть до an , тем самым мы превращаем жизнь человека в ряд однопорядковых событий a , где каждое последующее событие $ai+1$ является напрямую связанным с ai . Однако мы с вами прекрасно осознаем, что события нашей жизни неравноценны. Наряду с рядом a можно ввести ряд b , ряд c и т.п. В таком случае нам остается либо предположить, что ряд событий ai сменяет произвольный ряд событий bi , а его, в свою очередь, ряд событий ci , либо согласиться, что между событиями $a1$ и $a2$ находится промежуток, вмещающий события b , события c и т.п. Последнее кажется более убедительным, т.к. если предположить обратное, то у нас нет никаких оснований ограничить ряд событий a без вмешательства какой-либо иной по отношению к нашей жизни силы, произвольно выбирающей для нас тот или иной ряд событий.

Поскольку нашей проблемой является поиск одновременности, то единственно возможным решением вопроса нам представляется одинаковость пропорций отрезков со-

бытий ***a1*** и ***a2***, отрезку времени ***t*** отделяющем события ***a1*** и ***a2*** друг от друга. В символической форме одновременность может быть выражена следующим образом ($a1/t=a2/t$).

Теперь перейдем ко второму вопросу: как возможна фиксация нами событий. Ясно, что ответ на него зависит от прояснения смысла знаменателя в вышеприведенной формуле. Из всех возможных концепций времени для наших целей вполне подойдет одна из самых древних — аристотелевская. Напомним, что Аристотель определяет время как меру движения, в качестве наиболее удобной единицы меры Аристотель предлагает использовать круговое равномерное движение. Итак, субъективный отрезок события ***a*** соотносится с особым образом организованным интервалом ***t***, который есть не что иное, как соотношение двух отрезков, один из которых является произвольным, а второй — соответствующий его масштабам, сознательно выбранный человеком циклический процесс. Исходя из вышеизложенного, у нас есть все основания считать проблему фиксации событий сугубо субъективной. Ведь даже если мы берем в качестве эталона времени астрономические меры секунд, минут, часов, суток, годов, т.е. объективно (внешние по отношению к человеку) существующие циклы, то мы, тем не менее, не имеем право утверждать, что события человеческой жизни фиксируются нами исключительно в силу того, что между ними проходит определенный (не зависящий от человека) промежуток времени. Данную мысль легко пояснить одним примером: структура событийной жизни древнего египтянина и человека постиндустриального общества разная. Если ритм событий египтянина тесно был связан с естественно-природными циклами времени (длиной светового дня, периодами разлива Нила), то те же самые ритмы современного человека гораздо более зависят от трудового законодательства и финансового положения страны его проживания. Именно на такую сложность специфики восприятия времени для объектов социологии культуры указывает Л.Г.Ионин вслед за А.Шюцем: «Повседневность конструируется «стандарт-

ным» временем трудовых ритмов. Последние определяются «пересечением» субъективной длительности и объективного космического времени. Такое сложное строение трудового времени существенно осложняет исторический анализ проблемы. Кроме того, ни субъективное время, ни объективно внешнее время в современном понимании не совпадают с тем, как они воспринимались в Древности»⁹¹. Но как это ни странно, именно такая субъективная фиксация структуры события впервые помогает нам понять объективность связи между ними.

На основании субъективности фиксации вынесем конкретную форму времени за скобки нашей формулы. У нас остается лишь та очередность усилий, которую человек тратит на упорядоченность организации своей жизнедеятельности.

Мы убираем время на основании того, что в методологическом схематизме, который мы в данном случае предлагаем, необходимо убрать все физические и метафизические смыслы, которые ассоциируются с понятием «времени». Благодаря этим операциям мы наконец получаем определенность рассматриваемых нами событий. Мы имеем дело не с любым событием человеческой жизни, не с абстрактом *a*, под который можем подвести любое значение, и не с любой мыслью вообще, сравнивая различные события мы можем вычленить из них то общее, что в них есть — сознательную организацию равномерно повторяющейся деятельности (трудовой, торговой, правовой, социальной, культурной, военной, политической и т.п.). Как раз то, что при реализации такой деятельности человек стремится элиминировать из нее все субъективное, т.е. сознательно создает объективную конструкцию и позволяет нам говорить об объективности истории, но понятно, что не всей истории, а лишь истории таким образом конструируемых событий.

Наконец, мы подошли к последнему вопросу. На основании чего мы можем связать события друг с другом? Самый простой ответ — на основании определенной темпоральной

структуры, в соответствии с которой мы и организуем выделенные нами события. Этот ответ очевиден, но мы не можем с ним согласиться. События, конечно, происходят во времени, но не из-за времени. Человек, конечно, учитывает объективную темпоральную структуру, но часто организует связь событий не в соответствии с ней, а вопреки ей. Наконец, последнее. Если бы вся организация связи событий была бы лишь функцией объективно существующей темпоральной структуры, то у человека не было бы Истории. Тем не менее человек не только является сыном истории, но и ее единственным творцом. Будучи творцом, именно он задает возможность перехода к новой событийной структуре, к новому связыванию событий друг с другом. Говоря языком феноменологии, мы должны признать изначальную интенциональность события. Если мысль всегда о чем-то, то событие всегда для чего-то. Прежде всего для того, что бы человек мог сосуществовать с природой, с другим человеком, с людьми, причем не только настоящими, но будущими и прошлыми. Итак, «Я» и «Другого» в Истории (т.е. в разные сроки и в разное время) связывает сознательная организация человеком своих действий, направленная на сосуществование его с другими людьми с целью осуществления себя как «человека»⁹².

Только после этого объяснения вопрос «Что есть человек?» становится не только осмысленным, но и актуальным, так как тот или иной ответ на него можно рассматривать не только как исторически обусловленный развитием науки, но и как актуализированное в конкретном историческом контексте принятие человеком определенного значения своего имени. *Homo politicus*, *le saint homme*, *homo economicus*, *homo sapiens*, *homo ludens* — оказываются конкретными историческими этапами смены человеком своего имени, под которым скрывается актуальная в тот или иной период истории форма сосуществования человека с себе подобными.

Мы рассмотрели четыре типа связи событий в истории между собой. Теперь попытаемся ответить на вопрос: «Какую связь событий мы должны положить в основание факта

в исторической науке?». Любую. На основании каждой из них можно установить фактичность связи событий. Первая схема является необходимой для библиографического жанра в историографии. На основании второй строятся предметно-практические описания исторических событий, например, история классовой борьбы во Франции или история культуры Древней Руси. Распространенность третьей схемы снимает всякие вопросы о ее применимости. Сложнее обстоит дело с реализацией четвертой схемы. Нам представляется наиболее близкой к данной схеме текст А.Дж. Тойнби, посвященный анализу «ритмов» распада общества. «Периодичность, будучи одной из черт, делающих процесс распада похожим на процесс роста, не может быть объяснена теми же причинами. Если такты в ритме роста как бы отмечают последовательность успехов в ответ на череду вызовов, то такты в ритме распада образуются в результате цепи поражений в ответ на один и тот же вызов, а если процесс распада, подобно процессу роста, имеет непрерывный характер, то это может произойти потому, что каждое последующее поражение сеет семена новых попыток его преодолеть»⁹³.

Главный вывод из нашего исследования заключается в неправомерности подмены событийных схем при установлении фактов связи между историческими событиями. Так, никакие события в биографии художника не могут ничего сказать о факте изменения духовной культуры, и наоборот. Развитие и смена форм правовых отношений в России в XIX веке (кодификация законов, правовая реформа Александра II) оказали существенное влияние на изменение общественной жизни и никакого — на овладение массами опытом политической борьбы за власть в начале следующего столетия.

Нас могут спросить: «Как должны соотноситься друг с другом выявленные в различных событийных рядах исторические факты?». Мы не можем отрицать между ними когерентную связь, т.е. определенное функциональное согласование в рамках одного временного периода. Однако нам представляется, что эта связь должна выявляться не на уровне-

конкретно исторического исследования, а в рамках создания концептуального теоретического исследования исторического процесса. Принципиально в таком исследовании то, что историк работает в нем не с историческими фактами, а с теоретическими конструктами.

Но именно на уровне теоретического конструирования понятий историка ожидают антиномии исторического знания, отмеченные нами в предыдущей главе.

Категории исторического знания

Ниже мы попытаемся показать, как антиномии исторического знания могут быть разрешены с помощью созданных нами схем. При этом основной целью исследования станет фиксация категорий, необходимых историку для построения теории исторического процесса. Для того, чтобы наши рассуждения были более понятными, сформулируем вторую антиномию как проблему.

При помощи каких понятий сложные и взаимосвязанные исторические процессы могут быть сведены к простым поддающимся фиксации фактам?

«Я» и «Другой» (Я) в одни и те же сроки, в одном времени.

То, что наша жизнь сложна, — доказывать не приходится. То, что мы по мере наших сил с этими сложностями справляемся, — тоже. Мы всегда соотносим жизнь с тем состоянием, в котором находимся «здесь» и «сейчас». Так, современное состояние России делает актуальной метафору о национальной истории 17 в. — «Смута». Борьба метафор в современном сознании должна соотноситься с тем, как человек ощущает свое собственное положение в настоящем времени. Оценка человеком своего состояния есть мера понимания им взаимосвязи событий или процессов. Если мы согласимся, что «оценка человека» и «понимание человеком» не свободны от субъективности, то единственно объективной в онтологическом плане категорией, которую мы можем вычлениить из данного по-

ложения, окажется «мера». По существу историк, работающий в парадигме первой схемы, должен решить для себя одну проблему: в чем заключена объективность меры при нарушении которой «Я» переходит в «Другое».

Итак, первой и основополагающей категорией является «мера» как форма или формула, в которой можно отобразить полученные нами исторические факты. Ни один из фактов сам по себе не является самодовлеющим и достаточным для исторического исследования. События в истории даны нам принципиально взаимосвязано. Наша задача состоит в том, чтобы, открыв их, расположить их по значимости в сложном сочетании друг с другом.

Источниковедческий комплекс является ничем иным как эмпирическим базисом, созданным для описания истории в виде формул. В качестве существующего примера таких исследований мы можем привести формулы, описывающие расслоение земельной собственности, выведенные К.В.Хвостовой и В.К.Финном на анализе византийских земельных отношений XIV века⁹⁴.

Но формула — лишь способ организации результатов исследования. Соответствует ли ей какая-либо особенность организации объективного мира? Да. Перед нами ничто иное, как структурная организация объекта исследования. История не является исключением в структурных исследованиях, охвативших науку во второй половине XX века. Они широко применялись в лингвистике, антропологии, психологии. Не избежала их и история культуры. «Основным слоем, на котором основывается всякий анализ, является анализ произведения, поскольку, прежде чем приступить к описанию истории культуры и до того, как мы можем составить представление о причинно-следственной взаимосвязи отдельных ее явлений, необходимо, чтобы у нас была возможность обозреть произведение языка, искусства и религии»⁹⁵.

От анализа структуры мы должны перейти к системному анализу и... столкнуться с проблемой. Объект истории системен, но системно ли изменение объекта? Чтобы понять,

как происходит взаимосвязь состояний, нам необходимо рассмотреть логику процесса и, тем самым, перейти ко второй группе теоретических категорий исторической науки, категориям, описывающим «длительность».

2. *«Я» и «Другой» (Я) в разные сроки в одном времени.* Вторая схема впервые дает нам представление об истории. Конечно, это история самого субъекта, но понятая объективно, история овладения субъектом предметной формой объекта. Проблема меры при этом снимается тем, что переносится в объект. Человек изменяется сам по мере овладения им сложной структурой предмета, на который направлена его деятельность. Так появляются в текстах по истории философии «ранний Ницше» и «поздний Хайдеггер», в текстах по истории общества — раннефеодальные государства или империализм как высшая и последняя стадия капитализма. Существенной проблемой такого исторического подхода становится поиск объективных отношений, в границах которых субъект не может измениться, отношений, которые субъект принимает как константы мирового порядка.

«Именно такие последовательности, такие «ряды», такие «факты длительной временной протяженности» (*longues durées*) привлекали мое внимание: они рисуют линии, идущие к горизонту, и самый горизонт всех таких картин минувшего. Они вносят туда порядок, они предлагают некое равновесие, скрывают постоянные свойства — в общем, то, что там есть более или менее объяснимого в этом кажущемся беспорядке. Ж.-Лефевр говорил: «Закон — это постоянная величина». Разумеется, здесь речь идет о константах в течение определенного срока, длительного или средней продолжительности»⁹⁶.

Вторая схема нацеливает историка на поиск определенных длительностей неизменного функционирования субъектов истории в качестве ее объектов, но она же ставит перед историком онтологическую проблему определения «начала» и «конца» этих длительностей. Так решение второй антиномии исторического знания с логической последова-

тельностью упирается в решение первой антиномии. Выделение «начала» и «конца» какого-либо исторического периода не может быть навязано историку извне по аналогии. Это свойство самого исторического объекта.

Если все объекты исторической науки целостны, то целостны и исторические процессы. В истории бывают случаи, когда сложный исторический объект становится монолитом, практически не имеющим частей, например война на выживание. Массы мобилизуются, превращаются в сумму с одной волей, с решением одного вопроса, доведенного до дилеммы — жизнь или смерть. Человек делает не свой личный выбор, а принимает выбор общества. Время рождает героев. Это исключительные моменты в истории, но здесь главное заметить, что они возникают. Революции и есть моменты мобилизации общества, момент решения проблемы «или — или». Но революции не продолжаются вечно. Целостный исторический объект, т.е. человек, общество, государство, в зависимости от четко выделенных причин, способен мобилизоваться и превратиться в монолит, где уже не действует часть, но лишь на определенное время, для решения конкретных задач, предъявляемых обществом к монолиту. Как только эта задача решена, общество очень быстро восстанавливает свою сложную целостную структуру. Именно эти колебания и есть органика исторического объекта.

Переход целостности к монолиту и последующий этап создания новой целостности должен осознаваться обществом как конкретный исторический отрезок. В эти моменты естественные циклы синхронизируются, и все общество начинает работать как один организм, но лишь до определенного предела. По существу перед нами момент революции: социальной, технологической или культурной. У каждой революции имеются конкретные задачи, для решения которых и происходит синхронизация естественных циклов. Если мы рассмотрим историю как пакет циклов, то именно революции будут объективно выделены как моменты синхронизации различных временных циклов⁹⁷.

Следовательно, мы видим, что решающей онтологической проблемой второй схемы является выделение категорий, с помощью которых можно описать естественную границу длительности неизменного функционирования исторического объекта. Это длительность особого рода. Она не может начаться с определения границ отрезка. «Начало» и «конец» исторической длительности являются условными единицами. Изменения истории чаще всего происходят в результате длительных процессов, в которых проблематично выделить «начало» и практически невозможно — «конец». «Начало» и «конец» — не более чем абстракции, к которым мы апеллируем с целью сделать историю понятной и человекообразной. Что же остается за пределами этих абстракций при анализе длительности? Исторически сменяющиеся друг друга циклы повседневности, на фоне которых происходят процессы становления новой целостности или системы отношений человека к человеку, человека и общества, общества и природы. Каждой из этих систем соответствуют свои параметры длительности. Все вместе они описывают процесс становления человеческой истории.

С нашей точки зрения, ключевым для исторического исследования окажется понятие «временного ряда», в рамках которого мы фиксируем то или иное событие реальной истории. Под «временным рядом» мы подразумеваем последовательную череду интервалов, в которых конкретное историческое событие становится реальной границей, между рядоположенными отдельными интервалами. В идеале каждая проблемно ориентированная историческая дисциплина имеет свой временной ряд, в котором то или иное историческое событие становится значимым как самостоятельное качество или остается на уровне интенсивной величины внутри конкретного интервала. Отдельные исторические события могут быть настолько значимы, что становятся границами интервалов нескольких временных рядов, но в любом случае не всех сразу. Однако большинство событий всегда

останутся в различных временных рядах и установление корреляций между ними в рамках различных временных рядов будет носить искусственный характер.

В качестве наглядного примера рассмотрим октябрьский переворот 1917 года. Как событие политической истории захват власти безусловно играл роль границы между интервалами, но даже в этом случае его следует рассматривать не как событие одной ночи, а по меньшей мере нескольких дней, пока новая власть не победила во всех губернских (властных) центрах Российской империи. При этом логическим завершением данного политического интервала скорее всего будет роспуск Учредительного собрания в январе 1918 года. В качестве событий внутри данного временного ряда можно выделить: захват власти в столице; формирование дееспособного правительства и подчиненной ему властной вертикали; утверждение новой власти во всех крупных городах империи; последовательное проведение политики, ориентированной на созыв и проведение Учредительного собрания, как высшего органа будущих властных полномочий в стране. Конечно, каждое из этих событий можно рассматривать по отдельности, но это уже не будет политическая история большевистского переворота 1917 года, а будет, например, история захвата власти в Петрограде, которая, кстати также уместится в несколько дней (10 дней Джона Рида).

Цикл экономической истории имеет большую длину волны и начинается задолго до Октября. Неспособность самодержавного и временного правительства наладить чисто экономическими средствами функционирование механизма снабжения воюющей армии и населения продуктами первой необходимости, приводит к проведению ряда административных мер, последствия от осуществления которых лишь усиливают эффект октябрьского переворота. Эти меры существенно затрагивали отношения в аграрном секторе производства. Захват земли крестьянами (весна — лето 1917 года), юридически оформленный в октябре большевиками и левыми эсерами «декретом о земле», является логи-

ческим развитием тенденций реальных экономических отношений, сложившихся в результате экономической политики руководства дореволюционной России. Процессы национализации промышленного производства и банковской системы, проведенные новым руководством страны, были лишь логическим продолжением процессов, начавшихся в дооктябрьский период. В отношении же регулирования сельскохозяйственного рынка декретами от 13 и 27 мая 1918 года такой авторитетный свидетель как Н.Д.Кондратьев замечает, что «советская власть в значительной степени осуществила намечавшиеся министерством временного правительства реформы»⁹⁸. Завершением данного временного интервала были статьи Ленина весной 1918 года о новых задачах Советской власти, провозгласивших новый хозяйственный этап экономической политики (не путать с НЭП 1921 года). Экстраординарные меры хозяйствования лета 1918 — зимы 1920 года обусловлены прежде всего начавшейся летом 1918 года гражданской войной.

Для нас важно показать несовпадение двух временных рядов, относящихся к разным предметным областям исторической науки. Это несовпадение особенно характерно, когда его рассматривают на примере таких близких областей как политика и экономика. Не учитывая своеобразной самостоятельности логики развития этих временных интервалов невозможно понять зафиксированный историками экономики факт наивысших темпов развития экономики СССР в XX веке, пришедшихся на 45—52 годы, период максимальной деградации политической системы страны.

Задачей исторического синтеза при подобном подходе становится не объяснение детерминации тех или иных исторических событий, а поиск взаимодействий и корреляций объективно зафиксированных временных рядов. В том или ином виде историки-профессионалы пытаются решить эту задачу. Однако, чаще всего один из временных рядов берется как определяющий, фундаментальный. При этом остальная история рассматривается в качестве истории событий,

которые объясняются или получают определенный смысл в рамках той или иной закономерности, выделенной в результате исследования конкретного временного ряда. Обычно, в качестве синтезирующих временных рядов используются закономерности политической, экономической или идеологической истории. Авторами подобных концепций, как правило, выступают политологи, экономисты или идеологи, обслуживающие существующий властный режим или оппонирующие ему.

Итак, «длительность», «цикл», «становление» являются основными категориями второй группы. Все они взаимосвязаны. Невозможно понять одну из них, вычленив из целого, т.к. свое объяснение они получают друг через друга. Нам осталось лишь привести мнение специалиста: «Достигнув в 850 году своей вершины, очень долгий цикл стал неуклонно двигаться к концу. Его нисходящее движение продолжалось вплоть до всеобщего возрождения, последовавшего за рубежом 1000 года. Конечно, это новый цикл, о котором я осмеливаюсь заговорить, сам еще нуждается в объяснении... Происходит инверсия, переворот. Однако всякий переворот, который утверждается надолго, вызывает множество вопросов относительно его причин и следствий. Я говорю «причин и следствий», ибо мы не можем отнести текущие процессы исключительно к той или иной из этих категорий»⁹⁹. Не можем, но должны ставить вопрос именно о «причине и следствии», т.к. это третья группа категорий, необходимых для анализа истории.

3. *«Я» и «Другой» в одни и те же сроки в разное время.* Третья схема предполагает поиск надсубъективных сущностей истории. История человека превращается в ней в историю таких безличных сущностей, как социальные институты, формы развития государства, смена ментальностей, по крайней мере, в том виде, как их понимает Ф.Арьес в своих исследованиях установок европейского человека в отношении смерти. По поводу этих исследований А.Я.Гуревич пишет: «Он придерживается уверенности в существовании единой

ментальности, якобы пронизывающей все социальные слои. Он исходит из убеждения, что эволюция мыслительных форм в первую очередь и определяет развитие общества, а потому считает правомерным рассматривать ментальность автономно, вне связи с социальным. Но тем самым Арьес изолирует такой предмет исследования, право на существование которого еще нужно обосновать»¹⁰⁰. С этой критикой признанного специалиста по теории исторической ментальности можно только согласиться. Введение такого предмета, как ментальность требует обоснования. Но что делать историку в тех случаях, когда объективность предмета дана ему без всякого обоснования?

Право, государство, армия, экономика существуют, и это их существование мы ощущаем непосредственно. Но как часто? И, может быть, самое главное, можем ли мы определить закономерность их влияния на нас? И тем самым свести сложность нашего включения в различные надсубъективные структуры к простому закону, который проще принять, чем понять? Эти три вопроса объективны, потому что реально стоят перед нами. Если мы принимаем эту их объективность, то весь удар критики, направленный против антиисторизма объективистской истории, оказывается выстрелом в пустоту. «Изучение картин мира, сменяющих одна другую в истории, властно побуждает историков действовать именно так, как повелевает природа исторического ремесла, а именно: изучать свой предмет — человека в обществе — не в качестве внешнего «объекта», наподобие естественнонаучных объектов, но таким, *каков он по своей сути* (выделено нами), т.е. в качестве деятельного, мыслящего и чувствующего субъект, автора и актера жизненной драмы истории...¹⁰¹. Автор этих строк забывает о «зрителях».

Мы не только субъекты истории, мы гораздо чаще ее объекты. И в качестве объектов у нас невольно возникает вопрос в обоснованности ее «объективных» закономерностей. Нам хотелось бы, чтобы цена «свободы» как цели человеческого существования не превышала предела, ставящего

под вопрос само наше существование как биологических, социальных и психологических существ. Такая постановка вопроса непосредственно выводит нас на третью антиномию исторического знания.

Человек функционирует в циклах существования. События его истории непосредственно связаны с функциями этих циклов. В жизни человека не так много моментов, которые он квалифицирует как события (женитьба, рождение ребенка, получение научной степени, смерть и т.п.) Функциональность снимает с человека ответственность за события. «Зачем?» заменяется «Почему?». Свободная воля человека останется необоснованной без выделения того, чему она противостоит, а именно причинности. Третья антиномия разрешается тем, что человек становится субъектом истории тогда, когда его действия основаны на знании причины (даже в том случае, когда действия противостоят этой причине). Но для выделения причинности события должна быть задана размерность предшествующего события, иначе причиной может быть названо любое предшествующее событие.

Тем самым, вместе с причинностью, и только здесь, а ни в коем случае не раньше, мы вынуждены ставить вопрос о «времени». В гносеологии мы вводим «время» как категорию, которую исключили в методологии. Вводим ее как конструктивный элемент. Именно здесь намечается наше расхождение с Кантом. У Канта время имеет эмпирическое содержание. В гносеологии мы должны отвлечься от эмпирии и ввести «время» как теоретический конструкт. Кантовское «время» является значимым для методологии, но лишь для того, чтобы сконструировать схематизм мышления, из содержания которого мы должны его потом удалить. В конечном счете для Канта эмпиричность времени является основой причинности, для нас, напротив, необходимость причинности обуславливает осмысленность введения «времени». Мир истории в отличие от «мира чистого разума» — это мир самого человека, сознательный мир его поведения. В истории проблема сочетания времени и причинности — проблема кон-

ституирования исторического субъекта как субъекта истории. Именно здесь и происходит разрыв циклов, их переход в новую систему функционирования, только решив эту проблему, мы можем говорить о размерности исторических отрезков. Реформы Петра объединяются с деятельностью Екатерины II, решение проблем российской армии решается созданием дворянства как субъекта российской истории. Цикл завершается созданием этики, кодекса чести, неписаных правил поведения, в соответствии с которыми функционируют большие группы, составляющие субъект истории. Именно на этом этапе создается идеология (одной из разновидностей которой является ментальность) как превращенная форма сознания (не значит ложная), позволяющая отдельным людям жить и действовать сообща.

Для объяснения решения третьей схемы приходится решать целый ряд задач, которые тем не менее можно свести к одной проблеме: с помощью каких категорий мы можем описать необходимость превращения человека из объекта истории в ее субъект?

В отличие от «времени», которое хотя и дано нам в субъективной форме, тем не менее, объективно, в том плане что, переходя к той или иной форме своей деятельности, человек открывает для себя уже существующие темпоральные структуры, выбор человеком причинности остается субъективным. Но является ли этот выбор произвольным? Нет. В его основании лежат объективные формы темпоральных последовательностей, о которых мы писали выше.

При описании этих темпоральных последовательностей нам приходится использовать уже выделенные нами категории «структуры» и «становления». Двудеиная сущность времени была открыта давно. С одной стороны, оно циклично и описывается равномерным круговым движением. С другой — каждый цикл знаменует собой определенное изменение (становление) целостности, к которой приложимо понятие временности. «Имеющее начало во времени происходит из кругового движения не вследствие его постоянства,

а поскольку оно каждый раз становится новым, оно не нуждается в особой причине, ибо это обновление есть не новый акт, а вечное действие, т.е. действие, не имеющее ни начала, ни конца. Поэтому действительный должен быть вечным, так как вечное действие должно иметь и вечного действительного, а возникающее действие — действительного, имеющего начало во времени. Только благодаря вечному элементу в действии можно понять то, что действие не имеет ни начала, ни конца. И в этом смысле оно постоянно, ибо само по себе оно не постоянно, а изменчиво»¹⁰².

Заменим в этом утверждении представление о вечном действительном как о Боге, представлением о человеке, которому только и дано время и история. Ведь если история, которую мы рассматриваем, является историей мира человека, то за пределами истории невозможно обнаружить человека, а за пределами человека не существует истории. Следовательно, человек является и вечным действительным для истории, и единственной причиной изменчивого.

Темпоральные представления лежат в основании выбора человеком причинно-следственных связей, в соответствии с которыми он пытается объяснить историю. Временная соразмерность циклов является основой, обуславливающей выбор той или иной концепции причинности. В тех случаях, когда действие предшествует окончанию временного цикла, человек употребляет понятие «целесообразность». Категории третьей группы тем самым можно свести к трем понятиям «время», «причина», «целесообразность».

4. **«Я» и «Другой» в разные сроки в разное время.** Четвертая схема ставит перед историком проблему формирования понятийного аппарата для описания закономерностей в различных областях исторического знания и для различных субъектов истории. Конкретный человек конкретной эпохи решает для себя принципиально однотипную задачу: «Как сделать свою жизнь человеческой?» При всей разности условий и многообразия решений общим остается только проект, создаваемый целесообразным существом. Этот-то про-

ект мы и должны рассматривать на том единственном основании, что мы сами проектирующие существа. Только в этой схеме мы все являемся субъектами истории, но лишь в том смысле, что являемся субъектами своих маленьких историй, сосуществующих в пространстве и времени Земли. Именно здесь сама «История» историка может быть рассмотрена как частный случай исторической деятельности отдельного субъекта, тем самым мы подошли к рассмотрению четвертой антиномии исторического знания. За пределами человека как исторического субъекта существует мир его идеологии, удваивающей мир его существования. И историк, и человек-не-историк подчиняются законам идеологии как надындивидуального мира, но особенность ученого заключается в том, что он является носителем двух идеологий — идеологии общества и идеологии науки и должен решить для себя проблему их согласования, если они противоречат друг другу при изложении истории как научной дисциплины. Это не значит, что научная дисциплина свободна от идеологии, она также подчинена господствующим в науке стереотипам (парадигмам), но вектор направленности социальной и научной идеологии разный. Социальная идеология направлена на сохранение существующего, на охрану привычных для общества механизмов контроля перемен самого общества. Социальная идеология не говорит, каким должно быть общество, она настаивает на том, как оно может изменяться. Научная идеология направлена на поиск истины, в том числе и самой по себе, поэтому научная идеология меняется быстрее, чем социальная, но в более локальном смысле.

Двойственная позиция позволяет историку избегать следствий четвертой антиномии, сформулированной в современном языке теоремой Геделя. Историк может описать мир, т.к. одновременно находится в двух идеальных мирах. Это двуединство ставит перед современным историком проблему самоидентификации. Кто он — детектив (Коллингвуд)¹⁰³, судебный следователь (Ранке)¹⁰⁴ или свидетель (Солженицын)? Как ученый он может выступать в любой из

этих ипостасей, но брать на себя функции суда (судья, адвокат, прокурор) можно лишь в рамках социальной идеологии. Проблема историка заключается в переходе из одной роли в другую.

Историк мыслит как человек определенной эпохи, пользуется языком этой эпохи, в то же время объектом его изучения является прошедшее время, которое он рассматривает с точки зрения объективной науки. Так с необходимостью возникают странные понятия, — оксюмороны, в которых на уровне прилагательных опровергаются существительные: «холодная война», «бархатная революция». Образование этих понятий и есть сложное совмещение двух идеальных миров. Мира социального — в существительных и мира научного — в прилагательных. Конструируя те или иные метафоры, человек описывает мир постоянства (мир циклов), в котором он живет. Историк, изучающий не только внутрицикловые периоды, но и периоды переходов, вынужден создавать свой мир метафор, появление которых зависит от принятия историком на себя социальных функций суда.

Не только каждый историк — человек, но и каждый человек — историк, но лишь в тот момент, когда он задает количественные параметры процессов, определяющих его жизнедеятельность. Соотношение этих параметров друг с другом, их соответствие целям, декларируемым объектом истории показывает нам возможность и действительность исторических процессов. Последняя схема помогает нам сформулировать понятия целесообразности человека как субъекта исторической деятельности. основополагающими в данной схеме оказываются такие понятия, как «жизнь», «свобода». Причем каждое из этих понятий является для человека не столько научным, сколько ценностно окрашенным.

Становление истории как науки — это проблема становления понятий, описывающих исторический процесс. Онтология истории — это принятие сообществом ученых понятийного каркаса, но созданного не в *metaphysica generalis*,

а самой *metaphysica specialis*, поэтому не проблема времени или человека лежит в основании построения истории как науки, а создание адекватного понятийного аппарата, описывающего историю человечества¹⁰⁵. Если же мы хотим, чтобы история стала строгой наукой, то отношения между понятиями должны быть количественно определены, так как сам человек в своей жизни в тех рамках, где он действует рационально, определяет свое отношение к действительности через количественное отношение.

ГЛАВА 3

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Онтология — это учение о бытии. Существуют ли в конкретных исторических исследованиях проблемы, которые мы называем онтологическими? Правомерно ли соотносить между собой хитроумные онтологические рассуждения и конкретные исторические исследования, возникшие в своей современной научной форме позже того, как Кант доказал бессилие чистой метафизики? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны в самом факте существования исторической науки углядеть некий специфический признак, позволяющий нам сформулировать особенности такого предмета познания, как история. В силу этого нас интересует здесь лишь одно свойство исторической науки — безграничность ее объекта. Существуют история России и история русского народа, история российского государства и история Русской земли, история российской дипломатии и история русской культуры... И так — до истории повседневности. Судя по всему, мы способны написать любую историю, историю любого предмета, т.е. мы имеем дело с историей «х».

Из подобной гносеологической и методологической ситуации есть как бы два выхода. Первый выход: нужно исходить из наличия специалиста-историка, владеющего методом исторического исследования, и ставить перед ним задачу — исследовать ту историю, которая нас сейчас интересует. Иными словами, исходить из первичности исторического метода. Но тогда нам нужно либо описать этот метод сам по

себе, что и пытаются сделать неокантианцы, либо довериться искусству историка-профессионала, на что нам давно намекают наши собратья по гуманитарному цеху. Второй выход: можно попытаться сформулировать некоторые правила, которыми должен руководствоваться историк *ex professo*, чтобы мы могли понять и принять его работу, и, самое главное, понимать разногласия и споры в среде самих историков, чтобы иметь возможность сделать осознанный выбор между предлагаемыми нам дилеммами истории, которые часто стремятся предстать перед нами в виде альтернатив.

Избавиться от безграничности исторического объекта можно также посредством следующего методологического приема: попытаться описать сначала историю всего человечества, затем историю отдельных цивилизаций, культур, государств, народов, стран, и так вплоть до истории повседневности какого-нибудь исторического персонажа, например Александра Македонского, Иосифа Сталина или Конфуция. Это безусловно продуктивный методологический ход, но нужно сознавать, что при каждом переходе от одного таксона к другому возникает легкая, подчас неуловимая путаница части и целого. Разве может быть история человечества без истории цивилизации, что первичнее — история государства или история народа и как возможна история государственных преобразований (например, реформ) или история религиозно-этических учений вне истории их организаторов или создателей? Мы не отрицаем, что построение подобной последовательности таксонов возможно, но в подобном подходе мы видим больше решительности ответа на методологический вызов, чем содержательности самого ответа.

Неопределенность предмета исторической науки не является исключением в стройном ряду других наук. Даже такие строгие науки, как физика и математика, не могут на сегодняшний день похвастаться исчерпывающей определенностью своего предмета.

Для того, чтобы остаться в рамках научного подхода, применим к любому возможному предмету истории стандартные требования, предъявляемые методологом науки к теоретическому знанию. Иначе говоря рассмотрим реально существующие проблемы исторической науки сквозь призму идеализированных требований к такой форме существования научного знания, как «теория».

Определить бытие в начале исследования — сложная задача. Но ведь для философии определение (дефиниция) — это задача не начала, а конца исследования. Оно завершается определением, но может с него не начинаться. До того, как получить определение, необходимо сформулировать проблему, объяснить ее, проанализировать понятия, показать, как и в каком контексте проблема возникает, выяснить ее причины, предложить способы ее решения и показать, почему один из них лучше других. Так мы поступаем в жизни, когда сталкиваемся со сложными вопросами, и люди, наблюдающие за нами, считают это разумным или рациональным. Тем более у нас нет оснований отказываться от данного подхода в философии.

Знаком профессионализма в исторической науке считается историографическая часть исследования. Причем хорошая историография предполагает не простое перечисление всего сказанного, а сжатый анализ сказанного о проблеме. Собственно говоря, аналитическая часть и является научным подходом в историографии. Следуя традиции, рассмотрим скорее не *что* говорилось о бытии нашими предшественниками, а *как* о нем говорилось, и не с точки зрения стиля (диалог, монолог), а с точки зрения методологии выделения понятий, описывающих бытие.

«Технический» подход к онтологии

Обращаясь к трудам Аристотеля, можно выделить три способа анализирования проблем. Первый назовем собственно аналитическим. Он представлен в той части его работ,

где Стагирит определяет проблему исследования и метод его проведения. Таков, например, анализ в первой главе «Метафизики» понятий «знания», «мудрости» и сложностей в исследовании истины. Или рассуждения в первом параграфе первой книги трактата «О душе» о том, каковы пути познания души. Однако в «Категориях» и «Об истолковании» аналитическая часть отсутствует.

Второй способ — историографический. Известно, что во многих своих сочинениях Аристотель интерпретирует взгляды и мысли предшественников по исследуемой им проблеме. Кстати, в вышеупомянутых трудах эта часть также отсутствует.

И, наконец, последний. Условно назовем его грамматическим. Аристотель постоянно ссылается на то, что то или иное понятие может быть сказано ограниченным количеством способов. Даже если не рассматривать пятую книгу «Метафизики», которая воспринимается как «словарь философских терминов»¹⁰⁶, нужно согласиться, что частота, с которой Стагирит воспроизводит данный способ анализа, свидетельствует о неслучайности данного приема в рассуждениях. На вопрос, почему причин именно четыре по числу, Аристотель прямо пишет, что именно «такое же число включает вопрос «почему»»¹⁰⁷. Может создаться представление, что философ прежде всего следует прагматике естественного языка. Однако в «Категориях», труде, посвященном анализу естественного языка, анализируя соотношение понятия и качественного обозначения, Аристотель указывает на ситуации, когда соответствующие слова в составе языка отсутствуют: «Некоторые качества не имеют названия, наделенное ими нельзя назвать производным от них именем, ...ибо для способностей, благодаря которым эти люди называются именно такими, нет названий в отличие от искусств...»¹⁰⁸. В таком случае философ предлагает неожиданное решение: «Иногда же необходимо даже придумать имена, если нет установленного имени, в отношении которого [соотнесенное] могло бы

быть указано подходящим образом...»¹⁰⁹. Короче говоря: помимо сугубо аналитических размышлений о том, что считать первой сущностью, при построении онтологии философ использует анализ логической полноты языковых выражений. Причем использует ее по преимуществу техническим способом. Логическая полнота языковых выражений оказывается границами анализируемого континуума, за которые невозможно выйти, если мы предполагаем остаться в рамках аналитической методологии. Назовем этот прием техническим подходом к построению онтологии и, чтобы показать его реальность и эффективность, сошлемся на И.Канта и К.Маркса.

И.Кант в введении в «Критику чистого разума» пишет об ограниченном числе суждений: аналитических и синтетических, а priori или a posteriori. Именно такой способ описания полноты возможных выражений истинностного знания и позволяет ему поставить центральную проблему новой гносеологии — как возможно синтетическое суждение a priori? Анализ К.Марксом капиталистического способа производства предвещает возможная полнота описаний экономического измерения человека. Так с точки зрения экономики человек может быть либо производящим, либо потребляющим, либо обменивающим существом. И хотя в реальной жизни он может быть также «поющим», «пьющим» и т.п., к анализу политической экономии данные характеристики никакого отношения не имеют.

«Технический» подход в онтологии используется в тех направлениях, которые претендуют на истинностный статус получаемого ими знания. Собственно говоря, это и есть научный способ «упаковки» полученного истинностного знания. Ведь любое положение, претендующее на то, чтобы называться научно обоснованным, должно включать в себя указание на теорию, направление и научную дисциплину, в рамках которых полученное знание имеет статус истины.

Смысловой подход к онтологии

Примером смыслового подхода к онтологии может служить критика Аристотелем эйдосов Платона¹¹⁰. «Однако в наибольшее затруднение поставил бы вопрос, какое же значение имеют эйдосы для чувственно воспринимающих вещей — для вечных, либо для возникающих и преходящих. Дело в том, что они для этих вещей не причина движения или какого-либо изменения. С другой стороны, они ничего не дают ни для познания всех остальных вещей (они ведь и не сущность этих вещей, иначе они были бы в них), ни для их бытия (раз они не находятся в причастных им вещах)»¹¹¹. Итак, согласно Аристотелю, теория эйдосов Платона не способна дать ответ на один из решающих вопросов «Метафизики» — каково соотношение причин становления или возникновения вещи и того, чем эта вещь должна быть.

Критика средневекового теолога и философа Томаса Брадвардина понимания Аристотелем места Бога в мире также коренится в ином смысловом подходе к онтологии. В противовес античной концепции космоса, где каждый предмет, в том числе и Бог, занимает свое место, Брадвардин утверждал, что место Бога в мире — это сам мир, причем мир сегодняшний, «поскольку самим фактом предполагается его действительное — и вечное — присутствие во всем бесконечном пространстве, простирающимся вне границ Вселенной»¹¹².

В истории философии можно найти немало примеров критики смыслов тех или иных предшествовавших онтологических интерпретаций. Смысловой подход к онтологии основывается на анализе согласованности между собой основных принципов, которые положены в основание онтологической картины мира или отстаиваются тем или иным философом. Проблема согласованности могла решаться по-разному: с помощью постулирования основных законов мироздания или с помощью ссылки на постепенное, прогрессивное развитие человеческого знания и самого человека. Иной раз при помощи *credo ad absurdum* или ссылки на прак-

тику, опыт, пользу. В любом случае она всегда присутствует (иногда, правда, неявно) в систематически ориентированном и рациональном мышлении.

Одним из необходимых элементов онтологической картины мира является человек. История культуры показывает нам, что содержание, вкладываемое в понимание человека, не константно. В зависимости от эпохи, культуры, господствующей идеологической установки человек по-разному оценивает сам себя и свое место в мире. Постоянное обсуждение этого вопроса в философии приводит к тому, что даже философы, сознательно избегающие построения онтологических систем, тем не менее развивали смысловой подход в онтологии. Так Ф.Ницше в своем учении о сверхчеловеке исходил из определенной онтологии.

Смысловой подход к онтологии характерен для мышления рационально ориентированного, независимо от формы, в которой эта рациональность выступает. Религиозные, художественные, политические или прагматически ориентированные формы сознания могут поставить и ставили вопрос о несогласованности основных постулатов господствующего в данный исторический момент мировоззрения.

Логический подход к онтологии

Одним из первых логических принципов построения онтологии является аристотелевский закон, запрещающий противоречия в рассуждении. Если обратиться к одному из самых эмпирических и исторических трактатов Стагирита, к его «Политике», то в разделах, посвященных теоретическим проблемам, мы обнаружим положения, строящиеся на основании данного логического закона. «Государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; *в противном случае следовало бы допустить* (выделено нами) также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности

не бывает, так как ни те, ни другие не составляют общества, стремящегося к благоденствию всех и строящего жизнь по своему предначертанию»¹¹³. При выборе признака, образующего государство, Аристотель обращается в качестве носителей этого признака к слою свободных людей, т.е. логически ограничивая рамки своего анализа.

Большинство философов в настоящее время считают, что если онтология в каком-либо виде существует, то для ее изложения наиболее адекватен язык современной логики. Действительно, после работ В.Г.Ф.Гегеля, К.Маркса, Л.Витгенштейна и логической семантики XX века сложно отрицать логическую составляющую онтологии. И все же следует ограничить притязания на абсолютный приоритет логики в разработке онтологической проблематики.

Во-первых, логика по преимуществу техническая дисциплина. Ее статус для современной философии соответствует значению математики для современного естествознания. Но как в естествознании применимость математических методов не исчерпывает содержательного развития собственно естественнонаучных знаний, так и в философии применение логики лишь помогает развернуть строгие следствия из принятой онтологии. Хотя, конечно, логическое развертывание онтологического содержания отнюдь не тривиальная задача.

Во-вторых, однозначного ответа — какая именно логика (диалектическая, математическая или, например, диалогика) является основой для построения онтологии, на сегодняшний день не существует.

Несмотря на эти возражения, мы считаем, что без соединения онтологических и логических исследований любая попытка построения учения о бытии носит заведомо маргинальный характер. Ведь сколь понятными нам ни казались бы рассуждения какого-либо автора о бытии или о сущем ему придется доказывать значимость своих построений перед другим человеком. Наука о доказательстве в данный момент одна — логика. Как и любая другая наука она имеет массу внутренних проблем, но в силу этого не следует

отказываться от того единственного средства — логического доказательства, которым мы располагаем. Итак, онтологические открытия могут совершаться вне логики, но не могут быть вне логики обоснованы. Более того, нам кажется, что именно в результате онтологических исследований возникает ситуация, требующая соответствующей перестройки логического аппарата философии, так как именно онтология является для логики теорией фундаментального порядка, т.е. теоретической схемой, в соответствии с изменением которой изменяется технический инструментарий философии. Именно поэтому онтологические построения, не приведшие к изменению логического инструментария, представляются нам изначально неполными.

В силу известной специфики современного логического аппарата (его серьезной математизации) логический подход к онтологии является уделом преимущественно профессиональных философов, да и то лишь небольшой их части. С другой стороны, результаты их труда доступны той части научного сообщества, которая в наибольшей степени осознает необходимость собственно онтологических исследований.

Онтология и наука

Выделенные нами три подхода к онтологии (технологический, смысловой и логический) могут существовать в чистом виде, но могут и переплетаться в рамках одной философии. В первом случае мы имеем дело со «слабой» онтологической программой, во втором — с «сильной». С нашей точки зрения, философия, претендующая на построение онтологии, должна стремиться к выполнению сильной программы. Основные онтологические исследования в XX в. развивались по пути формирования и развития «слабой программы». Это характерно и для онтологических исследований в области современной науки. Можно объяснить этот факт рядом причин.

Первое. Современная наука все более активно использует технологический образец самооценки работы ученого. Современный ученый по необходимости становится технологом, предлагающим варианты или сценарии возможных подходов к решению поставленных перед ними задач. Решение об использовании того или иного сценария выбирают политики или коммерсанты, т.е. люди, берущие на себя ответственность за возможные результаты действия. Таковы правила игры. С одной стороны, игра по этим правилам освобождает ученого от моральной ответственности за конкретный выбор технологии предлагаемых им решений. С другой стороны, полностью перекладывает на него моральную ответственность, за выбор партнеров в данной игре. При данной логике теряют смысл все аргументы о возможной полезности для будущего человечества открытий, сделанных конкретным ученым, так как ученый несет ответственность не за открытия, а за людей, которым он эти открытия доверил. С ученого снимается ответственность за разработку смыслового подхода к онтологии, а необходимость мировоззренческой оценки своих действий переводится в сферу моральной ответственности конкретного ученого.

Второе. Профессиональная деятельность современного ученого сильно дифференцирована. Узкая специализация, минусам которой посвящена обширная литература, имеет еще один аспект — ученый не обязан делать обобщений, выходящих за рамки его узкой профессиональной деятельности, оставляя объединение оснований синтеза знаний непрофессиональному уровню обыденного сознания. Тем самым смысловой подход, предполагающий критические научные процедуры, заменяется некритическим восприятием социальных традиций. Принятие ученым смыслового подхода становится процедурным, т.е. касается лишь оснований, в рамках которых выбранная им идеология оказывается действенной. На наш взгляд, осознание ученым неполноты оснований смыслового подхода к онтологии влечет за собой

отрицательную оценку им всякой идеологии как антинаучной, что неверно, так как идеология представлена и в самом научном знании.

Третье. Логический подход к онтологии, несомненно, с точки зрения философии является наиболее продуктивным и обоснованным. У него лишь один существенный недостаток — он понятен лишь узкому кругу специалистов. Большинство же людей он воспринимается в рамках смыслового подхода, как та или иная идеология. Невозможность для обыденного сознания без специальной подготовки понять особенности логического подхода к онтологии приводит к распространению антисциентизма, который может быть снят лишь специальной интерпретацией роли логики в смысловом подходе к онтологии.

Онтология и историческая наука

На первый взгляд проблемы онтологии никакого отношения к современной исторической науке не имеют. Разве что в специальном разделе историографии упоминаются принципиальные различия картин мира античного и средневекового историка, которые не могли не отразиться на изложении ими своего материала. Однако и античная картина мира, находящая отражение в подчеркнутой героизации исторического процесса, и христианская эсхатология, усматривающая в отдельных исторических событиях промысел Божий, относятся к современной исторической науке так же, как алхимия к современной химии. Другое дело методологические и гносеологические проблемы истории. Литература, посвященная этим разделам исторического знания, множится с невероятной скоростью. Но если дело обстоит так, то не является ли онтологическая проблематика надуманной?

Для того, чтобы показать обратное, сформулируем три критерия онтологической проблематики: полнота описания, согласованность основных постулатов, логическая выводим-

мость всех следствий из первоначальных формул. Эти критерии соответствуют стандартному набору требований для теории: замкнутость, полнота и непротиворечивость.

Нужно ли говорить, что практически ни одна наука в полной мере этим требованиям не соответствует? Можно сказать, что это — идеал, и не беда, что в действительности он не реализуется. В своей научной деятельности историк руководствуется именно идеалами научного знания и эти идеалы такие же, как и у любого другого ученого. Пытаясь создать связную картину событий прошлого, историк исходит из того, 1) что все события должны объясняться друг через друга, т.е. быть взаимосвязанными друг с другом (соответствовать требованию согласованности); 2) что логическое объяснение исторического процесса должно дать объяснение всей совокупности произошедших событий (требование полноты); 3) между рассматриваемыми историком отдельными событиями должна быть установлена однозначная логическая взаимосвязь, т.е. невозможно, чтобы одно и то же событие в одном и том же контексте и смысле объяснялось бы двумя противоречащими и невязанными событиями, или одно событие должно логически следовать из другого непротиворечивым способом (введенное нами требование выводимости не противоречит требованию непротиворечивости, это скорее другая формулировка закона логики).

Эти стандартные требования к научной теории имплицитно соответствуют современной рационально понимаемой научной картине мира. Таким образом, каждое из выдвинутых требований содержит в себе определенный аспект, объясняющий «композицию» этой «картины».

Исполнение требования полноты гарантирует, что представлены все компоненты бытия, что мы ничего не упустили, что мы имеем дело именно с исчерпывающим рассмотрением того, что существует. Онтологический смысл данного регулятива — в попытке дать остенсивное определение бытию, ответить на вопрос «что такое бытие?», показывая, из чего оно состоит.

Логическая выводимость связана с поиском причины, причем причины, соответствующей требованию единственности. И наконец, требование согласованности основных постулатов имплицитно содержит в себе ответ на вопрос «Зачем?».

Теперь попробуем показать, в каких случаях историческая наука сталкивается с онтологическими проблемами. Очевидно, что история всегда имеет дело с конкретной задачей, локализованной во времени и пространстве, будь то переход Цезаря через Рубикон или Великая французская революция, но, каждый раз решая конкретную проблему, историку необходимо прибегать к объяснению данного исторического события. В качестве таковых могут рассматриваться как психологические портреты основных действующих лиц Франции конца XVIII — начала XIX века (в рамках психологического подхода), так и усиление классовой борьбы в Риме I века до н.э. (социологический подход). Историк может соединить оба подхода при решении своей задачи. При этом за кадром всегда остается один вопрос: на каких основаниях он это делает? То есть являются ли выбранные им объяснительные схемы исторического события необходимыми и достаточными для исчерпывающего описания решаемой им проблемы. Объяснительная схема всегда должна включать характеристику какого-либо объекта истории. Кто переходил Рубикон: наместник провинции, претендующий на консульство Гай Юлий Цезарь или император Цезарь; кто совершил революцию в конце XVIII в. во Франции — третье сословие или французский народ; кто бился на фронтах гражданской войны в России — «белые» и «красные», или цвет российской интеллигенции и передовой отряд всемирного пролетариата? Кто есть кто в истории — вот вопрос ее онтологии.

Онтология истории — технологический подход

В качестве примера подобного подхода приведем небольшую статью Э.Ладюри «Застывшая история». Автор пытается найти ответ на вопрос: почему «за целых четыре

столетия с 1300—1340 по 1700—1720 прирост населения (Франции) составил всего два миллиона»¹¹⁴. Прежде чем приступить к рассмотрению своего «квазидлинного объекта», Э.Ладюри подробно останавливается на теориях и моделях, которые по его мнению неприменимы для исследования интересующей его проблемы. К ним он относит лингвистику, марксистскую теорию классовой борьбы, функциональный, структуралистский анализ и психоанализ З.Фрейда. Он активно использует демографические данные, эконометрику и «биологические модели, предложенные Виком Эдвардсом»¹¹⁵. Для объяснения стабильности экодемографической модели Франции XIV—XVIII веков решающими оказываются микробная унификация мира, периодически приводившая к эпидемиям и пандемиям, войны и сопутствующие им страдания, включая нищету и голод, и, наконец, монархическое государство и армия, фактически пожиравшие экодемографическую среду. Именно на фоне этих причин, регулирующих численность населения Франции «великими силами жизни и смерти», получают объяснение такие факторы, как соотношение городского и сельского населения¹¹⁶, институт позднего брака¹¹⁷, роль денег в формировании длинных волн в экономике¹¹⁸, технологические нововведения в сельском хозяйстве¹¹⁹ и парадоксы модернизации феодальной монархической политики в направлении капитализма¹²⁰.

Для нас важно, что в этой небольшой по объему работе автор подробно и осознанно проводит выбор методов и теорий, используемых им для решения поставленной задачи. На первый взгляд, перед нами решение чисто методологической проблемы. Но так ли это? Ведь все указанные выше теории, от которых Э.Ладюри вынужден отказаться, отвергаются не в силу их непригодности вообще, а исключительно в силу особенностей объекта изучения — застывшего общества. Главные демографические и экологические, как и «социологические параметры в этом обществе с течением времени подвергались колебаниям, но не изменялись к лучшему. Чем

дольше существовала система, тем яснее становилась ее неизменность»¹²¹. Именно в силу особого характера объекта политические решения не оказывали на систему никакого воздействия. «В подобном ультрадлинном контексте система становится воплощением судьбы. Попытки изменить ее не оказывают на нее ни малейшего воздействия»¹²².

Итак, зафиксируем четко выраженную зависимость методологического подхода от анализа особенностей объекта исследований, т.е. от онтологического анализа. Обратимся к другой работе, в которой авторы, рассматривая ту же самую проблему, делают тем не менее иные выводы¹²³.

Рассматривая два графика, отражающие приблизительный рост населения во Франции и Нидерландах, мы увидим, что население Франции с 1300 года по 1700 увеличилось с 16 миллионов до 22 миллионов, а население Нидерландов за тот же период с 0.6 миллиона до 2 миллионов¹²⁴.

При этом нас не должен смущать тот факт, что население в Нидерландах было меньшим, плотность его была сопоставима с Францией и даже выше. (Во Франции 27 человек на кв. км в 1500 г. и 44 чел. на кв. км в 1750 г., а в Нидерландах 30 чел. на кв. км в 1500 г. и 67 чел. на кв. км. в 1750 г.)¹²⁵. Опять же, если мы обратимся не к абсолютным цифрам, о которых можно спорить, а к отношениям, то увидим, что с 1300 по 1700 гг. население Франции увеличилось максимум на 30%, а Нидерландов — в 2,5 раза. Эта последняя цифра и ставит перед историками особый вопрос. Так если для объяснения динамики народонаселения Франции авторы учебного пособия в основном согласны с Э.Ладюри, выделяя на примере графиков Руана такие причины, как эпидемии, голод и войну¹²⁶, то при объяснении тех же изменений в Нидерландах приходится вводить дополнительные параметры. Это — урбанизация, при которой более 50% населения живет в расположенных недалеко друг от друга городах, связанных с деревнями большим количеством дорог, эмиграция, в т.ч. из других стран, и налаженный социальный контроль.

Учитывая данные параметры, авторы приходят к следующему выводу: «Можно провести водораздел между Северо-западной Европой, т.е. Англией и Республикой Соединенных провинций (западной ее частью), с одной стороны, и обоими континентальными державами, Францией и Германией, с другой. Особенно явственно видны эти различия в картине смертности. Как Франция, так и Германия относительно часто становится жертвой эпидемии, кризисов существования, причина которых заключается прежде всего в низком уровне и плохой организации производства продуктов питания. В Англии и Голландии уровень смертности по этим причинам был ниже благодаря более хорошей организации сельскохозяйственного производства и снабжения. Как представляется, на континенте более значимой была и роль третьего вида кризисов смертности, а именно вызванных войной»¹²⁷.

Итак, в одном случае «попытки изменить систему не оказывали на нее ни малейшего воздействия», в другом — причиной названа «хорошая организация сельскохозяйственного производства и снабжения», то есть как раз сознательное изменение системы. Как видите, выводы прямо противоположные, хотя мы рассматриваем одну и ту же проблему в одно и то же время, правда, в разных странах, т.е. разных инфраструктурах жизнедеятельности, одни из которых оказываются пригодными для организующих способностей разума, а другие — нет. Тем самым остается признать, что способ применения человеком своих рациональных способностей зависит от характеристики объекта истории. Так если рассматривать соотношение роста цен на зерно с графиком, отображающим количество зачатий, на примере г.Руана, видно, что как только цены начинали расти, число зачатий резко снижалось. После того, как цены на зерно снижались, число зачатий возрастало до уровня, который «был выше, чем перед кризисом существования: наблюдался своего рода эффект восполнения»¹²⁸.

Итак, мы должны допустить, что исторический человек — существо рациональное, но эффективность его рациональности имеет границы, обусловленные границами исторического объекта, или, иначе, человек всегда поступает рационально, но эффективность его действий зависит от организации объекта, к которому человек применяет свои рациональные способности и частью которого он является.

Собственно говоря, в этом и заключается проблема исторической науки: «Я» — рационален, «Другой» — тоже рационален, но, возможно, по-другому. Сравнивая «Я» и «Другого» в историческом контексте, мне важно понять особенности и границы другой рациональности, иногда для того, чтобы лучше понять особенности своей рациональности, чаще, чтобы оправдать ее ограниченность. Эта проблема выступает в историческом знании в форме соотношения «объективного» и «субъективного», «закономерного» и «случайного». В истории всегда действует человек. В силу этого история субъективна и случайна, но действует человек более или менее объективно и закономерно, и только в силу этого мы можем его понять как существо деятельное. Поэтому историк вынужден достраивать ту или иную субъективную и случайную историю до уровня объективной и закономерной исторической науки. В ходе этого «достраивания» возникают специфические онтологические проблемы.

Ведь для того, чтобы быть рациональным, человек прошлого должен быть понимаем людьми прошлого. Они должны мыслить так же как и он, т.е. относить себя к тому же историческому объекту, что и интересующий нас «человек», идентифицировать себя с ним на основании одних процедур мышления. Неужели «они — тогдашние» и «мы — нынешние» настолько разные, что не можем понять друг друга. Или наше соотнесение себя с той или иной группой чисто эмоционально (например, они чужие — «враги», а мы вынуждены защищать свою жизнь в условиях войны) и не иметь ничего общего с процедурой рационального выбора.

Действительно, фактор рождения человека в той или иной семье, социуме не зависит от человека, но в зрелом возрасте человек осознанно и рационально начинает делать свой выбор. Но, может, эта осознанность зависит от сильных эмоциональных чувств: страха, любви, соперничества? Может быть, подобная эмоциональная локальность и есть основа «рационального» выбора? Рационального — т.к. человек выбирает существование со всеми его атрибутами как альтернативу несуществованию? По крайней мере, мы можем констатировать если не исключительную рациональность выбора, то саму ситуацию выбора как собственно присущее человеческому существованию событие, или онтологически обусловленную специфику истории. Для описания этой ситуации необходимо объяснить «что» является условиями выбора.

Специфической особенностью научного представления об истинности полученных знаний является их полнота. Из анализируемой действительности должны вычлениваться именно те логические (эмпирические или теоретические) конструкты, которые позволяют исчерпывающе законосообразно описать интересующее нас явление. Выбор объекта исторической науки должен соответствовать технологическим задачам создания законосообразного знания. Наши представления о структуре, действиях, механизмах и процессах исторических субъектов зависят от тех закономерностей, которые мы собираемся выявлять в исторической действительности. На наш взгляд, различие естествознания и исторической науки с методологической точки зрения находится именно в этом пункте. Естествоиспытатель, вычленивая существенные стороны идеализированного объекта своего исследования как в эмпирическом, так и в теоретическом знании, исходит из того, что продукт данной идеализации можно абстрагировать от других сторон действительности, представить его в чистом виде и, уже после этой операции, возможно, проследить количественные параметры и построить математические формулы. Историк делает все то же самое, но с точки зрения формулировки законосообразной

связи событий в факты. Иными словами, историк имеет сначала представление о законе истории и уже потом, с высоты знания этой закономерности, он начинает работать с источниками, выбирая из них то, что согласуется с его пониманием закономерности.

Может ли при этом историк работать аналогично естествоиспытателю? Вне всякого сомнения — если идеальный объект его исследования построен на основании признаков, имеющих четко фиксированные (количественно) и неизменные свойства. Статистические исследования в исторической демографии и исторической экономике тому пример. В этом суть позитивистской парадигмы в исторической науке¹²⁹.

Эти количественные исследования исключительно важны для исторической науки. Именно они позволяют установить объективные границы возможностей рационального действия индивида той или иной эпохи, того или иного региона. Так факт отсутствия достаточного количества молока домашних животных в доколумбовой Америке, которое существенно сдерживало рост народонаселения индейцев, или анализ производительности рисовых ферм южного Китая, осуществленный Ф.Броделем, позволяют фиксировать возможные границы тех или иных процессов. Однако эти факты ничего не могут нам сказать об эффективности действий субъектов истории и их взаимодействий.

Итак, в качестве объективного исторического события мы выделили сознательно организованную человеком равномерно повторяющуюся деятельность;

в качестве основного свойства таким образом понятого исторического события мы признаем рациональность человека прошлого;

на историческом материале мы показали, что результат применения человеком его рациональных способностей зависит от характеристик объектов истории;

мы признали, что, исследуя историю «как она была на самом деле» историк сознательно реконструирует, рационализировывает историческую действительность, делает ее объективной, т.е. понятной не только ему, но и нам.

Поэтому историк стремится объяснить события с точки зрения рациональности поступков индивида в той или иной ситуации, так как ситуацию мы в состоянии описать более или менее позитивно. Законосообразность рациональности даже в нашей собственной жизни мы скорее ощущаем как проблему, чем готовый ответ. Тем не менее мы признаем, что существуют отдельные логические операции, лежащие в основе любой человеческой рациональности, так операция разделения понятий лежит в основе любой классификации. И именно эта операция лежит в основании технического подхода к онтологии.

Как известно, разделение понятий может быть осуществлено по двум основаниям: 1) по наличию или отсутствию какого-либо признака (дихотомическое) и 2) в соответствии с отношением частей и целого (мереологическое). При классификации могут быть использованы оба вида деления. Принципиальным является лишь то, что каждый из шагов классификации должен быть проведен строго по одному основанию. Историки широко используют более строгие дихотомические деления. На какие же онтологические характеристики предмета исторической науки указывает нам эта логическая операция, точнее говоря, выбор между двумя формами разделения понятий: дихотомическим и мереологическим.

При операциях с понятиями приходится учитывать, что понятие ограничивается континуумом, другим понятием. Само по себе наличие или отсутствие какого-либо признака безусловно важный показатель, но ведь в реальности мы сравниваем не только признаки, но объекты по наличию или отсутствию признаков. Поэтому операция сравнения для выделения признака всегда бинарна. Это операция на континууме — наличие или отсутствие признака, и операция на сравнении объектов — присутствует или отсутствует определенный признак. В том или ином виде это присуще и определению понятия через род и видовое отличие. При этом с технической точки зрения решающим является объем поня-

тия. Континуум выступает как верхняя граница понятия. Выделение другого понятия оказывается также операцией на континууме. По существу это еще одна операция с континуальным объемом. Итак, при любой конкретной бинарной операции между понятиями мы, строго говоря, должны проводить две логических континуальных операции по определению объемов каждого из понятий. Определяя человека как разумное животное, мы должны не только провести операцию по выделению из континуума объема понятия «животные», но, независимо от этой операции, выделить из того же континуума объем понятия «разумный». Причем последняя операция должна быть независимой от первой. Если до недавнего времени считалось, что определение континуума «разумность» ограничивается живыми существами, то с развитием искусственных интеллектуальных систем данное предположение уже не является настолько безусловным. История XX в. нам показала и то, насколько размыта граница между разумным и неразумным поведением людей, превращающихся в массу.

Итак, любые операции деления понятий состоят из 2 в степени n логических операций, где «n» — число понятий, участвующих в операции. Поэтому решение любого конкретного исторического вопроса, обращающегося к логике построения классификации на основе дихотомического деления понятий, оказывается крайне сложным.

Возьмем в качестве примера политику первого Римского триумvirата. Прежде всего необходимо выявить и проанализировать политические интересы Цезаря; затем — политические интересы Красса; потом — политические интересы Помпея; кроме того — совпадение политических интересов Цезаря и Красса; Цезаря и Помпея; Красса и Помпея и т.д. Затем — найти механизм достижения компромисса и решить, за счет какого компромисса смогли договориться Цезарь и Красс и т.д. и т.п. А теперь представим себе, что за каждым участником триумvirата стояла политическая партия или определенный слой людей римского общества,

который также имел свою историю. В этом предположении нет ничего необычного, но уже одно это допущение удваивает систему понятий, необходимых для описания политики первого триумvirата. Введение же экономического, военного, культурного аспекта в исследуемый нами объект делает нашу задачу практически необозримой. Тем не менее, поскольку историк мыслит, он мыслит, употребляя понятия и проводя над ними соответствующие операции.

Беря в качестве основной операции дихотомийную систему деления понятий, исследователь по существу исключает из своего рассмотрения временную проблематику. Он вынужден вводить в рассуждение континуум, тем самым выводя следствие деления за рамки временности. Говоря по-другому, человек безусловно всегда стоит перед выбором, и это — выбор не только из того, что есть, наличествует, но часто и выбор самого существования. Быть или не быть, становиться или не становиться — приходится ли человеку решать подобные проблемы? Безусловно, да. Это так называемые экзистенциальные вопросы, которые ставит перед человеком его жизнь, часто независимо от его общественного существования. Но нужно ли считать, что это и есть сама жизнь? Нет. Часто выбор в кардинальных, жизненно важных вопросах зависит от какой-то мелочи, привычки, встроенности в повседневную структуру бытия, ощущения целостности. И здесь мы напрямую подходим к другому типу деления понятий.

Проанализируем другой тип разделения понятий — мерологический. Проблема целого — это вопрос об объекте в онтологии. Как только мы задумываемся над ней, мы сразу сталкиваемся с антиномиями части и целого.

Целое есть сумма частей. Целое — больше суммы частей;

Части предшествуют целому. Целое предшествует частям.

Целое причинно обусловлено частями. Целостный подход противоположен причинному и исключает его.

Целое познается через знание частей. Части как продукт расчленения целого могут познаваться лишь на основе знания о целом¹³⁰.

Основные характеристики существования объекта: количественные отношения, временные отношения, причины, отношение с объектом зависят от того или иного решения этих антиномий.

При этом первая антиномия должна быть представлена в определенной логической редакции. Целое не есть сумма, даже если речь идет о частях. Именно на это указывает запрет при операции разделения объема понятий смешивать таксономические и мереологические признаки. Когда говорится о целом, имеется в виду органическая целостность, своеобразное единство бытия. Тем самым антиномия целостности возникает не при рассмотрении конкретных предметов, а при рассмотрении бытия. Лишь в том случае, если вопрос о целом оказывается вопросом о бытии, первая антиномия становится осмысленной.

Но является ли человеческое бытие органикой? В каких-то моментах, безусловно, да. Человек стремится создать свою собственную жизнь как органическую целостность. Семья, друзья, работа, быт — все это моменты социальной органики человеческого существования, где важнейшую роль приобретает функционирование человека как элемента целого. Функциональность снимает с человека ответственность за экзистенцию, существование, но она со всей остротой ставит перед ним ответственность долженствования. Эта ответственность не за принципиальное решение вообще, а за данное действие в конкретное время и в конкретном месте.

Поэтому вопрос о возможности нашего мышления схватывать целое представляется нам онтологическим, но тем самым неявно вводится проблема времени. В статической теории времени острота проблемы снимается тем, что вся действительность дана нам только «здесь и сейчас» и, следовательно, она не применима при объяснении целого, так как целое существует не со временем, а во времени. Собственно говоря, целое и есть, во-первых, локализация во времени процедуры ответа или момента обратной связи обмена веществом, энергией или информацией в системе, во-вторых,

период существования данной структуры обратной связи в неизменном виде. Обозначая целое как данность, мы имеем дело с двумя циклами — циклом существования и циклом осуществления. В первом случае целое противопоставляется части, во втором — монолитному «простому».

По существу оба вида деления понятий соответствуют структуре выбора, который ставит перед человеком история. Экзистенциальный выбор, осуществление человеческого в человеке и функциональный выбор его повседневного существования. Первое значительно реже второго. Второе по существу и не выбор, однажды сделанный, он становится повседневностью, естеством человеческого существования, социальной природой человека. Поэтому, стараясь оставаться ученым, историк вынужден конструировать предмет истории как «органическое целое». Таков, например, смысл понятия «формация» у К.Маркса. Это идеальный объект исторической науки, при помощи которого исследуют историю человечества как единого органически развивающегося целого. Но стало ли человечество такой развивающейся целостностью? Наверное, нет. Однако любой историк, начиная исследование своего предмета, должен представить его как целостное образование.

Онтология истории — логический подход

Логическая выводимость в исторической науке — вопрос крайне сложный. Речь идет о понимании определенной логики исторического процесса. В зависимости от того, что историк считает решающим и определяющим для всего процесса — политику, культуру, экономику, право, военное искусство; или классовые противоречия, строится та или иная система аргументации, доказывающая необходимость или закономерность произошедших исторических событий. Чаще всего это происходит в том случае, если историк ставит перед собой задачу описать некоторые исторические события как целостное явление, например историю России

какого-либо периода. Современный историк находит выход из положения в естественном процессе дифференциации исторических дисциплин. При подобном подходе и историк права, и историк культуры могут создавать свои независимые друг от друга «истории», ссылаясь на всеобщий процесс дифференциации наук.

Действительность или реальность истории может представляться историком в виде определенной целостности и тогда при ответе на вопрос «Что есть предмет истории?» мы получаем разные ответы: социально-экономические формации К.Маркса, миры экономики Ф.Броделя или протогосударство. Это — идеальные объекты, сконструированные исторической наукой. Историк может оставаться и «номиналистом» и исследовать только единичные объекты, т.е. изучать конкретную историю государства, народа, правосудия «как она была на самом деле». В этом случае он исходит из существования фактов, свидетельствующих об историческом событии. Итак первое, а иногда и единственное, что мы знаем об истории, что историческое событие «х» произошло во время t . При ближайшем рассмотрении оказывается, что событие «х» состоит из событий «х»₁, «х»₂, «х»₃,... «х»_n и произошли они за промежуток времени Δt . Это может быть битва, революция, открытие, создание произведения, даже рождение ребенка на свет или какой-либо природный катаклизм. Любое историческое событие — это сложная цепь событий, связанных между собой причинной связью.

При этом мы считаем, что причинная связь $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$ превосходит все остальные причинные связи $y_1, y_2, y_3, \dots, y_n$; $c_1, c_2, \dots, c_n$, многообразие которых влияет на любой исторический объект в каждое историческое время. Данные связи учитываются нами как условия, в которых происходило событие «х», но в самом событии мы выделяем отдельную смену последовательности состояний $x_1, x_2, \dots, x_n$. В конечном счете она определяет, что событие «х» — произошло. Само событие предстает перед нами как конкретное историческое целое и называется нами соответствующим именем.

Далее мы начинаем искать причину данного исторического события и сталкиваемся с тем, что нахождение единственной причины само является проблемой исторической науки.

Проще всего объявить данное событие более или менее случайным, тем более, что статистическая выборка может показать нам его вероятностную обусловленность. Правда, мы приходим к тем антиномиям, которые описаны в первой главе.

Можно идти и более сложным путем и попытаться встроить событие «х» в более глобальную целостность $x_1, x_2, x_3 \dots x_n$ другого исторического мегасобытия. Например, битва встраивается в более широкое событие войны, война — в более широкое событие политики, политика — в более широкое событие экономики и т.д. Правда, для этого нам придется констатировать если не целостность, то хотя бы единственность более широкого события, что, как это ни странно, не всегда соответствует исторической реальности. В одной войне может быть одновременно несколько локальных войн (гражданская война), война может казаться странной с точки зрения современного представления о войне (например, Столетняя война). Вполне возможно, что придется искать причину не одного, а как минимум двух событий x_1 и x_3 , происходящих в одно время. Для этого необходимо найти либо одно событие, являющееся причиной их обоих x_{-1} , либо событие, которое связывает два объясняемых события, например x_2 . Тем самым историк неявно конструирует временные рамки исторической реальности.

По существу, история и есть воссоздание нами взаимосвязи событий друг с другом в единое целое, позволяющее ответить на три вопроса:

1. Какие из ряда малых событий в большом мегасобытии произошли раньше, а какие позже?

2. Какое из малых событий было причиной последующих малых событий, приведших в конечном счете к реализации большого мегасобытия?

3. В чем смысл осуществления большого мегасобытия для последующих больших и малых событий?

Не нужно недооценивать сложность первого вопроса. Ведь исследование исторического события должно учитывать целесообразность действий разумных существ и направленность этих действий на других, таких же социальных и целесообразных существ. Так мы можем знать фиксированную по дням и часам хронику того или иного исторического события, но его смысл зависит от его интерпретации участниками противной стороны. (В отличие от Дж. Коллингвуда мы имеем в виду не мысли отдельного человека, а смысл взаимно обусловленной социальной деятельности). По существу ответ на первый вопрос предполагает знание ответа на второй вопрос, а ответ на второй вопрос — знание ответа на третий. Именно смысловая интерпретация действий «Другого» и задает временные рамки исторической действительности тех или иных событий.

Возьмем такое событие, как американская ядерная бомбардировка Японии в 1945 году. Мы одновременно можем считать ее событием Второй мировой войны, событием послевоенного устройства мирового порядка, событием ядерного противостояния мировых держав во второй половине XX столетия. В первом случае мы имеем дело с военным противостоянием США и Японии во Второй мировой войне, во втором — с противостоянием двух политических режимов — СССР и США, начавшемся после смерти Рузвельта и закончившемся провозглашением СССР политики разрядки международной напряженности, наконец, в третьем случае это история периода событий с началом работ США по созданию ядерного оружия и до 1991 г. Как мы видим, временные рамки одних и тех же событий из-за включения их в различные исторические контексты могут быть разными. Чтобы ответить на вопрос о временных рамках исторических явлений, нам приходится конструировать причинную связь в исторической действительности.

Конечно, введение временного ряда не объясняет нам причинную зависимость, ведь если «нечто ранее того, то оно не обязательно является причиной того». Но при описании

причинной связи причина всегда по времени раньше следствия. Более того, мы считаем это «раньше» основополагающей характеристикой причины. По существу ставится вопрос о связи категорий причинности и темпоральности. Какая из категорий, «причина» или «время», определяет другую? Следуя логике И.Канта и М.Хайдеггера, следует отдать предпочтение «времени».

Однако для историка первична категория «причинности». Он вынужден искать конкретную причинную зависимость, чтобы ответить на вопрос о единстве и единственности интересующего нас события. Ф.Бродель вводит четыре понимания времени только после объяснения различий причинной зависимости в изучаемой им исторической реальности¹³¹.

Итак, кажется, что назовите количество причин, а из них просто должно следовать число вводимых историком времен. Однако решение задачи поиска причины конкретного исторического события оказывается не такой простой. Можно допустить, что в истории человеческих действий существуют стохастические события, это означает, что причина в исторической науке не может быть рассмотрена в отрыве от объекта, который является субъектом причинения.

Итак, у нас есть знания о каком-либо историческом событии, но сказать, что произошло, мы можем только в случае, если включим это событие в объяснительную схему. И первое, что мы должны сделать — это привязать данное событие к объекту. И все это только для того, чтобы снова столкнуться с полным набором многообразия.

1. У любого объекта много признаков.
2. Любой исторический объект историчен, т.е. временные рамки его существования в состоянии «х» ограничены.
3. Любой исторический объект является объектом многих историй, и, следовательно, на него оказывают влияние много причин.
4. Любой исторический объект включен в исторические целостности и получает свою характеристику отчасти от отношений в этих целостностях.

Попробуем ответить последовательно на поставленные проблемы.

Проблема единства многообразия в истории

История, как она была «на самом деле», единственна, в том плане, что повторение ее в будущем невозможно, она вся в прошлом, вся уже совершилась. Одновременно с этим в ней существует много частных, конкретных «историй», поэтому история многообразна и разнообразна. Под многообразием мы понимаем наличие у каждого объекта действительности своей истории. Под разнообразием — что не все они в равной степени являются субъектами «единственной истории». Как же соотносится единственность и множественность истории?

Если мы сразу признаем данный исторический объект или события, произошедшие с ним, уникальными, то никаких исторических выводов в отношении него мы сделать не сможем. Но ведь чуть выше мы писали, что история, в том виде как она была, единственна, разве отсюда не следует такая ее характеристика, как уникальность?

Для этого нам необходимо сконструировать объект этой единственной истории и понять его характеристики. Можно предположить, что это «человечество». Легче всего сказать, что данного объекта не существует. Уже на первых этапах исследования мы сталкиваемся с временными рамками определения признака «человечности». Мы констатируем, что человек приобретает признаки приобщения себя к роду человеческому, а следовательно, может терять их. Тем не менее для того, чтобы найти этот признак, мы должны выбрать или сконструировать единичного представителя человеческой особи с описанием его основных функций. При этом очевидно, что большинство человеческих функций, необходимых для его существования (производство, размножение, безопасность и т.п.) требует наличия и взаимодействия как минимум нескольких особей, т.е. человек существо принци-

пиально социальное, вне социума не существующее. Человек может быть как особь представлен «здесь и сейчас» как отдельно взятый индивид, но не может в качестве отдельно взятого индивида существовать в этом мире. Поэтому мы должны ввести в определение человечества формы существования человека: *faber*, *politikos*, *sapiens*. Данность человека как отдельного человеческого существа зависит от форм его взаимосвязи с «другими»: *faber* — с отличным от него внешним миром, *politikos* — с противостоящим ему человеческим сообществом, *sapiens* — любыми другими единичными человеческими существами.

Однако допустим, что «человечество» актуально существует, в таком случае нам приходится также констатировать, что истории этого объекта пока нет. Мы имеем дело с историей стран, государств, племен, каких-либо действий, но не существует даже истории человеческих рас или общественных классов. Иными словами, нет истории тех общностей, которые даны человеку как данность, превосходящая возможности его действия. Целый ряд объективных характеристик человечества, например раса или производительные силы, превосходят возможности воздействия на них человека. Правда, такие формы воздействия могут появиться в будущем развитии человечества. Так с развитием науки или политической жизни люди могут в будущем преодолеть расовые различия или изменить условия своего социального существования, найти новые формы существования человека и стать человечеством.

Науки о духе (а именно их мы называем гуманитарными) предполагают целесообразность человеческих действий. Можно ли представить наличие у человечества какой-либо единой цели? Таковую цель достаточно легко придумать, но невозможно осуществить, если она не оказывает непосредственного воздействия на способ индивидуального человеческого существования. Можно предположить, что человечество как объект гуманитарной истории возникнет только тогда, когда единство людей станет единственно

возможной формой существования человеческого индивида. Следовательно, когда мы говорим о единственности и уникальности предмета исторического исследования, речь идет о чем-то другом.

Смысл единственности исследуемого предмета в науке заключается в том, чтобы мог действовать закон тождества, который гласит, что об одном и том же в одном и том же смысле нельзя сказать «А» и «не А». Нарушение данного закона разрушает основание научного поиска истины, ведь о разных предметах, или об одном предмете, но в разных смыслах можно высказывать и противоречащие суждения. Поэтому ученый из многообразия свойств объекта исследования выбирает ограниченный набор фиксированных признаков, которые затем и описывает в виде идеализированной модели. В каком-то смысле историк следует в своих работах данным методологическим правилам, но существует и нечто, отличающее его объект от большинства объектов естествознания. Отличие истории от естествознания заключается в том, что в исторической науке более или менее известна единственная последовательность событий, произошедших когда-то. Собственно, эта последовательность и есть объект, на который направлено внимание историков. Историк должен эту последовательность событий объяснить, т.е. найти взаимосвязь событий друг с другом.

Тем самым для историка задача поиска определенной взаимосвязи известных явлений поставлена изначально, или, говоря иными словами, историк ищет логику взаимосвязи известных большинству событий прошлого. Вопрос об априорности такой логики остается открытым. Поставим сначала вопрос о границах исторического подхода. Для этого найдем нечто, что отличается от истории, противостоит ей. Безусловно, это — «современность». Единственное, что мы можем сказать однозначно, что она не исторична. Она не в прошлом, а вся в настоящем, вся «здесь и сейчас» и невольно возникает вопрос, а возможна ли история «настоящего».

Для этого необходимо решить, о каком «настоящем» идет речь. Возможна ли история «чувств»? Вряд ли. Эмоции человека всегда переживаются им «здесь и сейчас». Мы не в силах сравнивать эмоции между собой, мы можем лишь сравнивать наши эмоции сейчас и память о наших эмоциях в прошлом, но такое сравнение относится к современности и не может составлять предмет исторического исследования, хотя может и фиксироваться в виде мемуаров и автобиографий. Но можем ли мы сказать, что существует нечто, данное нам вне чувственных воспоминаний? Здесь проблема в статусе знаний, полученных нами с помощью чувственных воспоминаний.

Напомним, что обоснование научного исследования связано с intersубъективностью полученных результатов. Если речь идет о сравнениях внутри эмоциональной сферы человеческой жизни, то результаты такого сравнения могут быть рассмотрены позитивно, если они будут подтверждены рядом независимых источников. Определение степени этой независимости является широко распространенной задачей в истории «повседневности», например в историях страховых случаев и болезней.

Для определения независимости необходим «другой» источник, как минимум один. Если же речь идет об эмоциональной сфере, то «другой» в виде источника. Иными словами, некто, не связанный со мною, должен переживать в сходных со мной условиях те же самые чувства. Введение «другого» предполагает два логических следствия: 1) возможную фиксацию сходных переживаний между мною и хотя бы одним независимым «другим» человеком, что подтверждает объективное существование чувств; 2) отсутствие у хотя бы одного «другого» человека определенного переживания, что свидетельствует об их невсеобщности, переводя дискуссию в другую область — область особенностей эмоциональной жизни «других». В обоих случаях должна быть определена в первом случае «независимость» «другого», а во втором случае — его «особенность». Одной фиксации наличия или отсутствия в прошлом каких-либо сходных следов недостаточ-

но. В первом случае возникает парадоксальная ситуация: для определения независимости источников необходимо ввести «другой» источник, независимость которого вновь предстоит обосновывать. Во втором же случае придется исходить из принципиального различия людей.

Таким образом, возникают две задачи: во-первых, показать, при каких условиях люди могут быть принципиально независимыми друг от друга и, во-вторых, принципиально различными. Как это ни странно, но оба предиката предполагают совершенно разные области своего определения. Чем дальше сравниваемые нами индивиды разнесены в пространстве и времени, тем меньшая возможность отрицать их стохастическое сходство. Контролируемое различие можно допустить лишь у людей, связанных одной деятельностью. Лишь зафиксировав общность связей, можно говорить о различиях индивидов. Критерий различия относится скорее к современности, чем к истории или к современному пласту в истории. Иной критерий характерен для определения независимости. В «настоящем» сложно зафиксировать абсолютно независимые позиции индивидов. Общие страны, общие языки, общие культуры и даже общая судьба — удел практически всех живущих в настоящее время людей на земле. Лишь время и смерть прерывает эти связи, создавая онтологические предпосылки прошлого и истории.

Когда же становится возможной история? Возможна ли история вчерашнего дня? Вчера со мной могла приключиться «история», но, по всей видимости, то, что произошло вчера, и позавчера, и даже третьего и десятого дня — все это современность. Правда, в этой современности может закончиться история какой-то семьи, человека, его страхов и ожиданий, но события, характерные для этих историй, начались раньше. Ведь история — это всегда отрезок времени и для того, чтобы стать историей, он должен закончиться.

Современность как бы вводит границу истории, разграничивая то, что уже ушло, стало историей, и то, что актуально и еще может измениться. В то же время известна форму

лировка Гегеля, что граница не только разделяет, но и связывает нечто с иным. Допуская принципиальную множественность любого объекта, мы должны согласиться, что и любой объект исторической науки одновременно историчен и современен. Какие-то его формы находятся целиком в истории, но какие-то функционируют в настоящем и поэтому сам объект современен. Получается, что для того, чтобы ответить на вопрос, что такое история, мы должны сначала рассмотреть вопрос о том, что такое современность. В этом, парадоксальном на первый взгляд, подходе нет ничего необычного. Ключ к пониманию истории лежит в понимании нами современности, хотя бы потому, что кроме современности мы, собственно говоря, ничего и не можем знать.

Сама современность дана нам как последовательность событий, которая возникает на основании чего-то постоянного. Эту последовательность делает современностью то, чего ранее не было, не наблюдалось — новое, освоение нового. На базе чего-то устойчивого возникает нечто изменчивое. Устойчивое — это периодичность в возникновении изменчивого. Рождаются новые люди, поколения сменяют друг друга, изменяется конъюнктура спросов и предложений — все эти процессы можно рассматривать как новые явления. И в этом смысле мы утверждаем, что любой объект и историчен, и современен. Если бы объект истории был целиком историчен, т.е. весь в прошлом — не понятно, как мы могли бы его исследовать. Ведь историческая реконструкция производится на базе определенных устойчивых инвариантов, существующих и в настоящем. Если таких инвариантов не существует, то и реконструкция невозможна. Но если бы этот объект был бы только современен, то не трудно было бы говорить о его особенностях в сравнении с объектом естествознания. Современность — это определенное соотношение устойчивости и изменчивости, инвариантов и преобразований, их со-временность.

Можно предположить, что «постоянное» и «переменное» являются категориальной парой. Но в таком случае понятие «переменное» требует дополнения понятием «посто-

янное», а понятие «постоянное» не нуждается в смысловом дополнении понятием «переменное». Так, говоря о «современности», мы вынуждены дополнять его понятием «историчность». Рассматривая же историю, можно игнорировать «современность». Такая диспропорция, видимо, не случайна. Согласно правилам логического вывода из общеутвердительных и общеотрицательных суждений следуют частноутвердительные и частноотрицательные, но не наоборот. Утверждая или отрицая какие-либо изменения, необходимо указывать, изменениями чего они являются, какого инварианта. Настаивая же на чем-либо устойчивом, мы вынуждены обращаться либо к апофатическому способу мысли, либо к «доказательству от противного».

Рассмотрим два варианта отношений между этими двумя категориями. В первом случае «устойчивое» соотносится с «изменчивым», причем первое оценивается с точки зрения «изменчивого». Во втором «изменчивое» соотносится с «устойчивым», находя свое место в ряду устойчивых процессов.

Парадоксальность первого случая заключается в том, что новое изменчивое может не соотноситься с реально устойчивым, но вынуждено его конструировать в логическом плане. Ведь без наличия хотя бы виртуального образа «старого», «отжившего» никакое «новое», «современное», «продвинутое» невозможно. Получается некая смысловая игра. Мы не знаем «старого» и «устойчивого», но для того, чтобы говорить о себе в настоящем времени как о чем-то современном, вынуждены его придумать как отрицание современного, как противоположное новому. По существу мы создаем «логическое прошлое», нечто устойчивое по закону контрадикторного отношения. Так появилось «мрачное» и «невежественное» Средневековье как альтернатива «свободному» и «просвещенному» Новому времени, «советский тоталитаризм» как антитеза «свободной России» и т.п. Нужно ли говорить, что созданное таким образом «логическое» прошлое отнюдь не гарантирует нам существование адекватного «метафизического» прошлого?

Рассмотрения нового, изменчивого с точки зрения устойчивого также не ординарно. Собственно говоря, устойчивому никакое изменчивое и новое не нужно. Но, имея дело по существу только с изменчивым, мы пытаемся сформулировать общую гипотетическую закономерность, из которой изменчивое следовало бы как следствие. Но так как общую закономерность мы можем построить по ограниченному числу признаков, новое и изменчивое под эти признаки нам приходится «подгонять». И чем абстрактнее этот признак, тем большее число случаев он охватывает. Отсюда как следствие — куцее понятийное содержание общеисторических законов, под объясняющее действие которых можно подвести любой исторический материал, но которые оказываются бесполезными при объяснении единичных конкретных проблем истории «как они были на самом деле».

При своей абсолютизации эти оба подхода заключают в себе логическое противоречие. В первом случае капофатический образ устойчивого прошлого, создаваемый на основании контрарных отношений, несет в себе риск взаимной ложности всяких контрарных связей. Во втором нам приходится моделировать постоянный закон для истории, сознательно опираясь на настоящее, отталкиваясь от настоящего, причем вывод от частного к общему в этом случае логически ошибочен.

Однако есть и еще один логический ход, связанный со статусом исторического знания. Если мы связываем единичный случай не с частноутвердительным, а с общеутвердительным высказыванием, что нам, собственно, и полагается делать в соответствии с предписаниями логики, то всякое исторически произошедшее событие имеет статус факта, выражаемого в частноутвердительных или частноотрицательных высказываниях, в том числе и о других возможных исторических событиях. Поэтому исторический аргумент в спорах нередко используют как логически неопровержимый.

В качестве возможного разрешения данного казуса можно рассматривать не соотношение «событие (изменчивое) — закон (устойчивое)», а существование в любой момент вре-

мени как минимум двух историй. Как изменчивое мы будем рассматривать историю моего «Я», историю, данную мне в образах и в нарративе. В качестве устойчивого — ту историю, объекты которой превышают границы моего «Я», например историю государства, общества, страны и т.п. Новое, или современность, начинается тогда, когда история моего «Я» начинает соответствовать «большой» истории устойчивых объектов, когда действительность «большой» истории позволяет реализоваться «маленьким» историям моего «Я». С этого момента начинается современность и, следовательно, история.

Итак, когда заходит речь об истории, то говорится не об одной истории, а как минимум о трех или об одной, но состоящей из трех: 1) истории как цепи событий, произошедших с кем-то, как то, что вошло в современную историографию как нарратив (назовем эту историю биографией); 2) традиционная история, которая описывает общественно-социальные и государственно-политические процессы большого масштаба; 3) история возникновения нового, когда человек становится субъектом современности и выражает свое отношение к истории.

По существу, когда мы говорим «об истории», мы всегда имеем дело с тем или иным соотношением этих трех историй. Биография требует в качестве логического дополнения «большой истории», но простое соотнесение биографии и традиционной истории недостаточно. Необходимо выделить в биографии ключевые моменты — вехи, а «традиционная история» здесь ничем помочь не может, составляя лишь внешний фон нарратива. Следовательно, необходимо ввести либо в биографию, либо в фон формальную размерность, естественную смену состояний, благодаря которому поток чувств, составляющих основание нарратива, превращается в историю, содержащую коллизию, сюжет и внутреннюю связанность событий биографии. Для этого и используется «история возникновения нового».

Так, рассматривая в качестве традиционной истории историю использования человечеством железа, субъектом такой истории делают технологии, позволяющие достичь

температурных режимов, необходимых для изготовления этого металла. Анализ смены технологических решений данной проблемы (по существу история возникновения нового) является предметом истории науки и техники. В то же время можно в рамках традиционного подхода к истории ограничиться фиксацией каких-то обнаруженных признаков, что и делает археология. Но и в таком случае получается как бы три истории: 1) нарративная история известных событий, 2) фактическая история свойств артефактов, 3) интерпретация их связей (герменевтика). Каждая из них подчиняется своеобразным и автономным закономерностям, а их согласование и наличие слоя интерпретации сближает работу историка с работой романиста.

Наконец, история возникновения «нового»: государства, общественного устройства, социального института, состояния общества — всего того, что может быть нами рассмотрено как определенный результат исторического развития. Любое «новое» предполагает описание «старого» и способов его функционирования, которые чаще всего представляются в образах традиционной истории. Сам же акт перехода чаще всего описывается нарративной историей, как цепь взаимосвязанных и целесообразных событий.

Взаимодействие трех пластов исторического знания можно объяснить в несколько другой терминологии. Историческое знание возникает при необходимости связать между собой цепь известных событий, произошедших в прошлом. Можно считать схемой, лежащей в основании этой связи, целесообразность человеческой деятельности. При этом все произошедшие события будут выступать звеньями сознательно организованной, заранее спрогнозированной и рассчитанной цепи взаимосвязанных действий. Такое понимание истории предполагает существование либо субъекта исторического действия, либо разума, латентно присущего в истории. Поисками такого разума (он по-разному называется — Бог, цивилизация, культура) или субъекта (князь, сословие, класс) историческая наука никогда не гнушалась.

Однако при этом мы не должны забывать начатую еще Ф.Беконем критику идолов человеческого познания, прежде всего антропоморфизма. Хотя история — гуманитарная наука, она все-таки претендует на статус науки и полученные в ней результаты должны обладать интересубъективным статусом, т.е. действия различных исторических субъектов должны быть сведены к определенным функциональным зависимостям, которые можно было бы представить как периодическую смену определенных состояний изучаемого объекта. Главным в такого рода историческом описании было бы постоянство и повсеместность выявленных функциональных зависимостей.

Итак, первоначально заданный вопрос о многообразии признаков любого исторического объекта привел нас к классической постановке проблемы средств исторического синтеза либо на основании субъекта истории, либо по субстанциальному образцу. Существует как минимум два возможных сценария решения данной задачи: 1) историк может исходить из целесообразной и последовательной связи исторических событий и конструировать субъекта исторического действия (либо реального субъекта исторического действия — полководец x , армия y , государство z , либо его идеальную конструкцию — класс x , сословие y , племенной союз z); 2) историк может исходить из естественнонаучной программы и ее профессиональных предпочтений — найти естественную закономерность взаимосвязи исторических событий, не прибегая при этом к понятию «субъекта истории». Из множества признаков историк должен выбрать в объекте то свойство, которое позволяет данным событиям выстраиваться именно в ту последовательность, которая всем известна.

Но при первом и втором решениях историк создает не только непротиворечивую интерпретацию исторических событий, но и логически выводимую последовательность событий так, чтобы событие x_2 по возможности логически вытекало из события x_1 , а вся последовательность событий была логически взаимосвязана.

Для того, чтобы решить эту задачу, надо ответить на один вопрос: а в чем, собственно, специфика того многообразия признаков исторического объекта или последовательности исторических событий, которая заставляет нас искать их взаимосвязь? Ясно, что речь идет не о каждом действии, происходившем в прошлом. Значит, из ряда событий в истории мы выделяем решающие, которые на наш взгляд логически непротиворечиво приводят нас к определенной оценке интересующего нас исторического события «х». Но, приняв подобный подход, мы оказываемся ничем незащищенными перед идеологической интерпретацией истории. Для того, чтобы избежать ее, нужно отказаться от какой-либо оценки события, сосредоточившись до поры до времени на факте его происшествия.

Кроме того, следует предположить, что мы имеем дело с классом подобных событий и данное нам событие х мы рассматриваем лишь как элемент определенного класса. Это даст нам возможность сосредоточиться на научной стороне проблемы и целиком исключить из наших рассуждений остатки субъективизма (пускай даже в виде допущения уникальности исторических событий). Однако, перейдя к классу событий, мы тут же оказываемся перед опасностью потерять специфику именно *этого* исторического события, выходя за рамки конкретной истории «как она была на самом деле» к исторической социологии.

Выходом может быть лишь построение идеализированной модели исторического события как некоего всеобщего эталона. При этом специфика работы историка будет заключаться в том, что событие должно рассматриваться не вне конкретного пространства и времени, а как возникающее в определенное время событие определенного класса. Тем самым мы связываем историческое событие со временем его возникновения и одновременно в самом времени выделяем лишь определенный класс событий — «событий возникновения новых форм субъектности». В определенном смысле именно к таким событиям можно отнести большинство ин-

тересующих нас исторических явлений. Ведь следование шаблонам в истории невозможно, а если и возможно, то такие события не попадают в историю. Субъектность — неотделимое свойство человеческой истории: человек — субъект истории, он им является изначально.

Темпоральные границы истории

Временные рамки, которые вводит историк, также достаточно своеобразны. Перед нами не идеальный образец прибора для измерения меры движения, а отрезок, каким-то образом имеющий начало и более или менее предсказуемый конец. Так, утверждая, что объективная история (ряд событий, как они были на самом деле) является следствием действия субъекта А, историк вынужден конструировать неизменные свойства этого субъекта $A_1, A_2, \dots A_n$. Однако, оставаясь историком, он должен допускать принципиальную историчность любого из этих свойств, в том числе и того, которое позволило данному субъекту стать субъектом истории. Это противоречивая задача чаще всего решается следующим образом: признавая, что все свойства субъекта изменчивы, ученые тем не менее считают время их постоянства различным. Какие-то из свойств кратковременны, а какие-то, наоборот, присутствуют в течении всего существования субъекта. Чтобы понять, с чем он имеет дело, историк вынужден сопоставлять эти свойства, находить соответствие между различными сторонами деятельности субъекта, соотносить между собой различные истории, в которых участвует субъект истории. Собственно говоря, с этого момента и начинается собственно наука история.

Итак, история, с одной стороны, — это наука о том, что уже прошло, что уже произошло с нами, что невозможно изменить. Это наука, не терпящая сослагательных наклонений. С другой стороны, история — то настоящее, которое становится прошлым, та история, в которой мы существуем сейчас, то осмысление настоящего, которое мы достигаем.

В конечном счете история — то в прошлом, что заставляет нас в настоящем принимать конкретные решения, которые будут определять наше будущее. В этой формулировке можно видеть временной инвариант, с помощью которого мы можем рассматривать конкретную историю в любой точке шкалы исторического времени. Таким образом, история как наука о «длительности прошлого» состоит из конкретных историй, имеющих временную размерность (начало, продолжительность, конец).

Уточним особенности темпорального характера объекта истории. Перед нами объект по существу «трех историй» сразу и в нем представлена сложная корреляция как минимум двух описанных выше процессов. Первый из них (назовем его «X») характеризует среду и условия для осуществления второго процесса (называемого «y»). История «y» всегда в какой-то степени согласуется с историей «X». История «X» является сложной производной от суммы историй $y_1, y_2 \dots y_n$. Все события истории «X» в прошлом, именно эту историю можно описать как «она была на самом деле», если представить, что мы имеем «полную хронику», например, истории Римской империи. В истории «y» представлены актуальные моменты истории, — наряду с событием y_n цепь событий $y_{n-1} \dots y_{n+1}$. Все эти события — в прошлом, но для конкретного субъекта история y_n является настоящим. Поэтому будущие события даны ему потенциально, а не актуально. В зависимости от того, к какому процессу в истории в данном случае обращается историк, он должен использовать различные средства логической выводимости: дедукцию, если он имеет дело с историей «X», и индуктивные умозаключения, если рассматривает историю «y».

Работая в рамках истории «X», историк может использовать закон исключенного третьего. По существу в эти моменты историк вменяет историческому персонажу экзистенциальный альтернативный выбор. Только в нем и может действовать закон исключенного третьего. На основании того, что событие «a» в истории не зафиксировано, историк с точ-

ки зрения рациональности может сделать заключение, что это событие и не могло произойти. Однако, работая с историей «у», историк не может использовать этот закон, так как для непосредственных участников событий будущее открыто, они не могут его знать и как рационально действующие люди в своих действиях ориентируются не на создание новых форм субъектности, а на решение ближайших, насущных задач. По существу историк как человек, пытающийся понять рациональность «Другого», постоянно находится в ситуации выбора между рационализацией действий другого человека в рамках истории «Х» или в рамках истории «у».

При реконструкции прошлого историк исходит из того, что в выборе будущего человек использует либо меру прошлого, исходя при этом из знаний истории «Х», либо меру настоящего, того действия истории «у», в котором человек в данный момент находится. Или иными словами, рассматривая прошлое открытым, историк при его реконструкции использует либо форму периодически происходящих и в силу этого устойчивых исторических действий, либо форму «настоящего прошлого» исторического события.

Этот двоякий подход к предмету исторической науки приводит к определенным особенностям установления его размерности. С одной стороны, представления о начале и конце любого исторического события даны нам а priori, а с другой — они могут пониматься либо в логике актуально произошедших событий и действий, либо в логике потенциальных изменений, не позволяющих нам дать однозначный ответ на вопрос о начале и конце какого-либо исторического периода.

Рассмотрим четыре возможных «размерности» исторической реальности.

1. Начало и конец исторической последовательности актуальны в рамках истории «Х». Например, могут четко фиксироваться начало и конец исторической эпохи. По существу это — история событий, где чаще всего событие, знаменующее конец исторической эпохи «А», одновременно

является событием, которое кладет начало следующей исторической эпохи «Б». Или событие конца «А» и начала «Б» отделены промежутком времени (смутного, темного, переходного), не имеющего отношения к сути содержания самих эпох. Такая «размерность» исторических промежутков более всего подходит для нарративной истории, для изложения истории как целесообразно установленного порядка взаимосвязанных действий единственного субъекта истории.

2. Начало и конец исторической последовательности потенциальны в рамках истории «у». Перед нами история, в которой отсутствуют события, т.е. сами события, конечно, могут происходить, но никакого влияния на действительную историческую реальность они не оказывают. Мы можем назвать такой подход к «размерности» исторической реальности мифологическим. Рядом с миром реальных действий человеческих субъектов (мир «а») существует мир богов, мир извечных законов смены жизни и смерти, мир дао, (мир «б»). События в мире «а» есть отражения процессов, происходящих в мире «б». Этот же мифологический прием могут использовать и серьезные историки. «История имеет дело не с «событиями», а с «процессами»... «процессы» — это вещи, которые не начинаются и кончаются, но превращаются друг в друга. Если процесс P_1 превратился в процесс P_2 , то нельзя провести резкую границу между тем, где прекратился процесс P_1 и начинается процесс P_2 , ибо P_1 никогда не прекращался, а продолжался в измененной форме P_2 , а P_2 никогда не начинался, а протекал ранее в форме P_1 . В истории нет начала и нет конца»¹³².

3. Начало исторической последовательности потенциально, завершение актуально. В связи с тем, что «будущее прошлое» истории «у» всегда открыто, мы не можем однозначно утверждать, что в последовательности событий, составляющих начало процесса P_1 , можно выделить отдельное событие, решающее с точки зрения функциональной законосообразности позднейшего течения этого процесса. Мы не можем обнаружить фактов, позволяющих нам однознач-

но констатировать начало какого-либо исторического процесса, но вполне однозначно можем судить о его завершении. Так начало крепостного права на Руси скрыто от нас не только отсутствием соответствующего указа, но и неясностью ответа на вопрос, с какого указа можно отсчитывать начала этого права. Но ведь историки не спорят о дате отмены в России крепостного права. Подобная проблема возникает, когда мы касаемся сложных исторических процессов, существовавших ни один десяток лет и прекративших свое существование за сравнительно короткий период (например, смена династий).

4. Начало исторической последовательности актуально, завершение потенциально. В истории можно выделить процессы, имеющие во времени довольно определенное начало, но в силу открытости «будущего прошлого» очень трудно отыскать однозначное завершение этих процессов. История как бы всегда продолжается. Мы не знаем, какая она будет в будущем, поэтому не можем здесь и сейчас делать заключение об окончательном завершении того или иного процесса. Смысл современности скрыт от современников из-за ее незаконченности. Понять настоящее можно только из будущего. История Рима, Средневековье, Капитализм и Социализм — можем ли мы утверждать, что однозначно знаем закономерности происходивших в истории Рима, средних веков, капитализма процессов? Нет. Мы можем говорить лишь о том, что произошло, но определение завершения этого процесса — задача, выходящая за рамки актуальной действительности.

В истории мы сталкиваемся со всеми этими четырьмя стратегиями. Четыре возможных подхода к «размерности» исторической реальности показывают, что при изучении реальной истории мы имеем дело с разнопорядковыми процессами и необходимо одновременно решать задачу совмещения этих процессов, их взаимной корреляции.

В предыдущей главе было отмечено, что единицей исторического анализа является временной ряд взаимосвязанных событий, который привел к исследуемому событию. Но

историк имеет дело с несколькими временными рядами событий, и свою задачу он видит в том, чтобы соотнести друг с другом события из одного ряда и из различных рядов, определив связи между ними. Многообразие рядов порождает множественность подходов и концепций. Поэтому историк вынужден обратиться к вероятностной оценке правдоподобия своих знаний. В истории возможно все, что не противоречит данной последовательности событий и параллельным временным рядам событий. Отсюда — то внимание, которое историк уделяет определению точных хронографических рамок и количественных параметров исторических событий. Хронология — это своеобразный инструмент историка. Именно точная хронология и временное соответствие событий в различных временных рядах дает историку возможность создать или выбрать наиболее непротиворечивую картину прошлого.

Множественность временных рядов, кроме методологического требования непротиворечивости объяснения исторических событий, влечет за собой и определенную онтологическую сложность. Речь идет о рассмотрении истории через призму «создания новых форм субъектности». Историк принципиально допускает изменчивость и конечность исследуемого временного ряда событий. Будучи средством измерения событийного ряда, историческое время всегда стремится к завершенности, т.е. не только действия, которыми измеряется деятельность исторического субъекта, должны находить свое завершение в деятельности, но и сама деятельность в соответствии с этой логикой должна быть конечна. Не только событие как атомарный факт исторической науки должно иметь конец, но и процессы, выделенные Р.Дж. Коллингвудом, должны переходить на другую стадию существования, т.е. в определенном смысле заканчиваться.

Как это согласовать с представлением о количественной множественности временных рядов и о качественном многообразии разнопорядковых процессов, существующих одновременно в истории? Сделаем следующее предположе-

ние. Представим себе, что одновременно потенциально существует множество возможных «будущих прошедших историй y_n », все они как бы даны в латентном состоянии, оказывая, определенное влияние на состояние «большой истории X ». Затем приходит момент наступления истории « X_n » (назовем его началом новой эпохи), который делает определенные процессы прошлого неактуальными. Их существование в прошлом не оказывает никакого влияния на функционирование настоящего. Поэтому можно сказать, что в истории многие времена имеют тенденцию заканчиваться одновременно.

Логическая обусловленность исторических событий

После конструирования субъекта историк начинает рассматривать объект истории (т.е. известную последовательность событий) как следствие действий субъекта. Решающим здесь оказываются временные рамки, в которых эти и последующие события объясняются непротиворечиво. В отличие от объектов естествознания, где в идеальном объекте могут быть совмещены реально противоречивые предикаты (материальная точка, абсолютно черное тело), хотя при развертывании следствий из теории противоречия абсолютно не допускаются, историк как ученый, стремящийся соответствовать этим требованиям, все же не может исключить из объекта (т.е. из цепи событий) своей науки возможность случайных стечений обстоятельств, стохастического протекания процесса. Поэтому сами по себе противоречивые события как следствия в истории могут допускаться, однако повторение данного «противоречивого» события четко показывает, что мы имеем дело уже с другим субъектом истории, а возможно, и с «другой» историей.

Однако непротиворечивость интерпретации необходимый, но не достаточный элемент любой науки, а том числе и истории. Цель истории, как и любой научной дисциплины, достижение истинного знания прошлого, того «как было на

самом деле». Основное же свойство истины ее единичность. Это означает, что из двух непротиворечивых интерпретаций мы *должны* выбрать одну. Оставив в стороне политические, идеологические, меркантильные интересы, мотивирующие выбор историка, рассмотрим ситуацию выбора в чистом виде — выбора между двумя конкурирующими, непротиворечивыми интерпретациями истории. Именно здесь и возникает проблема логической выводимости исторического знания.

Подытожим сказанное выше.

1. История строится вокруг единства человеческого (рационального и целесообразного) *действия* — именно его организующую силу мы называем историей. Выше мы назвали это субъектностью предмета исторической науки.

2. Историк имеет дело с временными рядами *событий*. Его задача выяснить, что стало причиной конкретных исторических событий.

3. Строя объяснительные схемы причинения событий, историк исходит из многообразия возможных объяснений, что обусловлено незавершенностью полученных «здесь и сейчас» данных.

4. Критерием в данном случае оказывается не логическая полнота, а принципиальная непротиворечивость объяснения исторических фактов.

5. Два и более непротиворечивых объяснения, если они не противоречат фактам, равномошны для объяснения событий. Так завоевательная политика императора «X» может быть одинаково хорошо объяснена его военными талантами, экономическим потенциалом его государства и его матримонильными союзами.

6. Если объяснительные схемы явно не противоречат каким-либо параметрам исторических событий, то они равны.

Таким образом, в исторической науке возникает вопрос, что считать более значимым в объяснительной схеме — организующую силу исторического действия или причину исторического события. В силу того, что за один и тот же временной отрезок происходит множество событий, историк в

своей объяснительной схеме склонен учитывать и связывать эти события друг с другом. Эту схему ему приходится строить либо вокруг какого-либо события (например, история революции), либо вокруг какого-либо действия (например, история войны).

В данном контексте «событие» и «действие» — смысловые категории. Любую историческую реальность можно рассматривать и как событие, и как действие. Разница между ними в том, что событие происходит как бы естественным образом, без организующего вмешательства субъекта истории, а действие всегда происходит целесообразно. Например, история Русской революции 1917 — 1920 годов начиналась с события февраля 1917 года, а продолжилась как действие, организованное общественными субъектами истории (политическими партиями, их вооруженными отрядами, иностранными интервентами), участие которых в первоначальных событиях было минимальным. Но в то же время всю революцию с 1917 по 1920 год можно рассматривать как событие в определенном ряду событий смены политической власти в стране. Действием в этом случае представляется создание РСДРП, которая смогла в условиях начавшейся революции и гражданской войны захватить и удержать политическую власть в стране.

Такое соотношение категорий «события» и «действия» в исторической действительности говорит нам прежде всего о том, что мы имеем дело с *идеальной формой*, с помощью которой может быть объяснена действительность. Одновременно с этим надо констатировать, что сама историческая действительность состоит из событий и действий, хотя, видимо, не только из них. С одной стороны, события и действия выступают как содержание реальной истории, с другой стороны — как формы создания «истории». Например, если нужно объяснить какое-то историческое событие, то в качестве «формы» объяснения можно использовать сравнение с другим, на наш взгляд, идентичным историческим событием. Объясняемое событие тем самым приравнива-

ется к уже исторически известному объясняющему, что и создает эффект «узнавания», а затем и «понимания» современной истории.

Собственно говоря, «история» в своей протонаучной форме и начинается тогда, когда некоторое событие или действие выбирается в качестве всеобщего эквивалента в процессе объяснения реальной истории. Таковым может быть «божественная история» или «история революций». Важна ее идеальная природа в качестве формы, позволяющая понимать, «что же происходит на самом деле». Так как наша современная история содержит и события, которые происходят с нами, и наши действия, то использование в качестве объяснения истории идеальных форм исторического события и действия создает видимость «настоящей» истории. Тем самым за эффектом узнавания снимается принципиальный вопрос конкурирующих между собой равномогных объяснительных схем.

Итак, в силу своей идеальной формы событие можно рассматривать как действие и наоборот. Обе категории взаимодополняют друг друга и находят свое объяснение через друг друга. Событие часто является частью какой-либо целесообразно организованной деятельности, состоящей из действий. Событие коронации — часть действия по передаче власти, а деятельностью по передаче власти нужно считать воспитание наследника престола и постепенное введение его в курс дела по управлению государством. Действие приводит к событию. Поэтому нет события без действия. Конечно, можно говорить о действиях, не приводящих к событиям, например об очередной посевной или ежедневной покупке хлеба в магазине. То, что происходит естественно и регулярно в силу этого не получает статус события. Событие — это результат исключительного, уникального действия. Этот аспект был подчеркнут в интерпретации истории неокантианством. История — это связь уникальных событий в силу ценностного подхода человека к своей жизни. Одно и то же действие для одного человека может быть пред-

ставлено как событие, а для другого как рутина. Для истории важна оценка людьми тех или иных действий как событий, а это зависит от самих людей, от их системы ценностей. Ссылка на уникальность в данном случае — лишь попытка найти «онтологический» ориентир в безбрежном океане субъективности человеческих ценностей.

Но этот онтологический ориентир оказывает методологии исторического познания дурную службу. Для объяснения смысла единичного исторического события необходимо сравнить его с множеством других исторических событий. Это возможно, если построена типология исторических событий или создана идеальная модель типа событий (М.Вебер). В противном случае мы имеем дело с аналогией. И первая, и вторая типологическая процедура может быть выполнена только в том случае, если материал достаточно репрезентативен. Понятно, что уникальное событие не может служить основанием для подобных операций.

Если мы сравниваем различные действия, то об уникальности говорить не приходится. Ценность действия — в его периодической повторяемости, т.е. действие должно быть представлено как функция какого-либо исторического субъекта. Или, говоря иными словами, как свойство предмета исследования. Но как только мы представим, что сравнительной формой для создания исторического описания выступает наличная функция исторического объекта, мы вынуждены будем постулировать постоянство этой функции. Это противоречит сути историчности, хотя и создает законосообразность исторического описания.

Все это объясняет призыв Ф.Броделя к «безсобытийной» истории, призыв освободить историю от господства видимости «естественного понимания», когда в качестве исторической реальности берется череда известных событий и задача историка сводится к тому, чтобы найти причину, позволяющую понимать, почему данные события произошли именно в этой последовательности. Руководствуясь «пониманием» не только своим, но и читателей, историку не обя-

зательно было следовать критериям строгой научности. Если философы смогли обнаружить грех антропоморфности понятий естествознания, то не понятно, почему нельзя распространить критику антропоморфизации на такую гуманитарную науку, как история.

Чтобы избежать конфликта интерпретаций, коренящегося в современном узнавании исторических событий, можно предположить, что любое действие заканчивается событием. Представим себе, что безсобытийного действия не бывает. Любое действие должно заканчиваться событием и исчезать в нем. Ведь если мы считаем, что событие возникает в силу его уникальности и ценностного отнесения, то каждое действие всегда является для какого-то человека событием. Любое действие интенционально есть событие. С другой стороны, следует признать, что за событием также следует действие. В истории не может быть остановок. Действие приводит к событиям. Событие порождает ответные или прямые действия как свои последствия. Казалось бы, эту взаимосвязь не разорвать. Онтологически это, видимо, так и есть, а вот логически? Логически мы обладаем большей возможностью в выборе посылок. Мы можем рассматривать любые возможные варианты связи, так как в логике для нас главным является однозначность логических выводов.

В качестве примеров логической выводимости мы рассмотрим сначала лишь условно-категорические умозаключения. Из них логически правильными являются *modus ponendo ponens* и *modus tollendo tollens*. Рассмотрим взаимосвязь «... действие — событие — действие — событие...» как своеобразную имплицативную зависимость и попытаемся понять условия применения логической истинности к возможным историческим конструкциям.

Предположим, что в качестве события у нас выступают зафиксированные в источниках исторические факты. Например, гибель Непобедимой армады или завоевания Александра Македонского. Нашей задачей является понять, что привело именно к такому развитию событий и какие из дан-

ных событий могли вытекать логические следствия. Существуют и описания действий. Но таких документов относительно немного и, несмотря на их высокую историческую ценность, они также должны быть подвергнуты историографической критике, как и сообщения о количестве воинов, участвующих в значимых исторических битвах. Как не покажется странным, но свидетельство о действиях, приведших к какому-то историческому событию, чаще всего оказываются утерянными. Не существует истории снаряжения в поход Непобедимой армады, неясно, что двигало Александром в его Восточном походе. Именно интерпретация «действия» оказывается задачей исторической науки, причем «действия», лежащего в основании уже известной нам последовательности событий.

Безусловно, для логического вывода *modus ponendo roneps* является основополагающей фигурой, но для его применения необходимо иметь обоснованные данные о действии, послужившем основанием для конкретного исторического события. Этого мы чаще всего и лишены. Итак, в нашей импликации один из членов нам неизвестен и нам предстоит решить, какая из предложенных к рассмотрению логических формул оказывается наиболее эвристичной и где нам стоит логически разорвать бесконечную онтологическую цепь «действие — событие».

С логической точки зрения точное знание значения второго члена импликации для нас более значимо. При наличии только двух значений: «истины» и «лжи», точное знание нами одного из них — первого члена импликации, не дает нам ровно никакого логического преимущества. Ведь, как известно, из «лжи» следует все, что угодно, в том числе и «истина». Скажем, знание того, что какое-то событие «х» произошло ранее рассматриваемого нами действия «у» не может являться основанием того, чтобы событие «х» объявлялось нами прямой причиной действий «у». Так захватом власти большевиками в октябре 1917 года нельзя объяснить не только Красный террор 1918 года, но и возникновение

СССР, а уж тем более торжество плановой экономики и создание ГУЛАГа в одной отдельно взятой стране. По всей видимости, механизм террора как способ обуздания анархии и подавления политических оппонентов должна была бы применить любая из политических групп, стремящаяся удержаться у власти во время революции. Наличие независимых государств Прибалтики, Финляндии и Польши показывает, что никакого скрытого плана по восстановлению империи у большевиков не было — их интересовало «царство земное». Фиксация точного значения произошедшего исторического события как первого члена импликации не может служить основанием для однозначной логической выводимости из него какого-либо определенного значения последующего исторического действия. Другое дело, если мы обращаемся к фиксации такого значения у второго члена импликации.

Как известно, единственный случай ложности импликации — это следование из «истинности» «лжи». Иначе говоря, фиксация отсутствия события, там, где оно, по логике вещей, должно было произойти или фиксация другого значения события, например поражения вместо победы. Это должно поставить перед историком вопрос об оценке действий, предшествовавших событию. И лишь в том случае, если мы признаем, что эти действия адекватно соответствовали ожидаемым событиям, мы вынуждены будем признать, что вся импликация ложна. Отсюда следует, что при оценке исторических выводов в качестве логического допущения нам лучше всего придерживаться разделения онтологической последовательности на пары «действие — событие», хотя при этом нам непосредственно не дано точное значение первого члена импликации.

При таком делении исторической реальности применение основной формулы логического вывода *modus ponendo ponens* оказывается неэффективным. Чтобы его применение было адекватным, необходимо не только сформулировать логический закон для истории, но и идентифи-

цировать частный исторический случай с первым членом логической импликации. Каждая из этих задач не является тривиальной.

В отсутствии однозначно обозначенного среднего члена умозаключения, которым по определению может быть только произошедшее событие, мы переносим логическое бремя доказательности на вывод и подменяем в правиле *modus ponendo ponens* средний член умозаключения последним членом импликации, совершая тем самым обычную логическую ошибку. Так из бесспорного факта победы СССР в Великой Отечественной войне вовсе не следует вывод о правильности внешней и внутренней политики руководства СССР в условиях подготовки к этой войне. Более того, с логической точки зрения подобное умозаключение должно быть признано безусловно ошибочным. С исторической точки зрения о том же свидетельствует соотношение количества потерь воевавших во второй мировой войне сторон.

Еще более сложной представляется задача формулирования исторических законов. Мы не отрицаем возможность логического закона для истории, но считаем, что его применение должно быть ограничено рамками какого-либо исторического периода, т.е. исторический закон сам должен быть историчен. Собственно, периодизация истории и должна строиться в соответствии с периодом действия определенного исторического закона. Рамки же его действия и составляют границы временных исторических эпох. Данную задачу можно рассматривать как цель истории как науки по существу. Но кроме этого нас интересует и «история как она была на самом деле», т.е. данное конкретное историческое исследование, и для него более эффективным оказывается применение *modus tollendo tollens*.

Во-первых, в силу того, что значение среднего члена умозаключения дано нам однозначно. Во-вторых, хотя значение импликации так и остается для нас полностью неопределенным, основное конструктивное внимание падает в ней на событие, свершение которого можно проверить или

отыскать в источниках. Здесь, правда, есть свои сложности, связанные, прежде всего, с применением отрицания к одному и тому же событию. Нам нужно будет доказывать, что известное нам событие из импликации и не менее известное отрицание события во втором члене умозаключения есть по существу одно и то же событие. Ведь, как известно, область отрицания события может быть бесконечной. Например, на основании необнаружения документов о событии «х» в архиве «а» мы не вправе делать заключение, что событие «х» не произошло. Первоначально необходимо доказать, что документ, отражающий событие «х», должен был попасть в данный архив и сохраниться там вплоть до сегодняшнего дня.

Здесь нам конструктивную помощь может оказать представление об историческом событии как о временном промежутке, сформулированное нами ранее. Отрицание какого-либо исторического события «х» должно одновременно содержать в себе свидетельство, что событие «х» должно было произойти. Так в архиве «а» должны быть обнаружены более ранние документы, свидетельствующие о том, что событие «х» до времени «t» регулярно происходило и фиксировалось в данном архиве. Правда, при этом мы всегда должны помнить, что архивы — дело человеческое. Лишь «возникновение отсутствия» данного события с определенного времени позволяет нам применить к данной познавательной ситуации формулу *modus tollendo tollens*. В терминах логики эта мысль звучит более просто. В отрицательном суждении отрицание должно ставиться перед логической связкой, а не перед понятием. В истории надо фиксировать как отрицание события, не то, чего *еще нет* (в силу открытости «будущего прошлого» это невозможно), а то, чего *уже нет*, то есть было раньше, но с момента «t» более не фиксируется. Или, возвращаясь к темпоральности истории, в истории с точки зрения логической выводимости нас интересует не начало исторического периода, а его завершение¹³³.

Проблема исторической целостности

Проще всего предположить, что в начале любого исторического действия в качестве его окончания заложено определенное историческое событие. Война начинается из-за проблем в политике и ведется до решения этих проблем. Цивилизация реагирует на вызов и находит на него адекватный ответ. Все это происходит в определенный промежуток времени, укладывается в определенную последовательность шагов и более всего напоминает нам нашу собственную целесообразную деятельность. Безусловно, знание истории влияет на нашу жизнь, но и наше умение организовать свою жизнь формирует у нас представление об истории, т.е. о том, как люди прошлого могли организовывать свою жизнь в прошлом. Поиски рациональности человека прошлого невольно строятся по меркам нашего сегодняшнего представления о рациональности.

Мы же рациональны ровно постольку, поскольку можем организовать свою собственную деятельность: 1) четко поставить ее цель, 2) разработать средства для ее достижения, 3) довести начатое до получения желаемого результата с наименьшим количеством издержек. Этот анализ показывает, что наша деятельность едина, т.е. все действия связаны друг с другом и получают свой смысл из этой взаимосвязи и общей цели. Более того, в этом единстве содержится смысл «целесообразной или рациональной деятельности». Отсутствие какого-либо действия или несоответствие действия цели делает сомнительным ее рациональное обоснование и заставляет нас поставить под сомнение конкретность цели этой деятельности, а следовательно, либо ее рациональность, либо однозначную целенаправленность. Итак, «единство» рациональности и есть способ ее существования. Этот признак рациональности мы ищем и у человека прошлого, поэтому нам кажется странным, но рациональным выбор претендующим на римское императорство Септимием Севером в качестве своей будущей жены Юлии Домны на основании ее гороскопа, который утверждал, что она будет императрицей¹³⁴.

Такую трактовку истории как некой целостности можно найти уже у Августина. «То что происходит с целой песней, то происходит и с каждой ее частицей и с каждым слогом; то же происходит и с длительным действием, частицей которого является, может быть, эта песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается как из частей, из человеческих действий; то же со всеми веками, прожитыми «сынами человеческими», которые складываются, как из частей, из всех человеческих жизней»¹³⁵. Мир для него и история мира — творение Бога, а целостность этого мира и его истории — продолжение единства св. Троицы.

Представления современных ученых о взаимосвязи исторических событий не столь холистичны. Даже признавая связь последовательности исторических событий, современный историк не всегда может однозначно определить не только начало, но и конец того или иного исторического периода. Более того, основные и принципиальные споры в исторической науке возникают как раз вокруг таких, казалось бы, совсем не исторических проблем как начало «капитализма», начало Русского государства, начало крепостничества, конец «социализма» и т.п. В этом нет ничего странного: окончание какого-либо исторического периода позволяет определить его смысл, оценить в соответствии с критериями рациональности его как историческое событие и проанализировать действия, предпринятые историческими персонажами для достижения своих целей. Иными словами, позволяет провести ту самую работу по пониманию рациональности «Другого», которая нас в конечном счете и интересует в исторических произведениях.

Однако не только окончание какого-либо исторического отрезка определяет смысл действий, приведших к конкретному историческому событию. Человек почему-то нуждается в «суде истории» и в окончательном вердикте, не зависящим от сиюминутных пристрастий толпы и симпатий богемы. Нам важно понять, за что и почему люди, встречавшиеся на фронтах гражданских войн, отдавали свою жизнь. Нам

важно понять правду погибших, что существенно осложняет задачу историков. Надо понять историческое событие, включая его во множество отношений, ведь смысл — это связь, которая определяет целостность событий. У события может быть выявлено несколько смыслов. Само по себе это не должно пугать, если бы перед историками не ставилась задача — выбрать одно смыслообразующее отношение.

Для выяснения окончания исторического периода эта дилемма приобретает следующее выражение: 1) можно определить окончание какого-то исторического периода лишь ретроспективно, поэтому следует допустить, что исторические целостности в силу сложности и многообразия исторических связей обладают замедленной (*hysteresis*) обратной связью («Жернова Истории мельют медленно, но неотвратимо»); 2) поскольку субъектами истории являются реально существующие исторические личности, постольку следует допустить совпадение предикатов «единства» и «существования».

Нужно признать, что мы имеем дело в истории не с одной целостностью, а как минимум с двумя и больше количеством целостностей. По существу, любой общий предикат, употребляемый для характеристик субъекта, можно рассматривать как включение субъекта в социальную органику. Характеристики социального положения, национальности, гражданственности, конфессиональности являются определением, связывающим индивидов в те или иные целостные образования. Но мы должны различать два типа целостности, или два аспекта существования целого. Любая целостность существует во времени, т.е. лучше сказать, что время и есть способ определения типа целостности. Мы можем выделить диахронные и синхронные целостности, в которых существует человек. К диахронным относятся все типы целостности, в которых действия человека обеспечивают функционирование общественного целого. Результат функционирования обратно влияет на самого человека как системный эффект. К синхронным — те, где действия человека

являются необходимыми для его функционирования как человека в настоящем. К последним относятся все экзистенциальные и этические проблемы существования человека как социального существа.

Здесь нужно сразу сказать о логическом характере данного деления. В силу этого мы считаем большинство социальных характеристик онтологически относительными. Культура, религия, гражданство, национальность, социальное положение — не заданы человеку раз и навсегда извне. Они могут изменяться в течение жизни современного человека и часто зависят от характера усилий, которые предпринимает сам человек. Можно сказать, что переход человека в иную диахронную целостность измеряется усилиями, предпринимаемыми человеком. Но, одновременно, те же самые усилия измеряются им и в рамках синхронной целостности своего сосуществования с подобными себе людьми. Когда эти оценки действий совпадают, можно говорить о гармоничном существовании человека. Когда расходятся — возникают противоречия, некоторые из которых могут разрешаться перестройкой одной из целостностей, т.е. или нахождения нового способа функционирования диахронной целостности, или изменением системы оценок в рамках синхронной. В первом случае мы имеем дело с «возникновением» истории общества, во втором — с окончанием определенного этапа развития индивида.

Мы не можем в данном случае утверждать, что характер разрешения противоречия онтологически предзадан. Нам важно показать, что он обусловлен логически, т.е. «история X» возникает в результате окончания периода гармонического функционирования такого элемента, как человек в рамках той или иной социальной целостности. Логическое «окончание» и есть основной вывод, необходимый нам для создания онтологической модели истории. Но остановившись на этом, мы сталкиваемся с антиномией уникальности — универсальности исторического перехода к новой современности.

Итак, надо признать основой истории «уникальные» исторические события, которые получают свой смысл благодаря действиям по своему осуществлению. Именно их неокантианцы предлагают рассматривать как единицу исторического анализа. Тем самым признается, что у исторического события есть своя имманентная логика, заданная прежде всего решением задач предшествующего исторического периода. Вместе с тем следует согласиться и с позицией Ф.Броделя, призывавшего отказаться в исторической науке от такой единицы ее членения, как историческое событие (не говоря уж о выделении субъекта истории), и реально продемонстрировавшего в своих трудах зависимость оценки события не столько от «целесообразности» его «протекания», сколько от колебаний конъюнктур «осуществления» «длинных волн» экономической и хозяйственной деятельности человека. История протекала в соответствии с законами конъюнктурных колебаний, но сами по себе данные закономерности как бы не зависели от этой реальной истории.

Надо определить, имманентны ли логические законы реальной истории или они трансцендентны ей? Или, говоря иначе, либо законы истории должны быть сформулированы на основании изучения самой истории, а применение логических операций правомочно лишь на материале сформулированных законов, либо реальная история подчинена прежде всего социологическим и экономическим закономерностям, а закон исключенного третьего или правило дихотомийного деления понятия и соответственно экзистенциальный выбор человеком своей истории определяет в конечном счете реальную историю рода человеческого.

Казалось бы, историк-профессионал должен настаивать на имманентности исторических закономерностей. Однако как раз подобные закономерности и становятся объектом профессиональной критики историков. Такова критика Фюстеля де Куланжа позиции Моммзена об особой роли германских племен в крушении римской цивилизации и становлении государственности раннего средневековья¹³⁶, кри-

тика Ф.Броделем концепции особой роли протестантского духа в развитии капитализма М.Вебера¹³⁷, критика Э.Ладюри представлений Ф.Арьеса и Ф.Лебрена об отношении к детям как к маленьким взрослым в средневековой европейской культуре¹³⁸. Каждая из критикуемых позиций в свое время принималась большинством историков и, подкрепленная безусловным авторитетом их авторов, считалась установленным историческим фактом, претендующим на всеобщую историческую закономерность. Это показывает, насколько зыбки эмпирические закономерности, выявленные исторической наукой. По крайней мере они вряд ли могут претендовать на то, что с их помощью мы можем избежать ошибок в разделительно-категорических умозаключениях. В силу привязанности профессионала-историка к определенному историографическому комплексу эти требования невозможно выполнить средствами самой исторической науки, т.к. задача, которая стоит перед историком, выходит за рамки самого историографического комплекса.

С одной стороны, историк должен исходить из того, что люди, живущие в определенную эпоху, подчиняются законам и традициям данной эпохи, т.е. считать, что они рациональны в рамках исторического времени; с другой стороны, считаться с тем, что они рациональны, милосердны и т.п. в силу специфики рода человеческого. Именно нахождение специфических законов истории, а именно конструирование определенных исторических рамок, ставит перед историком самые большие проблемы. Но куда историк мыслит — он реконструирует не только действие исторического субъекта, но и всю историческую целостность происходящего.

На основании реконструкции «действия», предшествующего событию, историку важно понять, как возникали функциональные причины, обуславливающие те или иные временные ряды событий. На основе выявленного временного ряда он может строить корреляционное взаимодействие с другими возможными временными рядами событий.

Это ответ на старый вопрос. Мы знаем, что историк конструирует предмет истории, остается найти ответы на вопросы: что он конструирует и как?

Мы утверждаем, что сначала историк ищет связь «действие — событие», причем именно действие оказывается первым конструктивным элементом. Затем начинает конструироваться временной ряд, обуславливающий функциональность действий и имеющий четко выраженное окончание. Наконец, третьим шагом конструируется корреляция нескольких временных рядов с тем, чтобы установить границы определенного исторического периода.

В этом тройном акте реконструкции историк создает предпосылки для широкого применения в исторической науке в качестве логического средства разделительно-категорического умозаключения. Заметим, что логических средств выводимости у историка не так уж много, тем более, что результат (теорема), полученный какими-либо одними логическими средствами, может быть получен и другими. Одни из наиболее часто применяемых разделительно-категорических умозаключений *modus ponendo tollens* и *modus tollendo ponens*. Однако корректное их использование должно соответствовать трем условиям. 1. В первой посылке умозаключения должен быть приведен полный перечень альтернатив. 2. Должна быть использована строгая дизъюнкция. 3. Отрицание во второй посылке при *modus tollendo ponens* или выводе при *modus ponendo tollens* должно быть континуальным. Рассмотрим подробнее эти требования, при этом начнем с последнего.

В отдельных случаях во второй посылке используется континуальное отрицание, основанное на трансцендентных основаниях. Так происходит всегда, когда историк сталкивается в исторических хрониках с фактами, которых не могло быть в силу того, что их не могло быть никогда. Сложнее обстоит дело тогда, когда вторая посылка формулируется на основе исторических свидетельств. Это могут быть как утвердительные, так и отрицательные суждения. Собственно

говоря, историк и имеет дело лишь с констатацией исторического свидетельства, которое предстает как средний член в его умозаключении. Он может фиксировать лишь наличие или отсутствие сообщения о каком-либо факте, исходя из источников. В конце концов на основании этих же свидетельств (а других у него как у историка и не существует) он конструирует и первую посылку разделительно-категорического умозаключения. Совершенно ясно, какую роль в данном процессе играют утвердительные суждения, они долгое время рассматривались историками как единственный надежный инструмент профессионала, что косвенно породило метод «ножниц и клея», столь яростно критикуемый Дж. Коллингвудом.

Однако в последние годы выросла роль не только свидетельств, но и конструирования исторических объектов. Историк начинает свое исследование с постановки проблемы, для решения которой он ставит вопросы. Осмысленность вопроса зависит от материала, на основании которого можно получить осмысленный ответ. Ответы являются основаниями для обязательного (дедуктивного) вывода, необходимого для однозначного решения поставленной проблемы. Особое значение при этом отводится отрицательным примерам, обнаруженным в свидетельствах. Они обозначают границу применения метода, корректируют обязательность вывода и его однозначность. И все-таки при всей значимости отрицательного высказывания в качестве второй посылки разделительно-категорического умозаключения для корректировки логических выводов в исторической науке следует считать, что бремя доказательств и постановки проблем лежит на утвердительном заключении. Именно оно составляет континуальный контекст, на основании которого только и может быть осознана и сформулирована проблема, содержащаяся в дизъюнктивном суждении первой посылки. Более того, идеальным для историка является ситуация, когда оба члена дизъюнкции представлены как отдельные суждения, ко-

которые могут быть использованы в качестве второй посылки. Однако это исключительная ситуация, когда в исторических источниках удастся найти полный перечень дизъюнктивного суждения. Почти всегда историку приходится эти суждения конструировать.

Использование в качестве первой посылки социальной или экономической закономерности безусловно дает историку эффективный методологический инструмент. Сложной здесь оказывается интерпретация. Из-за того, что первая посылка не связана со второй, необходимо ту информацию, которая содержится во второй посылке, интерпретировать в терминах и теоретических конструктах первой посылки. Данная операция оказывается достаточно сложной задачей, для решения которой необходимо знание соответствующей неисторической области науки (например, социологии, экономики). Это далеко не всегда присуще историкам. Невольно возникает вопрос: «откуда историк получает знания, содержащиеся в первой посылке?».

Как это ни кажется странным, но это обычное обыденное знание, полученное человеком на основе решения повседневных жизненных проблем. Именно поэтому нам и не требуются особенные теоретические рассуждения для обоснования первой посылки — мы согласны с ней, так как узнаем ее. (Именно в этом, на наш взгляд, находится ключ к популярности «истории повседневности» в настоящую эпоху.) И здесь мы должны согласиться с еще одним выводом — мы узнаем ее на основании нашего знания современности, т.е. мы как бы постоянно модернизируем исторические условия, лежащие в основании строгой дизъюнкции.

Итак, налицо два недостатка, связанных с использованием первой посылки разделительно-категорического суждения в исторической науке, это 1) некритическое использование историком строгих дизъюнкций, созданных в других науках (например, юриспруденции или экономике); 2) модернизация дизъюнкций, созданных историком на основании современного ему обыденного знания.

Для любого человека реальность дана пусть в непознанном, но устойчивом виде. Ученый видит свою задачу в том, чтобы прояснить устойчивые закономерности во взаимосвязи состояний и процессов друг с другом. Но историк знает, что реальность истории как бы не закончена. Человек, осознавая законы истории, способен измениться и соответственно изменить будущую историю. По существу, он способен создать новую закономерность. Такой подход к реальности соотносится не только с настоящим будущим, но и с прошлым будущим, т.к. это прошлое также когда-то было будущим, и человек прошлого также изменял его и себя вместе с ним. Реконструкция прошлого должна учитывать возможные изменения в прошлом субъекта истории, по существу его постоянное возникновение, принимающее формы изменения государственной власти, хозяйствования, культуры, религии и т.п. Задача создания логической системы, учитывающая изменения субъекта и соответственно объекта, достаточно сложна. К ней же еще примешивается профессиональное желание остаться ученым в широком смысле этого слова, который стремиться отыскать общие закономерности, позволяющие делать о прошлом однозначные высказывания¹³⁹.

Это и заставляет историка строить доказательную логику изложения своего материала. Самый простой ход — использовать в качестве общих закономерностей результаты смежных областей знаний: политологии, экономики, культурологии, религиоведения или социальной психологии. Однако проблема заключается прежде всего в том, что результаты, полученные в этих науках, по большей части историчны, т.е. доказательная база этих результатов опирается в значительной степени на результаты исторических реконструкций¹⁴⁰. С данной проблемой можно справиться, например, методами герменевтики, но для большинства историков, считающих себя учеными, такой подход не может быть признан удовлетворительным в силу равноправия предлага-

емых интерпретаций. Хотя ученый признает реальность конкурирующих гипотез в объяснении событий прошлого, перед ним всегда стоит проблема выбора между ними.

Если мы признаем возможность формулировки исторических оснований для полного перечня альтернатив или для создания строгой дизъюнкции в разделительно-категорическом умозаключении, то мы должны признать, что история уже закончилась. А это невозможно. Но мы можем считать, что нечто уже стало историей, т.е. у нас есть относительные основания для реализации *modus ponendo tollens* и *modus tollendo ponens* в исторической науке, но лишь к конкретно ограниченным эпохам в прошлом.

Для этого мы должны вернуться к анализу реконструкции исторической целостности, чтобы показать, как происходит создание первой посылки разделительно-категорического суждения в исторической науке. Ведь конструирование не только выводит нечто из того, что мы знаем о прошлом, этот прием прежде всего достраивает, связывает разрозненные элементы исторического знания в целое, создает полный перечень возможных исторических альтернатив, который как раз и необходим для корректного решения проблемы выводимости в исторической науке.

Как было сказано выше, историческая реконструкция выводит историка на проблему описания целостности. В силу того, что в целостности присутствуют и универсальные и уникальные (т.е. исторические) основания, можно говорить о единстве диахронной и синхронной целостности в большинстве исторических реконструкций социального характера. Более того, мы должны исходить из единственности человеческого существования, поэтому диахронная и синхронная целостность воспринимаются нами как логические моменты онтологически единого исторического события. Мы не знаем, что подвигло Августина Аврелия стать священником в Гиппоне¹⁴¹, но этот реальный исторический выбор и последовавшие за ним события, которые могут быть по-разному реконструированы христианскими историками и

историками христианства, реально произошел один-единственный раз. Но так как единственное анализируемое событие встраивается в соответствие с той или иной целостностью в различные временные ряды, перед нами как бы вновь возникают проблемы — во-первых, многообразие интерпретаций, и, во-вторых, как следствие — невозможности строгого построения полного перечня альтернатив для первой посылки разделительно-категорического суждения.

Однако проведенное нами исследование показывает, что даже если мы вынуждены признать основательность первой проблемы, оставляя для различных разделов истории свою область интерпретации, то вторая логически может быть преодолена. Для этого нам необходимо признать актуальность окончания определенного исторического периода. В этом случае можно будет говорить, что после «времени X» количество возможных альтернативных исторических событий становится ограниченным и у нас появляется логическая возможность создания полного перечня альтернатив. Наиболее важным при этом оказываются два аспекта. 1. В любой момент времени мы имеем всегда как минимум две целостности (диахронную и синхронную); на основании одной из них и строится полный перечень альтернатив. При этом вторая как бы находится в тени первой и рассматривается лишь как момент осуществления первой. 2. Так как диахронная и синхронная целостности являются моментами единственного исторического акта — конструирование полного перечня альтернатив на основании одной из целостностей предполагает латентное наличие и другой целостности. Для пояснения данного положения обратимся к примеру заочной полемики между учеными школы Анналов и К.Марксом об исторических проблемах генезиса капитализма.

Как известно, К.Маркс связывал начало капитализма с промышленной революцией. Ф.Бродель возражает ему: «Но я утверждаю, справедливо или нет, что в ходе этого великого изменения капитализм в главном оставался самим собой... Было бы ошибкой воображать себе капитализм как разви-

тие в виде последовательных стадий и скачков: капитализма торгового, капитализма промышленного, капитализма финансового... И разумеется, с непрерывным продвижением от одной стадии к другой, притом что «настоящий»-де капитализм наступает поздно, с установлением его контроля над производством. А до него следовало говорить лишь о капитализме торговом, даже о предкапитализме. На самом же деле мы видим, что крупные «купцы» былых времен никогда не специализировались, что они без различия занимались (одновременно или последовательно) торговлей, банковским делом, финансами, биржевой спекуляцией, «промышленным» производством в виде системы надомного труда или, реже, мануфактур»¹⁴². «Короче говоря, главной привилегией капитализма ныне, как и в прошлом, остается свобода *выбора*, — свобода, которая зависит одновременно от его господствующего социального положения, от веса его капиталов, от его способности делать займы, от его информационной сети и в меньшей степени от тех связей, которые создают между членами могущественного меньшинства, как бы оно ни было разделено игрой конкуренции, ряд правил и форм соучастия»¹⁴³.

Эту «свободу» Ф.Бродель находит сначала в торговой Венеции, затем в Антверпене и Генуе и, наконец, в Соединенных Провинциях (Голландии) и Англии. При этом решающее значение в генезисе капитализма играет возникновение в Голландии института биржи как свободного рынка капиталов. Последнее понятие для Ф.Броделя противоречиво. В своих исследованиях он постоянно противопоставляет «рынок» как конкурентную среду и капитал как стремление к монополии и сверхприбыли. «Разве не должно было бы безоговорочное признание различия между рыночной экономикой и капитализмом позволить нам избежать (позиции) «все или ничего», которую нам неизменно предлагают политические деятели, как если бы невозможно было бы сохранить рыночную экономику, не предоставляя полной свободы монополиям, или избавиться от этих монополий, не «национализируя» очертя голову»¹⁴⁴.

Ключевое понятие, по Броделю, для анализа генезиса капитализма является свобода выбора или просто свобода капитала, который благодаря процессам саморазвития постоянно выстраивает все механизмы своего исторического существования, начиная от лавки на ярмарке и кончая современной корпорацией¹⁴⁵. Таким образом свобода оказывается атрибутом капитализма, или мира свободного предпринимательства. Но ведь и для Маркса эта проблема оказывается решающей. Он определяет капитализм как общество, в котором один (капиталист) имеет свободу выбора, а другие (пролетарии) ее полностью лишены как люди, не имеющие средств производства и вынужденные продавать единственное, что у них остается — свое рабочее время, т.е. в конечном счете рабочую силу.

Итак, логический подход к онтологии наталкивается на те сугубо логические средства, которые мы применяем для определения понятия свобода. Или, говоря сугубо логическим языком: «Свобода» — понятие относительное, конкретное или абстрактное? Рассмотрим все возможные варианты ответов. К безотносительным конкретным понятиям относятся цельные автономные объекты, которые могут существовать сами по себе, такие как «дом», «карандаш» — ясно, что «свобода» не входит в их число. Точно так же довольно легко решается этот вопрос в отношении относительно конкретных понятий, таких как «правое-левое», «учитель-ученик» и т.п. — свобода к ним не относится. Свобода — понятие абстрактное, но относительное или безотносительное, — вот в чем вопрос. Вопрос этот долго дискутировался. Если мы предположим, что свобода — понятие относительное, то необходимо найти ему пару, без которой оно теряет смысл. Сделать это непросто. Неясно, какое именно понятие следует противопоставить «свободе»: «неволя», «зависимость» или «смерть». Ясно, что у каждого из них есть своя пара: «воля», «независимость», «жизнь». И даже широко употребляемая «необходимость» может быть поставлена в пару с «возможностью». Эта сложность поиска относительной пары

и наталкивает нас на мысль, что свобода — безотносительное понятие, обобщающее отношение. Ведь и такие относительные понятия, как «правое-левое», «вверх-вниз» можно обобщить в понятиях «направление» или «положение». К тому же самому выводу мы придем, если рассмотрим требования, предъявляемые к безотносительно абстрактному понятию. Безотносительно абстрактные понятия могут существовать сами по себе, но являться свойствами предметов либо отношений¹⁴⁶. Это «либо» и является проблемой. Свобода — свойство, признак предмета или характеристика его отношений.

Здесь необходимо небольшое разъяснение возможного формального противоречия: безотносительного понятия, которое возникает по поводу отношений между предметами. Можем ли мы на основании данного формального противоречия сказать, что свобода является свойством самого предмета? Нет, так как никакого формального противоречия нет. В нашем случае характеристика безотносительности относится не к предмету, а к абстрактному понятию о предмете. Другое дело, что это абстрактное понятие о предмете возникает на основании анализа отношений предмета, а не его свойств. «Солдат удачи» и «удача солдата», «мир искусства» и «искусство мира» — разные понятия. В споре Броделя и Маркса мы имеем дело с такой же конструкцией — «свобода выбора» или «выбор свободы». По Броделю, «свободу выбора» обеспечивает выбор свободы, и, прежде всего, свободы предпринимательства как основного свойства западной цивилизации. По Марксу, свобода выбора одних возникает тогда, когда выбор свободы других ограничен. По существу мы имеем здесь дело с двумя взаимосвязанными целостностями: диахронным и синхронным выбором человека. К первому относится свобода выбора, ко второму — выбор свободы.

В истории любого предмета его свойства и отношения взаимосвязаны. Предмет вступает в какие-либо отношения лишь на основании тех свойств, которые у него уже имеют

ся. В результате этих отношений у предмета могут появиться другие свойства, которые в свою очередь помогут вступить ему в новое отношение. Обе целостности, характеризующие предмет, лишь моменты одного исторического акта. Более того, они нуждаются в дополнении друг другом. Выбор свободы как характеристика синхронной целостности предполагает отсутствие свободы выбора в предшествующие исторические периоды. Лишенный же в диахронной целостности свободы выбора человек для решения данной проблемы иногда вынужден «выбирать свободу». Хороший историк прекрасно осознает это, когда разделяет свободу выбора, доставшуюся капитализму как верхнему монопольному этажу капиталистического общества, и выбор свободы, который достается в удел рыночной экономике. Вопрос лишь в том, что из этих целостностей является логической основой, а что — историческим следствием, т.е. что необходимо рассматривать не как исторически предшествующее, а как логически определяющее и в силу этого создающее полный перечень альтернатив. Ведь только логика может дать нам в руки инструмент логической выводимости того, что является, и того, что не является собственно капитализмом. «То, что именуется сегодня «конкурентным сектором»... Называйте ее как пожелаете, но она существует, и она состоит из независимых единиц. Так что не спешите утверждать, что капитализм есть совокупность общественного, что он охватывает наше общество в целом. Маленькую мастерскую в Прато, как и какую-нибудь ныне разорившуюся типографию в Нью-Йорке, нельзя относить к категории истинного капитализма. Это неверно — и в социальном смысле, и в плане руководства экономикой»¹⁴⁷. Капитализм как свойство западной цивилизации, конечно, возникает на основании рыночной экономики, т.е. определенных отношений, присущих любому развитому обществу. Благодаря вновь возникшим свойствам в западной экономике возникают капиталистические отношения, ориентированные прежде всего на получение капиталистической прибыли. В этот момент «на

блюдается живая диалектика капитализма, находящегося в противоречии с тем, что — ниже него — не представляет подлинного капитализма»¹⁴⁸. Крупные фирмы «нуждаются в более мелких, нежели они сами, предприятиях, с одной стороны, и прежде всего ради того, чтобы снять с себя тысячи более или менее незначительных работ, необходимых для жизни всего общества, до которого капитализму нет дел. С другой стороны... крупные фирмы доверяют некоторые задачи субподрядчикам, которые поставляют готовые изделия или полуфабрикаты»¹⁴⁹.

Выходит, свобода выбора сама по себе не делает мелких субподрядчиков капиталистами даже в современном, «самом свободном из миров». Но это не более чем интерпретация ученого, а нам необходимы логические средства, чтобы разрешить открытый спор двух историков.

В соответствии с предложенным нами подходом мы должны найти границы изучаемого нами периода, и прежде всего — его окончания. Можно возразить, что конца капитализма до сих пор не видно. Допустим, это так. Но ведь в наличии есть конец феодализма, и на основании его анализа мы можем судить о том, что сделало неактуальным функционирование предшествующей формации. Если внимательно проанализировать Ф.Броделя, то окажется, что К.Маркс был прав. Именно в Голландии и Англии капитал внедрялся в производство, увеличивал производительность труда и впервые оказывался «у себя дома», решительно изменяя тем самым «старый порядок». В то время, как ранние экономики в Венеции, Генуе, Испании, шедшие по пути создания торгово-банковского капитала, не оказали заметного влияния на переход этих стран к новой социально-политической реальности. Тем самым сама история нам показывает, что не свобода есть следствие выбора, а выбор есть производное от свободы. При этом выбор свободы, конечно, остается, но в силу негативного определения самого понятия «свободы» он понимается скорее как освобождение от условий выбора «старого порядка», как его окончание.

Онтология истории — смысловой подход

Последней характеристикой онтологии исторического исследования является согласованность его основных постулатов.

На первый взгляд требование согласованности самоочевидно. Историческая наука, воссоздавая картину прошлого, по-своему конструирует ее. Это конструирование производится в соответствии с методологическими правилами источниковедения. В случаях, нарушающих эти правила, историк обязан предложить свой метод реконструкции, свою интерпретацию источников. Поэтому большинство конкретных исторических работ строятся на основании согласования логики концептуальной реконструкции с теми или иными способами интерпретации источников. Но это методологическое требование. Чтобы увидеть его онтологический смысл, рассмотрим историю фундаментальной историографической проблемы и попытаемся увидеть за различиями в интерпретации источников различия в концептуальном анализе объектов исследования. В качестве такой проблемы рассмотрим процесс возникновения Древнерусского государства IX–XI веков.

Мы не будем подробно разбирать дискуссию и историографию нормандской теории, сошлемся на вывод специалистов: «В современной историографии спор антинорманистов и норманистов включает несколько сложных и важных проблем: 1) о роли внутренних причин и роли иноземцев (варягов) в процессе формирования и развития Древнерусского государства, причем советские историки единодушно отводят решающую роль воздействию внутренних причин и особенно возникновению классовых антагонизмов; 2) о степени нормандского влияния на развитие социальных отношений и культуры, причем для ответа на этот вопрос привлекаются данные археологии, языкознания, памятников культуры (советские историки отметили сравнительную слабость нормандского влияния по сравнению с византийским

и татарским); 3) о происхождении имени «Русь», «русский народ», причем данный терминологический вопрос имеет меньшее научное значение, чем первые два»¹⁵⁰.

Нас интересует лишь первая проблема, выделенная А.Л.Шапиро, а именно процесс формирования и развития Древнерусского государства. В силу особого (конструктивного) характера исторического знания нельзя рассчитывать, что обнаружится источник, который мог бы положить конец спорам сторонников и противников нормандской теории. Вопрос о причинах возникновения государства — вопрос не источников, а их интерпретации, с точки зрения той или иной теории возникновения раннефеодального государства. Так, если оставаться исключительно на источниковедческой основе, аргументы в пользу норманической теории оказываются более чем убедительными. С другой стороны, работы Б.А.Рыбакова и И.Я.Фроянова содержат не менее обоснованную источниковедческую аргументацию в пользу антинормандского взгляда на раннюю историю русского государства. Разница между двумя этими исследователями заключается в том, что там, где Рыбаков признает, при всем своем антинорманизме, особую роль киевской (варяжской) власти в организации единого государственного механизма в процессе организации полюдя и административной и хозяйственной реформы княгини Ольги, И.Я.Фроянов ее начисто отрицает, интерпретируя всю источниковедческую базу в свете межплеменных и внутриплеменных столкновений и конфликтов.

Можно констатировать, что по данной проблеме существует несколько аргументированных и взаимоисключающих точек зрения. Причем все участники дискуссии обращаются к одной и той же источниковедческой базе, но выводы из нее делают прямо противоположные. Каждый из них исходит из той теоретической конструкции процесса возникновения раннефеодального государства, которая кажется ему наиболее обоснованной. Тем самым проблема из области исторической науки перемещается в область социально-

философского знания. Хозяйство или власть. Власть или традиция. Дружина или народное ополчение. Право или религия. И в конечном счете — государство: состояние или процесс. Без решения этого последнего вопроса тайна возникновения Киевского княжества Ярослава Мудрого средствами самой истории оказывается неразрешимой. Но ответ на него лежит не в истории, а в философии, и даже не просто в философии, а в онтологии. Какое состояние является началом необратимого процесса и какой процесс приводит к возникновению такого состояния?

Для исторической науки тот же вопрос может быть дан в другой интерпретации: как совместить в рамках одного объяснения, одного решения проблемы знания и теории, описывающие смены состояний, и знания и решения, принимаемые в терминах, описывающих процессы? Чтобы показать ненадуманность этого вопроса, рассмотрим подробнее три подхода к возникновению раннефеодального государства таких историков как Рыбаков, Фроянов и Скрынников.

Для Б.А.Рыбакова «ключом к пониманию раннерусской государственности является полюдь»¹⁵¹. Опираясь на записи византийского императора Константина Багрянородного, подробно описавшего данный процесс, Б.А.Рыбаков создает историческую реконструкцию централизованного сбора и сбыта дани в союзе славянских племен. Расчетам подвергаются изготовление нескольких сотен «монокилов» — однодревков, судов, способных ходить по реке и по морю и нести двадцать-сорок человек экипажа, изготовление снасти для этих судов, передвижение сборщиков дани по территории 700 x 1000 километров в зимнее время года, количество человек, совершающих объезд этой территории, долгая и опасная дорога флотилии в Константинополь, и, наконец, шестимесячный торг на рынках византийской столицы, подробно регламентированный договорами 907, 911 и 944 годов. Именно эта реконструкция позволяет автору сделать вывод о полюдь как о «первом общегосударствен-

ном мероприятии, превосходящем по своей масштабности все внутриплеменные дела местных князей»¹⁵². В свою очередь этот вывод позволяет Рыбакову дать развернутую характеристику деяниям княгини Ольги, зафиксированным в «*Повести временных лет*» как «реформ, укрепляющих и юридически оформляющих обширный чресполосный княжеский домен от окрестностей Киева до впадающей в Балтийское море Луги и до связывающей Балтику с Волгой Мсты»¹⁵³. Это, фиксация размеров дани конкретное описание «погостов» и «становищ» как укрепленной сети острогов и крепостей, необходимых для хранения собранных богатств; организация промысловых угодий, «ловищ» для проживающих в погостах воинов и слуг; система взаимодействия этих слуг с окружающим их славянским миром («селами» и «весьями»), местной племенной знатью и «смердами». Создание этих двух исторических реконструкций позволяет Рыбакову сделать однозначный вывод: к эпохе Святослава «государство Киевская Русь выглядит уже вполне оформившимся и в меру исторических условий устроенным»¹⁵⁴. Данный вывод плохо объясняет поведение Святослава, «ищущего чужую землю» и заявляющего: «Не любо ми есть жити Кыеве»¹⁵⁵. Зато создание князем Владимиром оборонительной системы с крепостями через каждые 15–20 километров по Суле, Трубежу, Остру, Десне и Стугне от набегов печенежских орд очень хорошо укладывается в вышеприведенную схему рассуждения, ведь «постройка нескольких оборонительных рубежей с продуманной системой крепостей, валов, сигнальных вышек»¹⁵⁶ и содержание в них постоянных воинских гарнизонов потребовало усилий, далеко превосходящих возможности простого конунга, да еще к тому же отпустившего свою варяжскую дружину в Цареград. Можно согласиться с Б.А.Рыбаковым, что «Владимир сумел сделать борьбу с печенегами делом всей Руси, почти всех входящих в ее состав народов. Ведь гарнизоны для южных крепостей набирались в далеком Новгороде, в Эстонии (Чудь), в Смоленске и в бассейне Москвы-реки, в землях, куда ни один печенег не доскаки-

вал»¹⁵⁷. Если дело обстояло именно так, как его описывает Рыбаков, то для такого мероприятия потребовались усилия довольно обширного и хорошо централизованного государства. Именно поэтому выводы историка выглядят довольно убедительными. Процесс образования Древнерусского феодального государства, начавшийся при Олеге, получил свое логическое завершение при Владимире. Обширная территория нескольких союзов славянских племен управлялась из одного центра, имела устойчивую систему коммуникаций и была способна выполнять сложные в организационном и материальном плане задачи. Отсюда как следствие череда действий, недоступных более ранним правителям: единые религиозные реформы, создание новой административной системы во главе с сыновьями-наместниками во всех крупных племенных центрах большинства славянских земель, взятие укрепленного византийского города (Корсунь), женитьба на византийской принцессе, грандиозные пиры для дружины, посадников, старейшин и народа. Возникшему государству впервые стали по силам государственные мероприятия.

У И.Я.Фроянова особый взгляд на проблему раннефеодального государства. Умолчав о записке императора Константина, автор основной упор делает на анализе событий, связанных с княжением Ольги. «Поездки княгини, упоминаемые летописью, они (М.Н.Карамзин и советские историки) связывают с проведением крупной политической, финансово-административной и хозяйственной реформы, способствовавшей развитию феодализма на Руси и формированию Древнерусского государства... В действительности же было совсем иное: Ольга начинала не новое дело, а возвращалась к прежней системе, фиксированной дани, нарушенной «несытовством» Игоря»¹⁵⁸. Не отрицая учреждение «становищ» и «погостов» как пунктов приезда за данью и введение в отдельных племенах «княжеской администрации» и даже «не покушаясь на идею о строительстве Ольгой княжеского домена»¹⁵⁹, Фроянов тем не менее считает собираемую дань «коллективной формой эксплуатации одного

племени другим, происхождение которого связано с межплеменными войнами»¹⁶⁰. В соответствии с такой трактовкой дани деятельность Ольги получает не административно-хозяйственную, а в основном религиозно-идеологическую интерпретацию. С этой точки зрения «становища», «ловища» и «знамения» становятся памятными местами, «связанными с личностью «блаженной» княгини»¹⁶¹. «Киевская княгиня, повергая древлян, а стало быть и древлянских богов, принималась язычниками за сверхъестественное существо, осененное божественной благодатью. Отсюда хранимые народной памятью «знамения», «становища», «ловища», то есть места, отмеченные и как бы освященные присутствием Ольги, или ... достопримечательности»¹⁶². Оставим данную интерпретацию на совести автора. Заметим лишь, что столь высокий религиозный авторитет княгини не согласуется с ее полной неудачей в попытках распространить христианство у своих подданных.

Сквозь призму межплеменных конфликтов трактует Фроянов и процесс религиозных реформ, совершаемых Владимиром. Все получается довольно складно до событий 996 года, когда конфликт бедных и богатых фиксируется в самом Киеве, центре господствующего полянского племени. Тем не менее, оставаясь верным предшествующей логической аргументации, автор связывает возникшие разбои не «с классовой антифеодальной борьбой», а с «результатом настроений, вызванных падением родоплеменного строя... Старая система социальной защиты пришла в расстройство. В Киеве... замелькали обездоленные люди, убогие и нищие. Наметилась внутренняя социальная дифференциация»¹⁶³.

Итак, по Рыбакову, во времена Владимира мы можем говорить о возникновении могучего феодального государства, согласно Фроянову мы имеем дело лишь с распадом родоплеменных связей, подорвавшим могущество киевской общины и ослабившим господство Киева в восточнославянском мире. Выводы прямо противоположные. Чтобы хоть в чем-то разобраться, обратимся к объяснению этого же процесса у Р.Г.Скрынникова.

Сразу уточним: автор является признанным специалистом по военной, дипломатической и политической истории. Так, упомянув трактат Константина Багрянородного «*Об управлении империей*», о котором уже шла речь выше, Скрынников задает вопрос, почему в нем «отсутствует малейший намек на союзные отношения империи с Киевской Русью. Объяснить это достаточно просто. В середине X века Киевская Русь еще не была могущественным государством»¹⁶⁴. В этом выводе нет ничего странного, если учесть, что автор — норманист. С использованием большого источниковедческого материала Р.Г.Скрынников делает однозначный вывод: русы — норманны. «Олег и Игорь не были еще государями, а прочие военные предводители норманнов их подданными. Походы на Византию были совместным предприятием викингов... Киевская «династия» не имела ни средств, ни возможностей контролировать действия нормандских отрядов на огромном пространстве от Дуная до Закавказья»¹⁶⁵. В свете такого подхода полюдь превращается в «кружение» — простой сбор дани и кормление в течение зимнего времени года, в которое уходили «все русы». «Зимой киевские князья и прочие архонты с дружинами («со всеми русами») отправлялись в полюдь и кормление до наступления весны. В летнее время русы предпринимали военные экспедиции»¹⁶⁶. Ясно, что при подобной интерпретации «не следует считать, что Ольга сумела соединить административную реформу (учреждение погостов) с заведением княжеской охоты (устройство ловищ по всей земле). Во время «полюдь»... русы не только обирали славян, но и кормились охотой»¹⁶⁷. Да и «погост» вовсе не укрепленное место для складирования дани, а «языческое святилище и место торго славян». Собственно, никаких административных и хозяйственных реформ Ольга не совершала, просто «она впервые предприняла далекое полюдь и стала собирать дань с наиболее населенных земель на северо-западе Руси»¹⁶⁸. При всей уязвимости данной интерпретации у нее есть безусловно сильные стороны. Прежде всего она объясняет болгарский поход Святослава

(греч. *Сфендославос* — от сканд. *Сфендислейф*, как замечает автор), подробному описанию которого автор посвящает обширный текст. «Эпоха викингов» продолжается вплоть до 1046 года, до заключения Ярославом мирного договора с Византией и браком его сына Всеволода с царевной из рода Мономахов.

А как же Древнерусское государство? Его становление напрямую связано с войной: «Русская государственность формировалась в обстановке непрекращающейся экспансии викингов в пределах Восточной Европы. Крупнейшие набеги происходили через длительные периоды. Регенерация поколений, обескровленных кровопролитной войной, требовала несколько десятилетий»¹⁶⁹. «Волны скандинавской экспансии в известной мере тормозили формирование государственности на Руси»¹⁷⁰. Собственно термин «государство» впервые применяется Р.Г.Скрынниковым в отношении времен Ярославичей. «Единство государства гарантировалось единством княжеской семьи, братским согласием князей, признанием ими старейшинства киевского князя»¹⁷¹. Данный вывод несомненно подтверждается «Правдой Ярославичей» — кодексом законов, принятых на одном из княжеских съездов, особенно статьями о нарушении межи, связанными с четким обозначением наличием княжеского домена¹⁷². Ясно, что при подобном подходе события, изложенные Нестором в «*Повести временных лет*», должны получить интерпретацию позднейшей модернизации: захват Корсуни — результатами предательства; женитьба Владимира на Анне — безнадежным положением Константинополя; христианизация Руси — удачным стечением обстоятельств. Остается, правда, еще строительство оборонительной системы укреплений на южных притоках Днепра и набор воинов для ее защиты из северных земель. К сожалению, автор, упоминая об этих процессах, не дает им развернутого объяснения.

Перед нами три концепции одного и того же исторического процесса, написанные тремя профессиональными историками. Сказать, что они разные — значит не сказать ни

чего, — они противоположные, а выводы из них — взаимоисключающие. Но это взаимоисключение не случайно. Фроянов прямо пишет, что его концепция направлена против «преувеличения роли и значения классовой борьбы в Древней Руси»¹⁷³. Среди ученых, придерживающихся концепции, которая отводила решающую роль в образовании Древнерусского государства классовой борьбе, он называет Рыбакова. Перед нами смысловой подход к предшествующему историческому объяснению. Концепция Скрынникова также имеет смысловой характер, но аргументация направлена в основном не против концепции классовой борьбы, а против выводов о возникновении государства на Руси в X веке. Что же должен делать в такой ситуации философ? Сравнивать способы аргументации.

Несмотря на то, что Рыбаков и Фроянов — антинорманисты, а Скрынников — норманист, с точки зрения аргументации данное различие оказывается несущественным. Разница между историками наблюдается не в направлении их исследований, а в способах интерпретации ими источников. Рыбаков создает развернутую историческую реконструкцию целесообразного процесса. Князь для него — не только правитель и воин, он организатор и управленец способов хозяйственной и административной деятельности на подчиненной ему территории. Это целесообразная деятельность в результате познавательных операций может быть реконструирована и проверена археологическими раскопками. Необходимым элементом исторической реконструкции выступают математически обоснованные расчеты (расстояние дневного передвижения вооруженного всадника или морского судна, количество судов для летнего вывоза полюдья и его примерный размер для шестимесячной торговли, необходимое количество рабочих рук для изготовления такого количества судов и их оснастки и т.п.). Там же, где исторические факты (Болгарский поход Святослава) приходят в противоречие с выдвинутой концепцией, Рыбакову приходится высказывать смелую гипотезу геополитической му-

дрости юного князя: «По отношению Руси вся стремительная деятельность Святослава не только не была невниманием к ее интересам или неосознанным стремлением «охабить», пренебречь ею, но, наоборот — все было рассчитано на решение больших государственных задач, требовавших напряжения всех сил. Важнейшая задача, состоявшая в обеспечении безопасности со стороны Хазарского каганата была решена вполне успешно. Вторая задача — создание мирного торгового плацдарма на западном побережье Русского моря «в содружестве с Болгарией» выполнена не была, т.к. здесь Руси противостояли две значительные силы: Византия и Печенегия»¹⁷⁴. Не отрицая возможности данного вывода, нужно тем не менее отметить его слишком смелую модернизацию. Иногда возникает впечатление, что киевский князь был не иначе как предшественником создателей Варшавского договора, ведь «его действия на Дунае и за Балканами были проявление дружбы и солидарности с народом Болгарии»¹⁷⁵. Неспроста Р.Г.Скрынников в своей книге уделяет внимание именно этому походу. Все, что связано с описанием Святослава и его походов, очень сильно мифологизировано, а борются с мифами — одна из первейших задач историков.

Подходы Скрынникова и Фроянова, столь разные по концепции и выводам, объединяет одно — стиль аргументации. Оба ученых работают по преимуществу с письменными источниками. Ссылки на археологические открытия есть у обоих, но лишь в той части, где они подтверждают письменный документ. Оба в сложных случаях широко используют сравнительное языкознание, культурную и структурную антропологию. И самое главное — смело применяют аргумент «от противного», при котором отсутствие в независимом источнике какого-либо традиционно устоявшегося словосочетания или события свидетельствуют либо об ущербности источника, либо о том, что данное событие не происходило. Причем выбор в данной жесткой дихотомии производится авторами произвольно, чаще всего в зависимости от заранее принятой концепции.

Приведенный анализ показывает, что перед нами два разных типа исторических исследований. Условно назовем их исторической реконструкцией и источниковедческой интерпретацией. Оба типа научно обоснованы. Оба не свободны от недостатков с точки зрения методологии науки. Историческая реконструкция ближе к теоретическому знанию, источниковедческая интерпретация — к эмпирическому. Но это характеристики обоих типов как средств научного познания, нас же интересует другое: существуют ли особые характеристики объекта исследования, в соответствии с которыми мы можем выбрать применение того или иного типа исторического исследования? На наш взгляд, историческая реконструкция больше подходит для описания процессов, источниковедческая интерпретация — состояний. В чем же разница между этими категориями?

Состояния относятся к описанию фиксированного предмета. Покой или движение (если его рассматривать как состояние) всегда чего-то, например тела. Причем принципиальным оказывается способ фиксации. Пространство и время выносятся за предмет. Предмет фиксируется или по абсолютной шкале пространство-времени как в физике Ньютона, или по отношению к расположению других предметов, определяющих пространственно-временные характеристики, место исследуемого предмета. В рамках независимой от самого предмета пространственно-временной шкалы должна проходить процедура сравнения состояния предмета, в результате которой мы можем фиксировать какие-либо изменения предмета. Для историков такой независимой от предмета шкалой времени выступает прежде всего астрономическая хронология (года, месяца, дня, часа). Как уже было сказано, привязка события к хронологии свидетельствует, безусловно, о профессионализме историка. Пространственная характеристика предмета, наоборот, по большей части хотя и вынесена за предмет, локальна, т.е. его конкретное место описывается отношениями в структуре, в которой предмет выступает как элемент (с соседними странами, ие-

рархиями чинов, конкурентами или союзниками и т.п.) Данная фиксация предмета составляет специфику исторического знания, предполагающая его всеобщность по временной шкале и одновременно конкретность по пространственной. Ясно, что для исторического исследования, опирающегося на описание состояний, наиболее распространенной операцией является сравнение. Результат данной операции: в наличии или отсутствии в источниках какого-либо факта, признака или аналогия с результатом, полученным в более обоснованной гуманитарной теории. Анализ аргументации Фроянова и Скрынникова показывает, что оба ученых исследуют прежде всего состояния.

При описании процессов мы имеем дело непосредственно с изменением предмета (процесс формирования классов, процесс формирования государства, антропогенез), фиксация же изменения предмета предполагает использование пространственно-временной шкалы, соразмерной предмету изменения. По существу эту шкалу задают внутренние характеристики предмета, и прежде всего пространственно-временные связи элементов, составляющие сам предмет. К сущностным характеристикам процесса относятся такие понятия, как *начало* и *конец*.

Данное положение принципиально. Именно оно приводит историка к необходимости создавать историческую реконструкцию. Можно по-разному относиться к попыткам такой реконструкции. Как мы показали на примере Рыбакова, выбранный им тип исторического исследования не приводит ученого сам по себе к истинным результатам, не может гарантировать правильного решения всех вопросов, которые встают перед историком. Смысловая критика основных постулатов рыбаковской концепции, предпринятая Фрояновым и Скрынниковым, имеет право на существование, но по существу, выявляя слабые стороны той или иной исторической реконструкции, эта критика мало затрагивает основной результат работ Рыбакова — реконструкцию хозяйственных, административных и социальных процессов, при-

ведших к возникновению Древнерусского государства. Особенно наглядно это видно в работе Фроянова. Отрицая решающую роль классового подхода при объяснении генезиса Древнерусского государства, Фроянов вынужден констатировать в качестве причины волнений 996 года «нестроение в результате падения родоплеменного строя». Простой вопрос о причинах этого падения с большой долей вероятности приводит нас к принятию теории классовой борьбы. Подход Скрынникова кажется более обоснованным.

У большинства процессов можно выделить *начало* и *конец*, фиксацию которых можно представить как определенные состояния. То, что поземельные отношения, характерные для феодализма, зафиксированы впервые в «Правде Ярославичей», относящейся к концу XI века, является безусловным фактом. Именно с этого момента историк имеет полное право говорить о существовании на Руси феодальных поземельных отношений. Перед нами вне всякого сомнения *начало* нового исторического процесса, прежде всего формирования «вотчин», что подтверждается и другими статьями княжеских съездов и самой практикой этих съездов. Но ведь всякое *начало* одновременно и *конец* какого-то процесса. Для Скрынникова это *конец* «варяжской эпохи», который при описании очень напоминает исторический феномен, известный под именем «военной демократии». Несомненно элементы военной демократии были очень сильны в прото-балтийской цивилизации, но отличие от типичных военных демократий огромное. Мир, в котором разворачивается деятельность норманнов, ничего общего с демократией не имел. Это мир императоров, каганов, королей, мир устойчивых торговых связей и развитых товарных отношений. Норманны — купцы, наемники, грабители, люди, активно ищущие власти и золота, точнее, серебра. Их поведение изумительно вариабельно в зависимости от условий, в которых они оказывались. Демократия в Исландии, герцогство в Нормандии, наемничество в Византии — норманны всегда встраивались в существующий строй, перенимая его

правила игры и сохраняя при этом жесткую структуру властных отношений внутри своего микромира. Оказавшись в силу экономических причин в славяно-финских землях, нормандские конунги вполне могли заняться организацией единой хозяйственной и военной деятельности на подчиненной им территории, о чем ярко свидетельствуют тексты договоров с Византией и результаты княжения Святого Владимира.

Отрывок летописи, посвященный действиям княгини Ольги, может подвергаться различной интерпретации, что и продемонстрировали Рыбаков, Фроянов и Скрынников. Но конкретные исторические реконструкции полюдя при Игоре и создание оборонительной линии южнее Киева при Владимире показывают нам, что при той степени целесообразности действий, которую мы реконструируем у предшественников и последователей Ольги, ее собственная деятельность как княгини вполне могла быть не менее целесообразной. Поэтому интерпретация Рыбакова может быть признана по крайней мере более правильной, чем интерпретация Скрынникова, хотя бы вследствие того, что требует принятия меньшего количества спорных аргументов в качестве безусловных. Другое дело — походы Святослава. В качестве их объяснения возможны совершенно различные интерпретации. Итак, при смысловом подходе историк интерпретирует прошлое, как бы создавая возможный мир. В зависимости от того, понимает ли он это прошлое как целесообразный процесс или как смену состояний в относительно стабильных условиях, он применяет историческую реконструкцию или источниковедческую интерпретацию. Но самое любопытное заключается в том, что оба типа исследования не отрицают, а скорее дополняют друг друга. Ведь тот или иной процесс может начаться лишь в том случае, если достигнуто определенное состояние системы. В отношении интересующего нас вопроса это отчетливо видно на примере знаменитого конфликта князя Ярослава с новгородцами. На следующий день после коварной расправы князя с новгородцами, напавшими на нанятых им варягов, узнавший о смерти отца Ярослав

обращается к новгородцам же за военной помощью. 3 тысячи человек городского ополчения (гигантское, по меркам средневековья, число воинов) отправляются с обидевшим их князем на Киев. Война принимает затяжной характер, но Новгород даже при крупных поражениях продолжает поддерживать человека, столь несправедливо с ним обошедшегося. Зачем все эти жертвы? Что заставляет свободных людей идти так далеко от родных очагов на войну с очень сомнительным исходом? На этот вопрос очень сложно отвечать, если не принять одно допущение. Ярослав не конунг, а государь, т.е. новгородцы понимают, что государство уже есть и вопрос только в том, чьими подданными они будут и кто будет этим государством управлять. Создание государства, конечно же, длительный процесс, и Игорь, и Олег, и Владимир внесли в него определенный вклад. Но завершается этот процесс лишь тогда, когда подданные этого государства принимают новое для них положение как естественное состояние и начинают защищать его. Фиксация состояния — необходимый элемент исторического исследования, пусть даже само исследование построено в виде реконструкции исторических процессов. Поэтому для современного историка актуальным остается вопрос: каким образом совместить исторические реконструкции, описывающие целесообразные процессы и фиксацию состояния предмета этого процесса? Ведь если история имеет какой-либо смысл, а признание ее бессмысленной противоречит профессии историка, то этот смысл в силу существенных характеристик понятия «смысл» должен быть «внеположен», т.е. задан истории извне.

Мы должны признать, что в данном пункте начинаем балансировать на грани исторического знания, избежать окончательного сползания в «философию истории» нам помогает богатство системы категорий, которое применяет историк. Смысл истории действительно задается извне, но эта область смысла находится в самой истории, она принадлежит ее субъекту. Само понимание субъекта истории скорее

логично, чем онтологично, т.к. онтологию здесь задают логические отношения, а не наоборот. Субъект — это нечто, определяющее ход развития истории, а вот его онтологическое наполнение может быть разным, от талантливого полководца, царя Македонии, до передового отряда рабочего класса. Принципиальным здесь оказывается возможность смены на определенном этапе истории онтологической составляющей субъекта. Именно эта диалектика и дает возможность говорить о внеположенном смысле истории «х», где само «х» — сложное отношение историй отдельных частных людей и определяющих жизнь этих частных людей отношений.

Выстроить смысловую логику истории означает понять, в каких случаях история частных людей «а, в,с...» определяет историю страны, класса, племени, а в каких — история страны, класса, племени определяет историю частных людей а,в,с... Для этого необходимо описать, как эти две истории (индивидов и надындивидуальных образований) определяют смысл друг друга. Какова динамика изменений этих смыслов, от которой в конечном счете зависит не только страта, но часто и имя субъекта истории, а также понимание человеком своей истории как судьбы человечества.

Заключение

Человек — существо социальное. Его социальность многообразна, он одновременно является членом нескольких социальных отношений. Это многообразие само выступает как поле возможностей выбора человеком его субъектности. При этом выбор субъектности может быть представлен как акт творения человеком самого себя, а поле возможного социального взаимодействия — как потенциальная бесконечность способов, технологий человеческого существования. Тем самым, творя самого себя, человек одновременно творит особую технологию осуществления человеческого, т.е. новую социальность.

Для самого творца это творение в силу единичной природы акта всегда новое, но в силу природы человека атрибут новизны может быть присущ также социальности. В этом «может быть» и заключена суть истории. История человечества — это создание людьми такой новой социальности, при которой старая становится не актуальной и тем самым переходит в историю.

Создание функциональности социума и включение в эту функциональность (т.е. передача технологий функционирования) новых членов и есть способ существования Человека. Пока данное функционирование актуально, мы имеем дело не с историей, а с настоящим. Но так как человек — существо не вечное, ему, в силу целостности социальной жизни, приходится передавать технологию своего социального функционирования тем, кто приходит позже него, следующему поколению. В свою очередь у каждого поколения кроме преемственности технологий от «старших» существуют внутритроколенческие проблемы, связанные с актуализацией их состояния «здесь и сейчас». Тем самым возникает два рода проблем. Первая, проблема передачи технологий социального функционирования, необходимых для создания общественного целого, и вторая — проблема актуального функционирования отдельной части этого социального це-

лого. В случае если вторая проблема решается в рамках решения первой — мы получаем органичность актуализации настоящего и практически имеем дело с продолжением настоящего. Если для решения второй проблемы наиболее активная и молодая часть социума находит иные способы функционирования общественного целого — старые механизмы со временем становятся не актуальными, и возникает история.

При этом в силу актуальности действий сами участники событий находятся вне истории и вынуждены обосновывать свою активность «вечными» ценностями. Сами «вечные» ценности, будучи идеологемами, используют конкретно-исторические обоснования в виде контекста ответа на «вечные» вопросы.

Но, ища ответы на «вечные» вопросы, человек может не замечать, что «вечность» вопроса зависит от его некорректной постановки. Так радикальность вопросов, задаваемых в юношеском возрасте — следствие экзистенциального выбора, который ставит перед человеком ощущаемая им сила и отсутствие опыта использования этой силы. Человек что-то должен делать, кем-то должен стать. Но кем? В отдельных случаях ответ предзадан функциональностью существования человека. Это снимает с него бремя ответственности за выбор его человеческой истории. А если человек свободен от функциональности, т.е. волен делать то, что хочет, — то перед ним встает один из «вечных» вопросов: «Что ты хочешь от жизни?» Ответа на этот вопрос не может быть, и тогда человеку на помощь приходит история, которая сама девальвирует некоторые вопросы, переводя их из наличности в неактуальность.

В этом история противоположна философии. Она снимает с человеческого существования налет вечности и тем самым дает человеку силы для актуализации настоящего. Являясь естественным пределом вечности, история не только пытается ответить на вопросы, но и сама дает границы актуализации своего ответа. При этом сам ответ может и, чаще всего, является скорее правдоподобным, чем истин-

ным, но это не смущает читателей истории. Человек вполне способен обойтись без абсолютной исторической истины, но он не в силах обойтись без истории, т.к. история — это то, что сообщает человеческой жизни смысл существования. Ведь мы как бы интуитивно знаем, что жизнь конечна, и в силу этого пытаемся оценить ее как процесс, понять не только ответ на вопрос «почему?», но и ответ на вопрос «зачем?», с какой целью она дана человеку. В конце концов именно ответ на этот вопрос дает основание для ответа на ранее поставленный вопрос «что я хочу от жизни?».

Может ли человек ответить на этот вопрос вне истории? Нет. Актуально «жизнь» дана человеку исключительно в виде истории, чаще в литературном, а не в научном смысле этого понятия. Но литература как форма требует коллизии, предполагает поворотный пункт сюжета, за которым рассказ приобретает особый смысл, и жизнь героя переворачивается. Другое дело — реальная история. Она может строиться в форме рассказа, но не есть рассказ. Цель истории — не в точке поворота коллизии, а в завершении определенного периода, в переходе современности в историю, в окончание актуальности и тем самым, в отказе от дихотомийного деления. Для истории важна не кульминация, а окончание, поэтому историк выстраивает события в рамках какого-то единого периода, одной истории, не зависящей от кульминационной логики главного героя. Более того, само имя субъект истории (ее герой) приобретает чаще всего после перехода актуальности в историю, но это имя дано из «новой» актуальности. Тем самым оно как бы внеположено этой «новой» актуальности и «объясняет» ее смысл из прошлого, закрепляя тем самым особенности функционирования новой социальности.

Примечания

ГЛАВА I

- 1 *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 292.
- 2 *Кант И.* Пролегомены. М., 1993. С. 51.
- 3 Там же. С. 47.
- 4 См.: *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.
- 5 *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Собр. соч. Т. 3. М., 1964. С. 383.
- 6 *Анисов А.М.* Проблема познания прошлого // *Философия науки.* Вып. 1. М., 1995. С. 243–248.
- 7 См.: *Thesis.* М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 158–159.
- 8 *Амбелен Р.* Драмы и секреты истории 1306–1643. М., 1992.
- 9 См.: *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
- 10 *Бродель Ф.* Игры обмена. М., 1988. С. 205–207.
- 11 См.: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 203.
- 12 См.: *Славяне и скандинавы.* М., 1986.
- 13 См.: *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
- 14 *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. С. 310.
- 15 *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. М., 1997. С. 311.
- 16 Там же. С. 300.
- 17 Там же. С. 311.
- 18 Там же. С. 310.
- 19 Там же. С. 270–271.
- 20 Там же. С. 277.
- 21 Там же. С. 281.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 282.
- 24 Там же. С. 283.
- 25 Там же. С. 284.
- 26 Там же. С. 285–286.
- 27 Там же. С. 286.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 271.
- 30 Там же. С. 278.
- 31 Там же. С. 282.
- 32 Там же. С. 295.
- 33 Там же. С. 297.

- 34 **Риккерт Г.** Границы естественнонаучного образования понятий. М., 1997. С. 291.
- 35 **Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.** Философия науки и техники. М., 1996. С. 217.
- 36 Там же. С. 193.
- 37 **Юшко А.А.** Московская земля IX–XIV вв. М., 1991. С. 24–30.
- 38 **Пуанкаре А.** О науке. М., 1983. С. 291.
- 39 Там же. С. 290.
- 40 **Шмидт С.О.** Путь историка: Избр. тр. по источниковед. и историогр. М., 1997. С. 42.
- 41 Там же. С. 44.
- 42 **Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.** Философия науки и техники. С. 204–205.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 **Шмидт С.О.** Путь историка. М., 1997. С. 32–35.
- 46 **Гальфрид Монмутский.** История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.
- 47 Идеей выбора ограниченного числа параметров среди многообразия исторических факторов пронизана книга **Р.Арона** «Избранное: введение в философию истории» (М., 2000).
- 48 **Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.** Философия науки и техники. С. 207.
- 49 Там же. С. 214–215.
- 50 **Коллингвуд Р.Дж.** Идея истории. Автобиография. С. 8–9.
- 51 **Кроче Б.** Теория и история историографии. М., 1998. С. 74.
- 52 **Коллингвуд Р.Дж.** Идея истории. Автобиография. С. 203.
- 53 **Королев Г.И.** Археография. М., 1996. С. 8.
- 54 Критику подобного подхода см.: **Февр Л.** История современной России // **Февр Л.** Бои за историю. М., 1991. С. 63–66.
- 55 **Бродель Ф.** Время мира. М., 1992. С. 394.
- 56 **Кассирер Э.** Избранное. Опыт о человеке. С. 651.
- 57 **Тейс Л.** Наследие Каролингов. М., 1993. С. 140–141.
- 58 **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3. М., 1986–1992.
- 59 **Бродель Ф.** Что такое Франция? М., 1994–1997.
- 60 **Бродель Ф.** Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002–2003.
- 61 *Historie et ses methods.* Paris, 1961. P. 5.
- 62 **Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.В.** Источниковедение. М., 2000. С. 123–124.
- 63 Там же. С. 124.
- 64 **Королев Г.И.** Археография. М., 1996. С. 8.
- 65 **Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.В.** Источниковедение. С. 124.

- 66 *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.В.*
Источниковедение. С. 124.
- 67 См.: *Яров С.В.* Массовое сознание в 1917–1920 годах: формы
политизации // Проблемы социально-экономической и политической
истории России в XIX–XX веках. СПб., 1999.
- 68 *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. С. 648–649.
- 69 *Библер В.С.* Исторический факт как фрагмент действительности //
Источниковедение: Теорет. и метод. пробл. М., 1969. С. 92.
- 70 Особенности построения теорий в современной физике не приводят
к отмене причинно-следственной связи, просто сама причинно-
следственная связь понимается более широко, чем во времена
Э.Кассирера, например, с учетом вероятностных исчислений.
Современный методолог в данном случае говорил бы не о причинно-
следственном, а о теоретическом описании факта.
- 71 *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. С. 657.
- 72 *Коллингвуд Р.* Идея истории. Автобиография. С. 207.
- 73 *Тейс Л.* Наследие Каролингов. М., 1993.
- 74 *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. С. 31–32.
- 75 См.: *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 78–96.
- 76 *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 209–211.

ГЛАВА 2

- 77 Цитируется по: Историческая макросоциология в XX веке. Вып. 1.
Новосибирск, 2000. С. 124.
- 78 Там же. С. 125.
- 79 *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 665.
- 80 *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1964. С. 277.
- 81 Там же.
- 82 Там же. С. 279.
- 83 «Яйность», «ячество» не совсем удачный перевод, скорее речь идет о
«самостности» или «самодостаточности».
- 84 *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С. 179.
- 85 *Библер В.С.* Исторический факт как фрагмент действительности //
Источниковедение: Теорет. и метод. пробл. М., 1969. С. 94.
- 86 *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. С. 171.
- 87 *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. С. 675.
- 88 См.: *Бродель Ф.* Игры обмена. М., 1988. С. 84–101.
- 89 *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. С. 123.
- 90 *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1964. С. 140.
- 91 *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1998. С. 115.

- 92 Мы сознательно не употребляем языковую конструкцию «со-бытие», синонимичную русскому «сосуществованию», потому что в данном контексте его употребление не прояснило бы, а скорее иллюстрировало смысл.
- 93 *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991. С. 475.
- 94 *Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997. С. 182–184.
- 95 *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. С. 106.
- 96 *Бродель Ф.* Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 594.
- 97 При этом необходимо помнить, что мобилизация может вызываться искусственно (Сталинская революция 1929 года).
- 98 *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 186.
- 99 *Бродель Ф.* Что такое Франция? Люди и вещи. Кн. 2, ч. 1. М., 1995. С. 115.
- 100 *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 247.
- 101 Там же. С. 293.
- 102 *Аверроэс (Ибн Рушд).* Опровержение опровержения. Киев—СПб., 1999. С. 56–57.
- 103 *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 253–268.
- 104 *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. С. 663.
- 105 Употребленные нами понятия указывают на наше расхождение с онтологией М.Хайдеггера, для которого «попытка обоснования metaphysica specialis оборачивается вопросом о сущности metaphysica generalis» (*Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. М., 1997. С. 7).

ГЛАВА 3

- 106 *Чаньшев А.И.* Аристотель. М., 1981. С. 27.
- 107 *Аристотель.* Собр. соч. Т. 3. М., 1981. С. 96.
- 108 Там же. Т. 2. М., 1978. С. 76.
- 109 Там же. С. 68.
- 110 Там же. Т. 1. М., С. 86–92.
- 111 Там же. С. 87–88.
- 112 *Койре А.* Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 95.
- 113 *Аристотель.* Собрание сочинений. Т. 4. М., 1984. С. 460.
- 114 THESIS. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 160.
- 115 Там же. С. 158.
- 116 Там же. С. 166–167.
- 117 Там же. С. 167–168.
- 118 Там же. С. 170.
- 119 Там же. С. 170–172.

- 120 THESIS. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 168–169.
- 121 Там же. С. 168.
- 122 Там же. С. 170.
- 123 **Дидерикс Г.А., Линдблат И.Т., Ноордам Д.И., Квиспель Г.К., Фриз Б.М.А. де, Фриз П.Г.Г.** От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998.
- 124 Там же. С. 31–32.
- 125 Там же. С. 33.
- 126 Там же. С. 41–42.
- 127 Там же. С. 61.
- 128 Там же. С. 41.
- 129 «В первую очередь я хотела бы упомянуть позитивизм, в рамках которого я была воспитана и продолжаю оставаться: в частности, можно назвать существующую по сей день позитивистскую петербургско-ленинградскую школу антиковедов» (**Свенцицкая И.С.** Дискуссия по статье М.А.Бойцова // Казус. М., 1999. С. 42).
- 130 См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 768.
- 131 **Валлерстайн И.** Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира. Вып. 2. Новосибирск, 2001. С. 102–115.
- 132 **Коллингвуд Р.Дж.** Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 378.
- 133 **Блок М.** Короли — Чудотворцы. М., 1998.
- 134 **Рабинович Е.В.** Жизнь Аполлония Тиамского // **Флавий Филострат.** Жизнь Аполлония Тиамского. М., 1985. С. 220.
- 135 **Августин А.** Исповедь. М., 1992. С. 177.
- 136 Историки и история. М., 1998. С. 712–715.
- 137 **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2. М. С. 575–577.
- 138 **Ле Руа Ладюри Э.** Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. С. 249–250.
- 139 Напомним, что единственность истинности является своеобразным фундаментальным регулятивом науки.
- 140 См. анализ Ф.Броделем исторической части работ М.Вебера.
- 141 **Марру А.** Святой Августин и августинианство. М., 1999. С. 37.
- 142 **Бродель Ф.** Время мира. М., 1992. С. 641.
- 143 Там же. С. 642.
- 144 Там же. С. 653
- 145 **Бродель Ф.** Т. 2. С. 210–220.
- 146 **Ивлев Ю.В.** Логика. М., 1998. С. 145.
- 147 **Бродель Ф.** Время мира. С. 650–651.
- 148 Там же. С. 651.
- 149 Там же. С. 652.

- 150 *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 193–194.
- 151 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 316.
- 152 Там же. С. 360.
- 153 Там же. С. 367.
- 154 Там же. С. 372.
- 155 *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. С. 79.
- 156 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 386.
- 157 Там же. С. 385.
- 158 *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. М.–СПб., 1995. С. 77–78.
- 159 Там же. С. 81.
- 160 Там же. С. 49.
- 161 Там же. С. 81.
- 162 Там же. С. 82.
- 163 Там же. С. 95.
- 164 *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 25.
- 165 Там же. С. 31.
- 166 Там же.
- 167 Там же. С. 30.
- 168 Там же. С. 31.
- 169 Там же. С. 49.
- 170 Там же. С. 50.
- 171 Там же. С. 82.
- 172 Там же. С. 97–98.
- 173 *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 20.
- 174 *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 382.
- 175 Там же.

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	4
История как эмпирическое знание.....	4
Проблема исторического источника	8
Проблемы методологии исторической науки	17
Проблема исторического факта	23
Источник как показатель приборной ситуации	33
Объективность в исторической науке.....	41
Эмпирические закономерности в исторической науке	45
Теоретическая нагруженность эмпирических фактов истории	51
ГЛАВА 2. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	66
Темпоральность исторического события.....	69
Категории исторического знания	84
ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	99
«Технический» подход к онтологии	101
Смысловой подход к онтологии.....	104
Логический подход к онтологии	105
Онтология и наука	107
Онтология и историческая наука	109
Онтология истории — технологический подход	111
Онтология истории — логический подход	122
Проблема единства многообразия в истории	127
Темпоральные границы истории.....	139
Логическая обусловленность исторических событий	145
Проблема исторической целостности.....	155
Онтология истории — смысловой подход.....	172
Заключение	188
Примечания	191

Научное издание

Блюхер Федор Николаевич

Философские проблемы исторической науки

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник ***В.К.Кузнецов***

Технический редактор ***А.В.Сафонова***

Корректор ***Т.М.Романова***

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 02.12.04.

Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 6,18. Уч.-изд. л. 9,07. Тираж 500 экз. Заказ № 048.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор ***Т.В.Прохорова***

Компьютерная верстка ***Ю.А.Аношина***

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119992, Москва, Волхонка, 14